

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачёва
(Институт наследия)

Экология культуры –
учение о сохранении культурного наследия
и вечных ценностей культуры:

*к 110-летию со дня рождения
академика Д.С. Лихачёва*

Москва
2017

УДК 304.444
ББК 71.04

Труды Института наследия
Ответственный редактор С.Ю. Житенёв
Научный сборник по материалам
Международной юбилейной научной конференции
«Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия
и вечных ценностей культуры:
к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва»

Э40 **Экология культуры** – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. М.: Институт наследия, 2017. – 204 с. (Труды Института наследия).

В представленный сборник вошли доклады и выступления участников Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», которая прошла 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Во время проведения конференции состоялась торжественная церемония вручения директору Института наследия А.С. Миронову архивных документов академика Д.С. Лихачёва, которые передала известная болгарская журналистка и писательница К.Х. Канева, выразившая надежду, что в Институте наследия архив и аудиозаписи Дмитрия Сергеевича сохранятся и будут использоваться в научных и просветительских целях. А.С. Мионов выразил сердечную благодарность К.Х. Каневой за бесценный дар для Института наследия и всей российской науки болгарского архива академика Д.С. Лихачёва. В научной дискуссии приняли участие российские и зарубежные учёные и специалисты, выступления которых помещены в настоящем сборнике в виде статей, представленных в авторской редакции. В сборнике впервые в России опубликованы некоторые материалы из болгарского архива Д.С. Лихачёва. Сборник представляет интерес для учёных и специалистов, интересующихся творческим наследием академика Д.С. Лихачёва, а также вопросы теории и истории культуры.

ISBN 978-5-86443-218-1
ISBN 978-5-86443-246-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беспалова Т.В.</i> Академик Д.С. Лихачёв о самобытности русской культуры	5
<i>Ванькин Е.В.</i> Церковно-археологические музеи и их роль в сохранении культурного наследия. Традиции и современность	14
<i>Геворгян Л.П.</i> Этнографические коллекции как память культуры	24
<i>Генова Н.М.</i> Духовное развитие академика Д.С. Лихачёва и становление фестивального движения «Душа России» в Омском Прииртышье	36
<i>Горлова И.И., Еремеева А.Н., Костина Н.А.</i> Научная коммуникация на Северном Кавказе как фактор межнационального согласия: история и современность	42
<i>Дончева-Панайотова Н.А.</i> Академик Д.С. Лихачёв о средневековой болгарской культуре и литературе	57
<i>Житенёв С.Ю.</i> Вклад академика Д.С. Лихачёва в становление и развитие российской культурологии	68
<i>Канева К.Х.</i> Мои встречи и разговоры с академиком Д.С. Лихачёвым. Штрихи к его творческой лаборатории (История книги «Симметрия времени». Как появились «Письма о добром и прекрасном» и «Десять заповедей человечности»)	75

<i>Матвеева З.Д.</i> «Жизнь, облагороженная культурой»: музейно-педагогические идеи в творческом наследии Д.С. Лихачёва	86
<i>Миронов А.С.</i> Экология культуры и приоритеты гуманитарных ценностей как основания культурной политики	97
<i>Пархоменко Т.А.</i> «Раздумья о России» академика Д.С. Лихачёва	105
<i>Поляков Т.П.</i> Учение об экологии культуры в контексте современного «живого музея»	113
<i>Путрик Ю.С.</i> Академик Д.С. Лихачёв и культура путешествий	129
<i>Рождественская М.В.</i> О научной школе Д.С. Лихачёва в изучении литературы Древней Руси	138
<i>Хилько Н.Ф.</i> Роль научного наследия академика Д.С. Лихачёва в формировании информационно-ценностного подхода к изучению визуальных образов городских культурных ландшафтов	148
<i>Юренева Т.Ю.</i> «Память преодолевает время»: военно-историческое наследие России в культурном пространстве Болгарии	156
<i>Сведения об авторах</i>	168
<i>Приложение</i> Материалы болгарского архива академика Д.С. Лихачёва, который К.Х. Канева передала Институту наследия 26 октября 2016 г.	170

Т.В. Беспалова,
Москва. Россия

Академик Д.С. Лихачёв
о самобытности русской культуры

Можно многое не сознать,
а лишь чувствовать.

Ф.М. Достоевский

Аннотация: Автор рассматривает в статье идеи Д.С. Лихачёва, высказанные им о А.С. Пушкине как центральной фигуре русской культуры. В статье подчёркивается мысль о неразрывности русского языка и отечественной культуры. Автор предлагает создать праздник русской культуры в день рождения А.С. Пушкина.

Ключевые слова: культура, русский язык, литература, поэзия, традиции.

T.V. Bespalova,
doctor of philosophical sciences,
Moscow. Russia

Academician D.S. Likhachev
on the Identity of Russian Culture

There is much not to know
but only to feel.

F.M. Dostoevsky

Abstract: The author examines in the article the ideas of D.S. Likhachev made of A.S. Pushkin as the central figure of Russian culture. The article emphasizes the idea of continuity of the Russian language and Russian culture. The author proposes to create a feast of Russian culture on the day of birth of Alexander Pushkin.

Keywords: culture, Russian language, literature, poetry, tradition.

Моё знакомство с творчеством Д.С. Лихачёва состоялось ещё в школе в 8-м классе. Мы писали конкурсные сочинения по

русской классической литературе, и я обнаружила запись беседы академика «Мне нужен Пушкин, нужен как Россия» в сборнике документальной прозы «Писатель и время». Это были перестроечные 1990-е годы, и меня настолько взволновала четкая позиция Д.С. Лихачёва по поводу величия русской культуры и А.С. Пушкина как её центральной фигуры, что я нисколько не сомневалась в выборе этой темы для конкурсной работы. Так тема моей первой в жизни публикации была сформулирована под влиянием идей Д.С. Лихачёва¹.

Я вспоминаю об этом не случайно: наследие Д.С. Лихачёва, касающееся самобытности русской культуры, весьма значительно, но до сих пор слабо используется современными исследователями. Кто сейчас может открыто, как это сделал в беседе о Пушкине Д.С. Лихачёв, напомнить всем слова Гоголя, гениально сказавшего: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным, это право решительно принадлежит ему.

В нём, как будто в лексиконе, заключалось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в той же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой стороне оптического стекла»².

Сам Д.С. Лихачёв подчёркивал: Пушкин – это лучшее, что есть в каждом из нас. Это доброта и талант, смелость и простота, демократичность и жизнелюбие, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и людям труда... Он погиб за свои убеждения, за честь, за любовь, погиб в бою, с оружием в руках.

Д.С. Лихачёв поясняет, что имеет в виду бой за честь поэта, ибо не может ни уважать себя, ни жить, ни быть уважаемым

¹ *Верещагина Т.В.* Мне нужен Пушкин, нужен как Россия. Осмысление. Материалы обсуждения Совета интеллигенции г. Владивостока. Вып. 2. Владивосток 1991. С. 12–21.

² *Лихачёв Д.С.* «Мне нужен Пушкин, нужен как Россия» // Писатель и время: сборник документальной прозы. М., 1988. С. 21.

и любимым читателями поэт с замазанной честью, корыстолюбием, низкопоклонством и иными бесчестными качествами. Размышления о Пушкине пробуждают в наших душах и умах самые лучшие, высоконравственные мысли и духовные устремления. В конечном счете это и есть самовоспитание добром и красотой человеческой души. Свойственные только Пушкину ирония, русский юмор, простота и глубина русского слова:

*Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.*

Так академик Д.С. Лихачёв приоткрыл тайну безмерного обаяния Пушкина: поэт в каждое мгновение жизни ощущал и переживал огромный, вечный, вселенский смысл. Он не просто любил жизнь, она была для него величайшим таинством и действием. И потому он был велик во всём: и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, в любви к Родине, к её истории, к её будущему³.

О «русском сердце», о самом важном для него, о любви пред Богом, которая раскрывается в любви к родине, пишет великий гений. Пушкинское «самостоянье» и сейчас звучит как завет России:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу.
Любовь к родному пепелищу.
Любовь к отеческим гробам.*

³ Там же. С. 20.

Русская культура – это Пушкин. Не случайно Д.С. Лихачёв, размышляя о создании праздника русской культуры (он думал, что такой праздник когда-то будет создан), считал: это будет день рождения Пушкина, поскольку он сконцентрировал в себе все самые замечательные стороны русской культуры.

К сожалению, приходится констатировать, что Пушкина в очередной раз пытаются «сбросить с корабля современности» вместе с русской культурой. Об этом свидетельствует состояние преподавания русского языка и литературы в школе, креативные театральные постановки, в которых наследие великого гения иногда практически неизвестно.

Академик Д.С. Лихачёв считал, что история литературы и история отечества совершенно необходимы и уменьшать объём преподавания этих дисциплин ни в коем случае нельзя. Кроме того, в школе следует преподавать не отдельные произведения, а историю литературы. Литературное произведение само по себе, исторически не объяснённое, теряет на 80 % свою действенность, если толкуется вне истории, вне биографии автора⁴. Мы разучились понимать «пушкинское» слово, смыслы русской культуры. Эта проблема не эпохи и не времени, это проблема утраты культурно-цивилизационной идентичности.

Лихачёв сумел осмыслить не просто историю литературы, русской культуры, а обозначил эволюцию русской культуры, роль «смеховой культуры» в формировании русского национального характера, феномены памяти, традиции, культуры и истории. Причём он считал их самостоятельными категориями философии культуры.

Интересно соотношение «памяти» и «времени»: учёный обозначает творческую созидательную роль памяти и уверен, что она способна противостоять времени. Хотя в научной традиции исследования феномена памяти укрепились позиции интерпретации времени как одной из её важнейших характеристик. Державинские строки в какой-то мере подчёркивают это свойство времени:

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей,
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

⁴ Лихачёв Д.С. Культура и мы // Огонёк. 1985. № 36. С. 24.

Сохранение русского литературного наследия задаёт преемственность эпох и поколений, способно повернуть время вспять в периоды социальных кризисов, поэтому знание и чувствование русской литературы, её истории выступает необходимым условием сохранения национальной самобытности.

Русская литература – это и есть русская идея. То, что можно почувствовать сердцем («сердечное созерцание»), то, что невыразимо.

Литературное образование формирует умение гордиться русской культурой, её великими писателями, выдающимися произведениями и художественными открытиями. Однако освоение русского культурного наследия требует грамотности. Об этой грамотности Д.С. Лихачёв писал следующее: «Всякое произведение, выхваченное из исторического окружения, так же теряет свою эстетическую (добавим: и общую смысловую!) ценность, как мазок художника, вырезанный ножом из картины...»

Эстетический анализ памятника литературы прошлого должен основываться на огромном реальном комментарии к памятнику. Нужно знать эпоху, биографию писателя, искусство его времени, закономерность историко-литературного процесса, язык литературный в его отношении к нелитературному. Памятник искусства не обладает в полной мере способностью к самораскрытию, особенно памятник прошлого или инациональной культуры»⁵.

Лихачёв, по сути, показывает как социокультурная сущность памятника литературы, исторический контекст его создания, язык влияют на способы его восприятия, меняют его эстетическую ценность.

Грамотное восприятие отечественной литературы нельзя заменить беседами на моральные темы, которые лишают школьников целостного восприятия художественных образов и способствуют, как сказал бы Д.С. Лихачёв, разрушению концептосферы русского языка.

Особое место в размышлениях Д.С. Лихачёва о самобытности русской культуры (яснее всего это представлено в его работе «Заметки о русском») занимают темы: русская природа и русский характер, национальный идеал и национальная действительность,

⁵ *Лихачёв Д.С.* Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 109–110.

патриотизм против национализма, величие Киева, экология культуры, о русском и чужестранном и т. д.

Широкое пространство, по Лихачёву, всегда владело сердцами русских, что нашло отражение в русском языке – понятие «воля». Учёный выделяет три состояния русского человека: воля, приволье, воля вольная, – которые гораздо сложнее, чем более узкое понятие свободы. Воля вольная – это свобода, соединённая с пространством, ничем не преграждённым. Такого понятия нет в других языках (свобода не отражает его содержания, поскольку не связана с простором). «Я пришёл дать вам волю», – знаменитое шукинское признание в образе Степана Разина, чисто русское.

Русская удаль, подвиг, русская пляска, лирическая протяжная песня, колокольный звон, быстрая езда, русские былины – всё это и многое другое, отмечает Д.С. Лихачёв, следствие стремление к простору. В русской культуре воля и простор издавна считались величайшим эстетическим и этическим благом для человека⁶.

Жалость, приветливость, ласка, сочувствие, симпатия – эти черты русского характера учёный связывает с пространством, простором русской равнины и добротой.

Доброта русского человека определена природой, хотя Лихачёв предельно диалектичен: «Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине, потому что она пришлась им по душе?»

Д.С. Лихачёв различал национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью. Народ, создающий высокий национальный идеал, создаёт и гениев, приближающихся к этому идеалу.

Поиски русских национальных черт писателями, художниками, публицистами в разные исторические времена были разными, но всегда уводили русского человека от одного общего: от душевной узости и отсутствия широты, от мещанства, от «бескомпромиссной» погружённости в повседневность, от скупости душевной и жадности материальной, от мелкой зависти и личной мстительности – таков примерный, по Д.С. Лихачёву, перечень черт, не свойственных русскому национальному характеру⁷.

Во всякой культуре есть идеал и есть его реализация, но судить о народе мы должны по преимуществу, по тому лучшему,

⁶ Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М., 2016. С. 14, 17–18..

⁷ Там же. С. 58–59.

что он воплощал и даже только стремится воплотить в жизнь, а не по худшему – такова позиция Д.С. Лихачёва. Он подчёркивал, что мы привыкли думать о культуре Древней Руси как об отсталой и «китайски замкнутой» в себе. Пришлось «прорубать окно в Европу», чтобы придать русской культуре «приличный» вид, избавить русский народ от его «отсталости», «серости», «невежества».

На самом деле в Древней Руси присутствовали культурные ценности самого высокого порядка – в зодчестве, иконописи и стенописи, в декоративном искусстве, а теперь стало ещё яснее: и в древнерусской хоровой музыке, древнерусской литературе. Д.С. Лихачёв обращает внимание на высокие трудовые традиции русского крестьянства, народное творчество – исключительно богатый эпос и проникновенную лирику⁸.

Темы, обозначенные в «Заметках о русском», ещё только начинают обсуждаться и становятся предметом философско-культурного исследования самобытности русской культуры. Сам Д.С. Лихачёв признавался, что он предпринял попытку в данной работе описать народный идеал русских, их лучшие качества, как они представляются самим русским (но говоря о «лучшем» для характеристики русских, я ничего не сказал о тех вершинах, которые существуют и в самих вершинах – в искусстве, литературе, философии, национальных особенностях религии).

Выразителями «вершин» являются мыслители (философы, богословы, критики, поэты, писатели, композиторы, живописцы). В России художественное познание мира русскими мыслителями почти во всех случаях, отмечал Д.С. Лихачёв, было связано с ощущением трагичности совершающегося в мире (и снова пушкинское «я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»). Трагична русская доброта, русское понимание воли, удали, но это всё требует особого и очень сложного осмысления⁹.

Трагичность компенсируется беспечностью, блаженной погружённостью в настоящее, храбростью, удалью, подвигом русского человека. Храбрость – это удаль, удаль – это храбрость, умноженная на простор, – в каком ещё языке есть подобное различие?

Русское пространство немислимо без представления широкой бескрайней равнины, реки и храма. «Храмы веселуются», –

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Там же. С. 468.

эта непостижимая разумом лихачёвская метафора даёт представление о русской церкви как божьем подарке, её живости и приближенности и к природе («возникают среди лесов и полей на изгибе реки или дороги»), и к людям («весёлые подарки людям»).

Особое понимание святости, красоты, любви, греха, Бога, смерти – эти идеи Ивана Ильина развиты в работах Лихачёва, усиливают представление о национальном идеале и национальном характере.

Русский человек не знает меры: «...забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и проходящее, являющееся как бы каким-то наваждением). Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой. <...> Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, – стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда»¹⁰.

Д.С. Лихачёв отличался научным и личным мужеством в отстаивании истин, касающихся не только предмета научной специальности – древнерусской культуры и её поэтики. Его всегда волновало состояние культурного наследия, русского языка, их сохранение для потомков. Это было подлинное служение.

Из письма М.А. Шолохову: «Меня крайне беспокоит продолжающееся варварское уничтожение памятников русской культуры, существующее отношение к культурному наследию русского народа. Если бы мы больше берегли наши русские традиции, русское культурное наследие, не уничтожали бы русский облик наших городов и сел, не лишали бы Москву исторических воспоминаний, ее исторического облика, нам не пришлось бы сейчас защищаться от наплыва безродно-

¹⁰ *Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873. Глава V. С. 46.*

го абстракционизма, он был бы нам вовсе не страшен. А так... природа не терпит пустоты. Нельзя противопоставлять сильным современным течениям в искусстве Запада только передвижников.

Если бы Вы подняли голос в защиту русских национальных традиций, национального облика наших городов, сохранения исторических русских памятников! Сколько русских были бы Вам за это благодарны».

Когда в 1995 году были упразднены Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации, Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, ликвидирован Отдел русского языка в структуре Минобразования России, Д.С. Лихачёв вместе с петербургскими академиками Н.Н. Скатовым и А.М. Панченко обратились к председателю правительства России с открытым письмом о восстановлении данных структур, отмечая значение русского языка как незаменимого и обязательного средства воспроизводства интеллектуального и культурного потенциала страны, обеспечения её национальной безопасности.

Национальное возрождение России зависит от обращения к творческому наследию Д.С. Лихачёва, и начать стоит с создания праздника русской культуры в день рождения А.С. Пушкина.

Е.В. Ванькин,
Москва. Россия

Церковно-археологические музеи
и их роль в сохранении культурного наследия.
Традиции и современность

Аннотация: Русская православная церковь сыграла огромную роль в сохранении культурного наследия. В дореволюционной России к 1917 году были созданы церковно-археологические музеи практически во всех епархиях Российской империи, многие из которых стали широко известны своими коллекциями. И сегодня, продолжая традиции, церковные музеи продолжают решать просветительские задачи.

Ключевые слова: культурное наследие, церковно-археологические музеи, древлехранилища, древности.

Evgeny Vankin,
Moscow. Russia

Church-archaeological museums
and their role in the preservation of cultural heritage.
Tradition and modernity

Abstract: The Orthodox Church has played a huge role in the preservation of cultural heritage. In pre-revolutionary Russia by 1917 had established Church-archaeological museums in almost all the dioceses of the Russian Empire, many of which have become widely known for their collections. And today, continuing the tradition of the Church, the museums continue to solve educational challenges.

Key words: cultural heritage, Church-archeological museums, archives, ancient.

В дореволюционной России одной из интереснейших страниц истории развития гражданского общества является процесс организации первых русских музеев, становление общественного интереса к прошлому своей страны и к охране ее историческо-го и культурного наследия. В этом процессе значительную роль

играла и Русская Православная Церковь, которая, несмотря на непростые правовые взаимоотношения с государством, разность взглядов и подходов к приоритету художественных и сакральных ценностей, немало сделала для сбережения доставшегося нам от предков культурного достояния. Относясь к богослужебным древностям как к святыням, желая сохранить их духовное наполнение, Церковь пыталась найти свой путь сохранения национальных памятников. И в этом ряду особое место занимают созданные ею церковно-археологические музеи и древлехра­нилища. И если светская музейная сеть складывалась достаточно стихийно, то организация церковных древлехра­нилищ уже в начале XX в. стала одной из попыток духовного ведомства создать целостную государственную структуру по сохранению богатейшего наследия православной русской культуры, и не только православной. Сконцентрировав памятники старины в созданных древлехра­нилищах, до того рассеянных по многим монастырям и храмам, духовная власть открыла и новое просветительское направление социального служения Церкви. Эта славная страница прошлого еще недостаточно изучена, редко представляется читателю, а часто представляется и в искаженном виде. Позволю перечислить лишь краткие сведения, которые немного высвечивают из забвения деятельность церковно-археологических организаций и музеев, трудами коих в немалой степени сохранялось православное наследие на обширной территории Российской империи.

К середине XIX в. в русском обществе пробуждается крупнейший интерес к отечественным древностям, а обширнейшие археологические исследования в стране вызовут формирование различных обществ и комитетов археологической направленности. Это научное направление будет значительно превалировать над профилями других научных обществ на протяжении всей второй половины XIX в.

Только напомним несколько фактов. На рубеже 1860-х гг. учреждается Императорская археологическая комиссия, которая будет играть в дальнейшем ключевую роль в сохранении археологического наследия в Российской империи. Создается Московское археологическое общество, а в северной столице учреждается Русское археологическое общество, а также позднее создается

Археологический институт (1877). Создание археологических обществ активно шло не только в столичных городах, но и велика была роль провинции в формировании нового общественно-научного климата. Активными археологическими исследованиями и вопросами охраны памятников в дальнейшем будут заниматься учрежденные в 1884 г. Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), привлекавшие к своей деятельности сотрудников на общественных началах.

Подобной научной активности во многом будет способствовать, как известно, либерализация общественной жизни в 1860-х гг., проявившаяся в результате проводимых реформ императора Александра II, когда начинает складываться, особенно в провинции, особый социальный слой культурной элиты.

Идея сохранения отечественных древностей и памятников охватывает и просвещенные слои духовенства, которое принимает активное участие во многих исторических изысканиях, а в духовных изданиях начинают печататься многочисленные материалы по истории монастырей, храмов, и православных святынь. Начинается череда организаций церковно-археологических обществ во многих епархиях Российской империи, которые с организованными при них древлехранилищами станут уникальными собраниями церковных древностей.

Одной из первых подобных организаций в Российской империи станет в 1865 г. Подольский епархиальный историко-статистический комитет, открытый в Каменец-Подольске для описания приходов и монастырей Подольской епархии, в 1903 г. преобразованный в церковно-археологическое общество. Возникшие затем церковно-археологические общества и комитеты (сокращенно ЦАО и ЦАК), открывались при духовных учебных заведениях: семинариях и академиях. Подобные ЦАО и ЦАК возникают в 1880–1890-х гг. в Нижнем Новгороде, Архангельске, Воронеже, Смоленске, Вологде, Могилеве, а в начале XX в. – в Пензе, Твери, Новочеркасске, Чернигове, Полтаве, Минске и т. д.

По статусу ЦАО и ЦАК являлись такими же во многом общественными организациями, как и большинство губернских научных обществ, существуя на всевозможные пожертвования, членские взносы и нерегулярную финансовую помощь от епархиальных властей.

Первые церковные музеи были официально учреждены при духовных академиях, самых значительных центрах духов-

ного образования в стране. Так, огромным историческим событием стало открытие первого в Российской империи церковно-археологического музея и общества при Киевской Духовной академии в 1872 г., по полноте собранных коллекций который превзойдет со временем многие светские музеи. Собрание его состояло из 32 тыс. предметов, библиотека из 90 тыс. томов, 819 рукописей, 760 периодических и 98 церковных изданий.

В 1879 г. при Санкт-Петербургской Духовной академии также учреждается церковно-археологическая коллекция по инициативе приват-доцента Н.В. Покровского. Скоро его фонды составили более 3 тыс. единиц хранения, став крупнейшим собранием церковной старины в Петербурге. В 1880 г. при Московской Духовной академии официально открывается третий по времени учреждения церковно-археологический музей в России, хотя небольшая коллекция при ней существовала и ранее.

В последней четверти века начинается череда открытий церковных музеев, наиболее известные из них стоит отметить и сказать несколько слов об их фондовых коллекциях. Открывается музей при Холмском Богородицком братстве (1882), на землях недавно присоединенной к России Холмщины, находившейся многие века под гнетом католической Польши. Здесь экспонировались иконы и богослужebная утварь, также употреблявшиеся униатами и латинянами.

В Туле основывается епархиальное древлехранилище (1885), переименованное затем в Палату древностей. Оно станет крупнейшим собранием церковной старины, включив более 4 тыс. предметов, и для него к 300-летию дома Романовых будет построено новое здание.

В древлехранилище при Нижегородской духовной семинарии (1886) в числе первых древностей поступает рукописное евангелие и старопечатные книги XVI в. Открывается древлехранилище при известнейшем в России Братстве святого князя Александра Невского во Владимире, авторитет и влияние которого было огромным. В нем состояли членами обер-прокуроры Синода, известные историки и ученые. В его собрании имелось более 350 рукописей XV–XVIII вв. и до 250 старопечатных книг, в числе которых были уникальное «Пятикнижие» Франциска Скорины 1519 г., Острожская Библия 1581 г. и пр.

А открывшееся древлехранилище в Архангельске (1887) скоро изумило своими уникальными северными древностями

многих знатоков. Здесь присутствовали грамоты великих князей и царей от Василия III до Алексея Михайловича, рукописные и старопечатные книги XV–XVIII вв., древние иконы и пр. Хорошо известно было совместное издание Двинских грамот Архангельским ЦАК совместно с академиком А.А. Шахматовым.

В год празднования 900-летия Крещения Руси в 1888 г. в Тифлисе открывается древлехранилище при Братстве Пресвятой Богородицы при Грузинском экзархате. Состав его коллекции станет настолько уникальным, что выведет музей поистине на европейский уровень известности. А изданный им фундаментальный труд «Описания рукописей музея» введет в научный оборот сведения более чем о тысяче письменных памятников христианства и старины Грузии, начиная с VII в.

Открывается музей при Витебском Владимирском братстве, в фондах которого одним из замечательных памятников станет рукописное Евангелие 1508 г., хранящееся ныне в Минском художественном музее. Церковные музеи в Житомире, Риге, Могилеве, а в начале XX в. – в Калуге, Воронеже, Рязани, Орле, Пензе, Чернигове, Кишиневе, Казане, Симбирске и других городах открываются для посетителей. Отмечу еще Тверское собрание, где, помимо уникальной коллекции иконописи тверской школы, была значительная коллекция богослужебной утвари. Одних только антиминсов было 2000, из которых более 50 относились к XVI–XVII вв. А также упомяну Псковский музей, где хранились уникальные пергаментные рукописи XI и XVI вв., антиминсы XVII в. и многие другие древности. В фондах Полтавского древлехранилища, открытом в преддверии двухсотлетнего юбилея Полтавской битвы, хранились уникальные письменные памятники XVI в., в первую очередь собрание полууставных рукописей, в т. ч. знаменитое рукописное пергаментное Пересопницкое Евангелие XVI в., на котором уже в наше время давал присягу президент Украины В. Ющенко.

Активно содействуя созданию древлехранилищ, духовные власти епархий передавали туда многие древности из монастырских ризниц. Так, например, богатейшее собрание ризницы Ипатьевского монастыря было преобразовано к 300-летию дома Романовых в Костромское древлехранилище, разместившееся в отреставрированных палатах бояр Романовых. Одними из первых посетителей нового церковного музея стали в 1913 г. император Николай II с семьей.

Церковные собрания учрежденных епархиальных древлехранилищ существенно различались по размерам своих коллекций, но среди них выделялись, как отмечалось на археологических съездах, «образцовые музеи в Екатеринославе, Киеве, Туле, которым могли позавидовать даже богатые правительственные музеи». Хотя многие епархиальные музеи, к сожалению, так и не смогли организовать полноценного публичного представления своих замечательных коллекций, их фонды оказывались скудными из-за крайне тесных условий размещения. Часто и в больших музеях экспонаты оказывались не систематизированными, в отличие уже от тогдашних светских музеев, но первоочередной задачей того времени было сохранение древностей. И с этой первоочередной задачей церковные музеи справлялись, также проводя и значительную просветительскую работу.

Перед началом Первой мировой войны уже в большинстве епархий Российской империи существовали музеи при различных духовных учреждениях. К 1917 г. из 64 епархий имелось только официально учрежденных церковных древлехранилищ в 53 епархиях. Причем в некоторых епархиях, как в Вологодской, Волынской, Московской, существовало даже по два-три церковных музея в различных уездах.

В особом ряду среди всех церковных музеев стоял Ростовский музей церковных древностей, устав которого также утверждался Синодом, а организация осуществлялась по благословению епископа, хотя он и оставался по статусу во многом общественным. Музей управлялся особым комитетом, состоявшим в основном из членов Императорского Московского археологического общества, а в составе его более ста почетных членов находились великие князья, обер-прокурор Синода и многие деятели культуры. Со временем научный авторитет музея стал настолько высоким, что в 1910 г. Государственная дума России приняла решение о предоставлении музею ежегодной государственной субсидии в размере 2300 руб. Его фондовая коллекция составляла тогда уже более 10 тыс. единиц хранения, в т. ч. более 300 древних икон.

Об общем развитии музейной сети в России говорит строгий порядок цифр. Если к 1917 г. в Российской империи существовало чуть более 200 светских музеев, где ведущее положение занимали музеи императорские, Академии наук, научных обществ и общедоступные музеи, то церковных музеев и древлехранилищ

имелось более 60, существовавших при различных церковных организациях.

В начале XX в. деятельность церковно-археологических обществ и комитетов было решено координировать с помощью нового центрального органа – Архивно-археологической комиссии, создаваемой при Святейшем синоде, правила которой будут опубликованы в 1909 г. Но начало мировой войны не позволит полностью реализовать долгосрочные планы по усовершенствованию сети церковно-археологических учреждений.

Но, несмотря на огромную просветительскую работу и законодательные меры государства и Церкви, сохранность культурно-исторических памятников по-прежнему не была гарантирована от невежественного обращения. По многим епархиям выявлялись многочисленные случаи нарушений, что требовало неоднократных определений Синода. Многократно издаваемые постановления постепенно приводили к ощутимым результатам. На древности на рубеже XX в. обращает пристальное внимание большинство епархиальных начальств. Духовные лица становятся и активными участниками многих светских мероприятий по сохранению памятников старины, регулярно участвуя в различных археологических и областных съездах, работая в составе различных отделений археологической комиссии, географического общества и многих губернских ученых архивных комиссий. И духовенство, как наибольшая часть сельской интеллигенции, станет во многом средой, формирующей историческое сознание в губернской глубинке.

После 1917 г. все академические и епархиальные церковно-археологические общества и древлехранилища были упразднены, а их коллекции вошли в состав различных музеев.

Лишь после Великой Отечественной войны и допущенных послаблений Русская Православная Церковь смогла вновь организовать первые церковные музеи. Только в 1948 г. при Московской Духовной академии был организован церковно-археологический кабинет, который в настоящее время обладает значительной коллекцией церковной старины. В 1980–1990-е гг. РПЦ создает ряд небольших церковных музеев во вновь открываемых монастырях. Так, в дни празднества 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. открывается церковно-исторический музей в Свято-Даниловом монастыре в Москве, в 1997 г. – церковно-

археологический музей при Санкт-Петербургской Духовной академии, а в московском Донском монастыре – музей, посвященный святителю Патриарху Тихону. Также в 2002 г. создается церковно-археологический музей при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, включившем значительное собрание древней иконописи. А в 2007 г. также в Москве открывается церковный музей в возведенном московском храме Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове, соединивший собрания церковной утвари и икон с личными вещами новомучеников.

Учреждается на рубеже новолетия и ряд епархиальных церковно-исторических музеев в различных российских городах: Самаре (1997), Уфе (2003), Барнауле (2005), Новосибирске (2006).

После передачи в безвозмездное пользование Церкви ряда древних монастырей, в которых ранее размещались государственные музеи-заповедники, на их базе организуются церковные музеи (скажем, не без проблем). Подобные музеи формируются в Ипатьевском и Новодевичьем монастырях, а также в Рязани после передачи РПЦ части Архиерейского дома и Архангельского собора. Они продолжают активную просветительскую деятельность.

В ряде восстановленных монастырей во многих епархиях также открываются церковно-исторические кабинеты, быстро превращаясь в полноценные епархиальные музеи. Открывает свою экспозицию кабинет Рождественского монастыря Владимиро-Суздальской епархии, организуются музеи-ризницы в Николо-Угрешском монастыре в Москве, в Нило-Столбенской пустыне Тверской епархии, музей в Успенском Вышенском монастыре Рязанской епархии. Особой тематической насыщенностью обладает православный музей Свято-Николаевского монастыря в Верхотурье Екатеринбургской епархии, открывший двери еще в 1996 г. С 2003 г. формируется тематический музей памяти святейшего Патриарха Пимена в Муромском Спасо-Преображенском монастыре.

Открываются церковно-археологические кабинеты и при многих семинариях, служа наглядным учебным пособием для духовного образования, где можно познакомиться с образцами отечественной духовной культуры. Так, подобные кабинеты открыты в Нижегородской (2003), Ставропольской, Тульской (2006), Казанской (2007), Томской (2008), Ярославской (2012)

духовных семинариях. Знаменательно, что в Ярославской семинарии также вводится новый предмет «Основы музееведения», который позволит будущим священнослужителям приобрести знания по музейному делу, что в дальнейшем поможет им в организации сохранности церковных памятников в приходах.

В 2009 г. вновь открывается древлехранилище древнего Валаамского монастыря, продолжившего традиции просветительства. В 2010 г. при храме на Крови, построенном в Екатеринбургe на месте расстрела семьи последнего российского императора, открылся Музей святой царской семьи. В нем представлены уникальные реликвии, принадлежавшие Романовым, вывезенные белыми и возвращенные в Россию. Создаются епархиальные музеи в Саратовской, Иваново-Вознесенской, Чувашской епархиях и пр.

Церковные музеи активно открываются и в странах СНГ, на канонической территории Московского патриархата. Так, в 2001–2003 гг. создается церковно-археологический кабинет при Минской Духовной академии, а в 2009 г. открывается кабинет при Киевской Духовной академии. С 2004 г. действует церковно-исторический музей Харьковской епархии. В 2005 г. открыл свои двери церковно-археологический кабинет Витебской епархии при духовном училище, а также действует музей святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в Троицком монастыре Симферополя, теперь он уже в России. Одним из старейших в этом ряду является кабинет Одесской семинарии, возникший еще в 1967 г.

Примером плодотворного совместного сотрудничества государства и Церкви стало и открытие в 2013 г. в Арзамасе Музея русского патриаршества, который стал филиалом Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ) и где директором был назначен архимандрит Тихон (Затекин). В экспозиции музея – материалы об архипастырском служении патриархов Никона, Сергия (Страгородского), Алексия I, Пимена, Алексия II и Святейшего Патриарха Кирилла, многие из которых были неразсторжимо связаны с нижегородской землей.

В настоящее время РПЦ разрабатываются проекты создания системы древлехранилищ при большинстве епархий, подобно существовавшим церковным музеям до революции. Новые церковные древлехранилища должны продолжить лучшие традиции просветительства дореволюционной России. Но при разработке системы церковных музеев важно и создание полноценной про-

граммы научного комплектования и экспонирования, учитывающих реалии нового времени, в которых бы были собственные подходы к тематическому экспонированию с индивидуальными особенностями церковного музея, чтобы это не выливалось в соперничество с экспозициями местных краеведческих музеев. В этом ряду могут служить удачным примером Музей истории православия на Алтае Барнаульской епархии, Музей истории православия Кузнецкой епархии и др., которые освещают историю становления и развития епархий, общественное и церковное служение их иерархов. Церковный музей – это та институциональная площадка, с которой Церковь может позиционировать свои многовековые традиции и духовные ценности. Подспорьем этому служит и церковная археология, представляя материальные памятники Церкви в нерасторжимой связи с историей христианства, а православное богослужение – в историческом контексте.

Решая традиционно просветительские задачи, церковные музеи продолжают и традиции активного взаимодействия со светским научным сообществом. Музейщики и реставраторы оказывают всегда значительную помощь Церкви в решении насущных вопросов, хотя за эти годы появилось немало и своих специалистов. Многие экспонаты из церковных фондовых собраний привлекаются светскими музеями для участия в тематических выставках.

Сохранение православного наследия – это совместная задача всего общества вне религиозных предпочтений, как и сохранение всей многонациональной культуры России.

Сознавая важную роль Русской православной церкви в деле сохранения и изучения культурного наследия, участники научно-практической конференции «Христианский музей в современном мире», которая состоялась в 2014 г. в Московской Духовной академии в Троице-Сергеевой лавре, приняли решение о создании Союза христианских музеев имени преподобного Сергия Радонежского для успешного решения трех главных задач, выраженных девизом нового союза: «Сохранять. Приумножать. Просвещать».

Л.П. Геворгян,
Ереван. Армения

Этнографические коллекции как память культуры

Хранить память, беречь память –
это наш нравственный долг перед самими
собой и перед потомками.

*Д.С. Лихачёв*¹¹

Аннотация: В статье автор анализирует вопросы, связанные с восприятием музея современным обществом как хранилища культурной и исторической памяти. Автор рассматривает роль музея в конструировании и репрезентации социальной реальности, в хранении и восстановлении исторической памяти и, посредством его, в формировании и/или активизации национальной идентичности народа. В процессе сохранения культурной памяти и активизации национальной идентичности армян особое место занимают музеи, организованные в тех странах, где существует устойчивая армянская диаспора. Автор считает, что глобализации культуры могут противостоять этнографические музеи и их коллекции.

Ключевые слова: память, музей, этнография, этнографический музей, коллекция, национальная идентичность.

L.P. Gevorgyan,
Yerevan. Armenia

Ethnographic collections as a memory of culture

To cherish the memory, cherish the memory
it is our moral duty to
ourselves and to our descendants.

D.S. Likhachev

¹¹ *Лихачёв Д.С.* Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое. Память культуры. СПб., 1999 // Грани эпохи: электрон. журн. URL: <http://grani.agni-age.net/edu/likhachev14.htm> (дата обращения 07.05.2017).

Abstract: In the article the author analyzes the issues related to the perception of the museum of modern societies as repositories of cultural and historical memory. The author examines the role of the museum in the construction and representation of social reality, the storage and recovery of historical memory and, through it, in the formation and/or intensification of the national identity of the people. In the process of preserving cultural memory and enhance the national identity of the Armenians occupy a special place in museums, organised in those countries where there is a strong Armenian diaspora. The author believes that the globalization of culture can withstand the ethnographic museums and their collections.

Key words: memory, Museum of Ethnography, the ethnographic Museum, collection of, national identity.

Если на заре формирования музееведения как науки музей рассматривался лишь как собиратель, хранитель и экспозиционер отдельных предметов-вещей, то в современной музееведческой литературе музей уже определяется как «память культуры», социальный и эстетический феномен, информационная система, инструмент формирования мировоззрения и системы ценностей¹², как хранитель и транслятор исторической, социальной или коллективной¹³ памяти. Неразрывной частью исторической памяти является культурная память¹⁴.

¹² Беззубова О.В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Триумф музея? СПб. 2005. С. 19.

¹³ Понятия «социальная память» и «коллективная память» иногда используются как синонимы: см. *Bikemen N. Collective Memory as Identity Content after Ethnic Conflict: An Exploratory Study. Peace and Conflict, "Journal of Peace Psychology", № 19 (1), 2013, p. 23–33; Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, пер. с немецкого М.М. Сокольской. М., 2004. С. 21.

¹⁴ «Система базовых представлений общества о прошлом, закреплённая в памятниках культуры и социальной традиции». См.: *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (этнографические заметки), М., 2003. С. 11; *Ассман Я.* Указ. соч. С. 18–20; *Schwartz B.* Culture and Collective Memory: Two Comparative Perspectives, in "Hall, J. R., Grindstaff, L. and Lo, M-C., Handbook of Cultural Sociology, London 2010; T. Bennett, Stored Virtue: Memory, the Body and the Evolutionary Museum, in "Susannah Radstone and Katharine Hodgkin (eds) Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition", New Brunswick & London 2006, pp. 40–54.

Источниками формирования исторической и культурной памяти считаются устная традиция, учебники истории, мемуары, художественная литература, историография, праздники и коммеморации¹⁵. С XX в. к этому ряду присоединились аудиовизуальные источники: кино, телевидение и радио, сетевой контент.

Культурную память невозможно рассматривать отдельно от человека. Это творческий процесс. «Культура человечества – это активная память человечества, активно же введённая в современность. Запоминается то, что нужно; путём памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, общественные институты»¹⁶.

В этом ряду важное место занимают исторические, этнографические и краеведческие музеи, являющиеся хранилищами культурных и исторических источников – свидетельств памяти¹⁷. Впервые на рубеже XIX–XX вв. такой подход обосновал основатель философской интерпретации музея Н.Ф. Фёдоров¹⁸. На основе лингвистических и психологических исследований он утверждал: «От памяти, т. е. от всего человека, родились музы и музей. <...> Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мёртвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями. Музей есть выражение

¹⁵ Дефиниция термина «коммеморация» находится в стадии обсуждения, и пока нет единого мнения по поводу перевода и определения. Под коммеморацией мы понимаем сохранение в общественном сознании настоящего общества памяти о значимых событиях прошлого, желание сообщества в данный момент подтверждать чувство своего единства и общности, увековечивание памяти о событиях посредством сооружения памятников, организации музеев, определения знаменательных дат, праздников, массовых мероприятий и др.

¹⁶ *Лихачёв Д.С.* Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое.

¹⁷ *Шнирельман В.А.* Введение в дискуссию. Историко-этнографический музей: Презентация традиции или репрезентация. Конструкции? // Этнографическое обозрение. № 4, 2010. С. 4.

¹⁸ *Фёдоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение // Литература и жизнь: электрон. журн. URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzey.html (дата обращения 07.05.2017); Поучительный памятник (музей) // *Фёдоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4-х т. М., 1995. См. также *Фёдоров Н.Ф.* Из философского наследия. М., 1995. С. 39.

памяти, общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц»¹⁹.

Возникает вопрос о роли музея в конструировании и репрезентации социальной реальности, в хранении и восстановлении исторической памяти и, посредством его, в формировании и/или активизации национальной идентичности.

Историческая и культурная память прослеживается как в отношении к другим народам, политических предпочтениях, стремлении к независимости, так и в собственных только данному этносу привычках, быту, культуре. Некоторые исследователи выделяют этнопсихологические особенности памяти²⁰, посредством которой выявляются особенности и характерные черты каждого народа, этноса, что отражается в обычаях, традициях, жизненном укладе, фольклоре.

Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции²¹. Именно музей, собирая и сохраняя наряду с предметами материальной и элементы нематериальной культуры, а именно источники культурной и коммуникативной памяти, переносит их на материальные носители, сохраняет, исследует, интерпретирует, экспонирует, становясь при этом своеобразным связующим звеном между исторической и культурной памятью, базой для ее активизации и формирования национальной идентичности.

¹⁹ См. *Фёдоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение.

²⁰ *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. Социальная память. Виды памяти и мнемические действия // Полка букиниста: электрон. б-ка. URL: http://polbu.ru/sokolov_communi/ch15_i.html (дата обращения 07.05.2017); *Налчаджян А.А.* Основы этнопсихологии, Ереван, 2003. С. 13–14.

Le Vine R. A. Properties of culture: An ethnographic view, in "R. A. Shweder & R. A. Le Vine (Eds.), Culture theory: Essays on mind, self, and emotion", Cambridge 1984, pp. 67–87; *D'Andrade R.* A folk model of the mind, in "D. Holland & N. Quinn (Eds.), Cultural models in language and thought", Cambridge 1987, pp. 112–148; *Lillard A.* Ethnopsychologies: Cultural Variations in Theories of Mind, "Psychological Bulletin", 1998, vol. 123, № 1, pp. 3–32.

²¹ *Ретина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 11.

Говоря о национальной идентичности и о роли в ее формировании и сохранении этнографических музеев и коллекций, попробуем выяснить, что же такое национальная (этническая)²² идентичность, что такое этнографический музей и коллекции и как проявляется взаимовлияние первого и второго.

В силу специфики исполняемых функций – воздействие на сознание посетителя путём передачи информации о культуре и быте на основе активизации хранящейся в музее опредмеченной социальной и исторической памяти – специализированные этнографические музеи имеют реальную возможность существенного воздействия на процесс формирования, восстановления национальной идентичности, а также воспитания уважения и толерантности к культуре других народов.

Наряду с внешней информативностью артефакты этнографических коллекций обладают информативностью культуры, в рамках которой они были созданы (функциональное назначение, условия, среда бытования, а также способы изготовления, использования и др.) В отличие от других музеев исторического профиля, имеющих этнографические коллекции и экспозиции, которые интерпретируют культуру и быт как сопутствующие факторы исторического процесса, общественно-экономической формации и политического режима, специализированные музеи этнографии стремятся посредством элементов материального и нематериального наследия воссоздать и интерпретировать, транслировать

²² В научной литературе понятия этнической и национальной идентичности иногда употребляют как синонимы, и это может быть приемлемо, если учесть, что понятия «этнос» и «этничность» являются базовыми для этнической классификации, а нация определяется чаще всего как государственная форма этнической общности людей. Различны понятия: этническое самосознание (результат самоопределения личности в этническом контексте жизнедеятельности), чувство этнической принадлежности (эмоциональное восприятие своей причастности к этносу), этничность (общее социальное определение и самоопределение личности в этнически значимом мире, которая определяется по ряду признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре, что становится для индивида основой в процессе конструирования этнической идентичности, но не сводится к ней)? этническая идентификация (процесс обретения этнической идентичности), этническая самоидентификация (осознанное причисление себя к этнической общности) См. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология, М., 2004; *Налчаджян А.А.* Указ. соч. С. 314–327.

традицию и культуру в комплексе, не разделяя на составляющие: предметы, традиции, знания, привычки, устои и т. д.

Национальная идентичность, как и любая другая форма идентичности, формируется в процессе становления и социализации личности. Межкультурные контакты, в свою очередь, неизбежно приводят к уточнению проблемы национальной идентичности. Логическая постановка проблемы «свое» – «чужое» только способствует наиболее полному осознанию собственной идентичности. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной²³. Представления и информацию, благодаря которой происходит становление человека в обществе, предоставляет само общество: семья, родственники и друзья, школа, средства информации и, наконец, музеи.

Таким образом, память, как одна из составных частей формирования национальной идентичности, является связующим звеном между этнографическим музеем как институтом сохранения памяти и процессом формирования национальной идентичности. Более того, этнографические музеи и музеи других профилей, имеющие этнографические экспозиции, посредством актуализации и пропаганды уже хранящейся памяти, «поставляют» всё больше новой информации и через сознание влияют на процесс формирования и/или активизации национальной идентичности.

Исследователи истории коллекционирования и становления музеев в Армении относят к первым коллекциям собраний прицерковных хранилищ, где с V в. собирались и хранились «церковное дорогое одеяние, украшенные жемчугом короны и эфоды, золотые и серебряные потиры, рукописи в серебряных переплетах и другие высокохудожественные произведения»²⁴.

Сегодня к специализированным музеям этнографии в Армении можно отнести Государственный музей этнографии²⁵, быв-

²³ Лихачёв Д.С. Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое.

²⁴ *Агатангехос*. История Армении, Тифлис, 1914. С. 399–400, на арм. яз.; *Драсханакертци Ованес*. История Армении, Тифлис, 1912. С. 210, на арм. яз.

²⁵ Музей входит в состав мемориального комплекса, посвящённого Сардарпатской битве, и называется «Мемориальный комплекс Сардарпатской битвы, национальный музей этнографии армян и истории освободительной борьбы».

шие его филиалы, а ныне самостоятельные Музей народной архитектуры и городского быта Гюмри, Музей истории и быта города Берд²⁶, а также Музей-заповедник народной архитектуры «Дилижан»²⁷.

Следующая группа музеев, пропагандирующая культурное этнографическое наследие, – это музеи широкого профиля, частью собраний и экспозиций которых являются этнографические коллекции и экспозиции. Это в основном Музей истории Армении, Центр народного творчества имени Ов. Шарамбеяна, Музей деревенного искусства, дома-музеи Ов. Туманяна на его родине в селе Дсех, Ав. Исаакяна в Ереване и Гюмри, Ов. Шираза в Гюмри и др., а также краеведческие музеи областей и районов Армении.

В процессе сохранения культурной памяти и активизации национальной идентичности армян особое место занимают музеи, организованные в тех странах, где существует устойчивая армянская диаспора. Разбросанная по всему миру армянская диаспора есть прямое следствие геноцида. Память об этом и о быте и культуре, характерной для родных мест, составляет основу национальной идентичности армян диаспоры²⁸. Создание музеев диаспоры требует особо качественной и научно-обоснованной подготовки с использованием материальных и духовных ресурсов устойчиво организованной «колонии». Наличием или отсутствием этих условий обусловлено наличие и степень активности деятельности армянского музея той или иной направленности на данной территории. Соответственно, наличие такого музея свидетельствует о том, какое место занимает армянская община в данном государстве и насколько она интегрирована в данное общество²⁹.

У посетителей из диаспоры в этнографической экспозиции резко активизируется историческая, культурная память, они испытывают ностальгические чувства, что даёт возможность орга-

²⁶ В настоящее время музей переименован в выставочный зал.

²⁷ Из-за передачи частному лицу территории музея-заповедника и всех его строений экспозиция несколько раз демонтировалась и монтировалась в разных залах. В 2015 г. прекратила существование и последняя тематическая экспозиция «Городской быт г. Дилижана в конце XIX – начале XX вв.».

²⁸ *Марутян А.Т.* Музей и памятник (Сравнительный анализ армянского и еврейского опыта) // Историко-филологический журнал. 2014, № 3. С. 74, на арм. яз.

²⁹ Там же.

низаторам экспозиции, экскурсоводу воздействовать на их эмоции с помощью этнографических артефактов, мультимедийных средств и подробного рассказа.

Таким образом, элемент культуры материального и нематериального наследия, попадая в этнографическую коллекцию музейного собрания, получает статус музейного источника. Посредством изучения, экспонирования, публикации его пропагандируется, передается от поколения к поколению национальная культура, что активизирует историческую, культурную память и влияет на формирование и/или активизацию национальной идентичности.

К началу XXI в. расширены возможности и накоплен значительный опыт хранения и использования различных видов информации. Значительное место отводится музею как социокультурному институту, хранящему и распространяющему информацию особого свойства: музей хранит овеществлённую информацию, характеризующую реально бытовавшую или бытующую традиционную культуру, то есть ее основным носителем является вещь³⁰.

По образному выражению М.С. Кагана, «вещь имеет «двойное подданство» — она есть природно-материальный и одновременно культурный объект»³¹. Она одновременно выступает в качестве символов определённых понятий: «...нет такой вещи, которая не была бы сгустком человеческих отношений, то есть тем или иным символом этих отношений»³². Как культурный объект вещь несёт в себе социально значимую информацию: знания человека, его представления, опыт, цели, желания, воспоминания и т. п. Таким образом, память прямо зависима от особенностей восприятия, опыта.

Ребёнку свойственно чувственное восприятие, он способен увлекаться вымышленными историями, возбуждающими в нем всевозможные оттенки и крайние формы эмоций. Вещи

³⁰ *Мастеница Е.Н.* Информационный потенциал музейного предмета: этнокультурный аспект, Музей. Традиции. Этничность, XX–XXI вв., Материалы международной научной конференции, посвящ. 100-летию Российского этнографического музея, СПб., Кишинёв, Nestor-Historia, 2002. С. 328.

³¹ *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1966. С. 206.

³² *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство, М., 1976, с. 193. См. также *Калугина Т.П.* Художественный музей как феномен культуры, СПб., 2001. С. 12.

в его глазах интересны и живы, потому что это одновременно и препятствия, и помощники: для него они являются членами общества, так же как и взрослые. Для взрослого вещи утрачивают свою живописность и приобретают характер экономической ценности, либо же внимание обращается на их чисто физические качества. Старики, напротив, утомившись деятельной жизнью, отворачиваются от настоящего и оказываются в самых благоприятных условиях для того, чтобы в их памяти неизменно возникли события прошлого³³. Для человека, прожившего определённый отрезок жизни, есть особая сладость, не свободная от горечи и сожаления, но также и глубоко захватывающая, так как к ней примешивается иллюзорно-воображаемое обретение того, чего не может дать реальность – сладость вспоминать, какими мы были прежде, какие радости и печали, какие люди и вещи были тогда частью нас самих. Поэтому подавляющее большинство людей чаще или реже бывают чувствены к так называемой ностальгии по прошлому³⁴.

Таким образом, люди, в силу разности характера, темперамента, накопленного опыта, воспитания, семейного и общественного уклада, образования, уже сформированных в нем самом предрассудков и предпочтений, реконструируют прошлое по-разному и не всегда истинно. Только музеи, основывая свою деятельность на научно интерпретируемых подлинниках, могут истинно откорректировать процесс реконструкции прошлого в сознании человека. Музеи, базирующиеся на коллекциях из оригиналов, т. е. источников достоверной информации, являются «наглядными пособиями» морального воспитания³⁵.

Со временем любая вещь «стареет», теряет свои прикладные, иногда и декоративные и модные качества, претерпевает ценностные изменения. Но при этом та же самая вещь приобретает другую культурную нагрузку, происходит внутренняя трансфор-

³³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти, М., 2007. С. 129–130, 131, 140.

³⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 142–144; Wertsch J. Collective memory // The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology (eds J. Valsiner and A. Rosa). Cambridge, 2007. P. 645–660.

³⁵ Лихачёв Д.С. Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое.

мация вещи³⁶. Например, в 1960–1970 гг. модная разнообразная хрустальная посуда обязательно бытовала в каждом доме. В обиходе она не употреблялась и в основном имела декоративное или модно-престижное значение. Была выставлена на видном месте, употреблялась по назначению только на праздничном столе, была обязательным атрибутом приданого. Во время советского дефицита ее доставали, привозили, дарили, и чем дороже (не красивее или добротнее), тем лучше. В 1990-х гг., когда в Армении стали продавать нажитое, в первую очередь огромное количество именно этой, не необходимой в обиходе посуды вышло на рынок. Сегодня она полностью утратила и прикладное, и декоративно-модное значение. Однако сохранила символ времени, человеческих отношений и представлений. Форма вещи, в своё время обусловленная назначением, со временем отделяется и начинает восприниматься как самостоятельная ценность.

Смысл вещи трансформируется во времени, особенно под воздействием социально-политических изменений, всё больше в быт (моду) возвращаются некоторые трансформированные элементы традиционной культуры: одежды, украшений, бытовых предметов, символов; серийное производство солонок в виде женской фигуры; сшитых из ковров (безворсовых ковров) головных уборов, сумок и даже чехлов для мобильного телефона; украшения с традиционной символикой и т. д. Трансформация формы или содержания вещи зависит от исторических, эстетических, социально-политических перемен. Информативность этнографического предмета содержит весь спектр формы и содержания, сферы бытования, художественного вкуса времени, а также социального статуса, личных качеств, межличностных отношений владельца. Получая статус музейного предмета в этнографическом музее, любая вещь полностью теряет своё утилитарное значение, превращается в символ (времени, явления, события), сохраняя и изначальный, и трансформированный смысл, который музейный работник должен из него извлечь. Сшитый из ковра чехол для

³⁶ *Мастеница Е.Н.* Информационный потенциал музейного предмета: этнокультурный аспект // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Материалы международной научной конференции, посвящ. 100-летию Российского этнографического музея. СПб., Кишинёв, Nestor-Historia, 2002. С. 328 // Портал «Музеология. Культурология». URL: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=11&c_text=85 (дата обращения 08.05.2017).

мобильного телефона для музейного работника содержит огромную информацию: об орнаментах, цветовой гамме, времени, месте и технологии изготовления ковра, и о трансформированном использовании в XXI в. как модного чехла для сотового телефона.

Наблюдая процесс трансформации культуры, нельзя не опасаться ее глобализации. В XXI в., во многом благодаря техническим возможностям, значительно расширяется область глобализации, включая науку, культуру, искусство, что, в свою очередь, приводит к не всегда положительным масштабным изменениям в социокультурной сфере, способствует смене национально-культурной идентичности или приводит к ее кризису³⁷. Опасность заключается в том, что нивелируется субъект культуры, поэтому никто не несет ответственность за ее безвкусовность, бездуховность, бессодержательность, необоснованную трансформацию или вовсе утрату ее элементов. «Утрата памятника культуры невозможна, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой в прошлом, с определёнными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно незащищен, он не восстановит самого себя»³⁸.

Глобализационные процессы встречают сопротивление со стороны национальных культур. Процессу наступления глобализации культуры могут противостоять этнографические музеи и экспозиции, которые и в нынешних условиях остаются хранителями исторической памяти и традиций, сохраняют всё разнообразие своих ресурсов. При грамотной и осмысленной перестройке традиционной деятельности они могут стать лучшим местом проведения досуга и занять место в индустрии туризма, способствуя при этом активизации национальной идентичности, реальной оценке социокультурных изменений, происходящих в современном обществе.

Музеефикацию как одно из практических направлений в этномузеологии можно с полным правом назвать действенным способом сохранения и передачи культурных традиций народа. Именно поэтому музей на современном этапе выступает в качестве

³⁷ Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2011, № 1. С. 74.

³⁸ Лихачёв Д.С. Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое.

хранителя и транслятора той информации, которая раньше аккумулировалась в семье и передавалась из поколения в поколение. Подтверждением тому служит признание музея Международным советом музеев (ИКОМ) средством выживания малочисленных этнических групп и предотвращения процесса гомогенизации культуры³⁹.

Таким образом, основанные на подлинниках этнографические коллекции специализированных, а также исторических, краеведческих, археологических, художественных, мемориальных музеев являются истинными хранителями, интерпретаторами и трансляторами памяти, т. е., по точному выражению академика Д.С. Лихачёва, основы совести и нравственности, основы культуры, «накоплений» культуры, нашего богатства⁴⁰.

³⁹ XX Генеральная ассамблея ИКОМ, Барселона, 6 июля 2001 г. // Информ. бюл. ИКОМ в России. М., 2001. С. 14.

⁴⁰ *Лихачёв Д.С.* Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое.

Н.М. Генова,
Омск. Россия

Духовное наследие Д.С. Лихачёва
и развитие фестивального движения «Душа России»
в Омском Прииртышье

Аннотация: Автор прослеживает, как посредством идей ученого формировалась концепция фестивального движения «Душа России», развивались его формы и методы, учитывались особенности поликультурного развития региона и как многостороннее развитие культурной среды сказалось на возрождении народной культуры в 1990-е гг. XX в., обеспечивая духовную безопасность региона.

Ключевые слова: духовное наследие, культурная среда, поликультурный регион, национальный характер, возрождение народной культуры, духовная безопасность народа.

N.M. Genova,
Omsk. Russia

Spiritual heritage of D. S. Likhachev
and development of the festival movement “Soul of Russia”
in the Omsk Priirtyshje

Abstract: The author traces, both through scientific ideas formed the concept of the festival movement “Soul of Russia”, developing its forms and methods, reflects the specificity of multicultural development of the region and as a multilateral development of the cultural environment impact on the revival of folk culture in the 90s of the twentieth century, providing spiritual security of the region.

Keywords: spiritual heritage, cultural environment, polycultural region, national character, revival of national culture, spiritual safety of the people.

Большая честь выступить с докладом на конференции, которая освящена наследием и самой личностью академика Д.С. Лихачёва. Мне довелось лично встречаться с Д.С. Лихачёвым в 1990-е гг., когда он возглавлял Советский фонд культуры. До сих

пор сохраняется ощущение его редкостного обаяния и искреннее отношение к собравшимся собеседникам. Д.С. Лихачёв остался в памяти как интеллигентный человек, очень *добрый и сопереживающий*. Передавая вам, уважаемые коллеги, эти чувства и впечатления, хочу остановиться на той части духовного наследия академика Д.С. Лихачёва, которая и сегодня является определяющим в развитии культуры, деятельности учреждений культуры, культурной среды, особенно в многонациональных сибирских регионах. На этом мне хотелось бы поделиться опытом, наработанным в Омском регионе России.

Академик Д.С. Лихачёв считал культуру главным смыслом и глобальной ценностью человеческой жизни. Миссию культуры он видел в том, чтобы «из просто населения делать народ» (Д.С. Лихачёв). Живя по созданным им самим заповедям, он призывал: «Жить нужно созидая, *поддерживать созидательность* в жизни»⁴¹. Пропагандист нравственности и духовности, учёный оставил наследие, которое является в современных условиях основанием новой государственной культурной политики и практической деятельности учреждений культуры. Культурная среда – это средоточие творчества: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его нравственной самодисциплины и социальности»⁴². Вместе с тем для полноценности духовного самовыражения в культурной среде необходимо использовать такие механизмы культуры, которые стимулируют высокие духовно-нравственные принципы, устремлены к «нравственным вершинам», способствуют культурному подъёму, «основанному на обращении к прошлому».

Таким механизмом, на наш взгляд, начиная с 90-х гг. XX в. является фестивальное движение в Омском регионе, которое имеет *объединяющее начало* в названии «Душа России». Замысел фестиваля был основан на возрождении русской культуры и её сближении с национальными культурами. Основными задачами фестиваля «Душа России» в Омской области стали воспитание

⁴¹ *Лихачёв Д.С.* Избранное о культурном и духовном наследии // Экология культуры: Альманах Института наследия «Территория», М., 2000. С. 12.

⁴² Там же. С. 11.

нравственности и патриотизма молодого поколения, уважения к традициям и истории своей Родины. Возрождение культуры сочеталось с модернизацией существующей инфраструктуры. Данный проект реализуется и сегодня и является многоцелевой акцией. Анализ его имеет определённые методологические основания проблем региональной культурной политики, в частности, основанные на единстве философско-культурологического, системного и синергетического подходов.

Произошло широкомасштабное возрождение православных храмов: Успенского собора и собора Рождества Христова, Серафимо-Алексеевской часовни и др. в Омске, Спасской церкви в городе Таре, Ачаирского монастыря в Омском районе.

В фестивальном движении, в его процессе по возрождению русской культуры выявились по-новому такие имена, как преподобный Сергей Радонежский, святой Александр Невский. С освящения и установления скульптурных образов великого князя Владимира, преподобного Сергия Радонежского, Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Васильевича Ломоносова, Михаила Глинки, т. е. знаковых фигур русской культуры, был возведен пантеон на построенном в 1995 г. здании областной библиотеки им. А.С. Пушкина. Центральным событием II фестиваля также стал большой праздник, посвящённый 400-летию старейшего сибирского города Тары.

В городах и сёлах области состоялись *просветительские акции*: «Русское слово», «Русская музыка», «Русский театр», «Русь на экране», «Традиции Русского просвещения», «Русские духовные традиции». Благодаря этим акциям появились центры взаимодействия народов Сибири: Сибирский культурный центр, Дом дружбы народов, национально-культурные центры. Процессы мемориализации и музеефикации локальной культурной среды при проведении фестиваля нашли своё отражение в создании музеев сибирских художников: музей им. К.Б. Белова, музей им. А.Н. Либерова, музей им. Врубеля. Все мероприятия фестиваля «Душа России» проходили с большой искренностью и отдачей. Они смогли сделать главное: создать атмосферу «особого фестивального братства и гражданского согласия в регионе»⁴³.

⁴³ Генова Н.М. Фестиваль народного творчества как форма пропаганды этнокультуры и духовно-исторического наследия Сибири // Народная культура Сибири: Уч. пособие. Омск, 2002. С. 45–58.

И не удивительно, что люди почувствовали уверенность в себе, способствующую самоутверждению личности, раскрытию дарований и способностей. В связи с единением людей Д.С. Лихачёв говорит о том, что «связанность людей (семьи, деревни, страны, всего земного шара) – это основа, на которой стоит человечество»⁴⁴.

Как известно, великие русские мыслители Иван Алексеевич Ильин, Николай Андреевич Бердяев, обращаясь к духовности, национальной гордости народа, утверждали многообразие подходов к определению духовности в культуре народа. Отсюда происходит производное собирательное понятие «душа народа», которая *сосредотачивает в себе национальный характер*, следование традициям, обрядам, направленности на высокую нравственность, гражданственность, соборность. По мнению М.М. Бахтина, «душа – это то, что внутри, но вместе с тем она образуется из того, что определяет её извне»⁴⁵. Через душу человек получает возможность чувствовать другого человека, понимать его и принимать в себя. В ней проявляется особая атмосфера существования людей. Всё это обусловило *интегрирующую роль* названия фестиваля «Душа России». Но человек должен, по замечанию Д.С. Лихачёва, «подниматься над самим собой – оглядывать прошлое и заглядывать в будущее»⁴⁶. Совершенно справедливо замечание ученого по поводу того, что «стремление русских во всем достигать последнего предела надо также развивать по преимуществу в *духовной области*»⁴⁷.

Опираясь на идеи Д.С. Лихачёва о бесконечном богатстве национального, мы пришли к мысли фестиваля как *единстве многообразия* национальных культур в поликультурном регионе Омского Прииртышья. Нам стало ясным, почему «нет ничего удивительного в том, что аждый воспринимает это национальное по-своему... русское в характере народа, в характере природы, городов, искусства и пр. Каждое индивидуальное восприятие национального не противоречит другому его индивидуальному

⁴⁴ Лихачёв Д.С. Статьи о русской культуре [Электронный ресурс] URL: <http://www.lihachev.ru/pic/site/files> (дата обращения 13.11.2016)

⁴⁵ Бахтин М.М. Эстетическое наследие и современность. М., 1992. С. 147.

⁴⁶ Лихачёв Д.С. Избранное о культурном и духовном наследии. С. 8.

⁴⁷ Лихачёв Д.С. Земля родная. М., 1983. С. 14–18.

восприятию, а скорее дополняет, углубляет его»⁴⁸. Вместе с тем в формируемой концепции фестиваля явно проявила себя концепция *внутренней, творческой свободы* его участников, о которой писал ученый: «Русская культура благодаря совмещению в ней различных культурных наследий полна внутренней свободы»⁴⁹.

В современных условиях фестивальному движению «*Душа России*» необходимо придать новый характер. Перестали быть престижными и привлекательными для молодёжи идеалы гуманизма, ввиду отсутствия пропаганды подвига, нравственности, высокого целеполагания. Со временем мы всё больше понимаем мудрость научного наследия Д.С. Лихачёва, выраженного в концепции «*экологии культуры*».

В настоящее время необходимо подумать «*о духовной безопасности народа* (Д.С. Лихачёв) как базовой предпосылке и критерии выработки моделей общественных преобразований», о чём он писал в Декларации прав культуры к Генеральной конференции ЮНЕСКО в ст. 11: «На государственных организациях (воспитательных, образовательных, информационно-просветительных) лежит прямая обязанность воспитывать уважение граждан к отечественной культуре, её истории, традициям, национальным языкам, к носителям национального самосознания, формировать представление о месте национальной культуры в духовном наследии человечества, её вкладе в сокровищницу мировой культуры»⁵⁰.

Это и подтверждается фестивальным движением в Омской области – «*Душа России*». Включение в социально-экономическое развитие региона культуры как её составной части привело в движение все её сферы, что вызвало необходимость изучения всех этапов, всех сторон фестивального движения на уровне области, района, отдельно взятого населённого пункта, учреждения культуры, творческого объединения и с учётом влияния на динамичность культурных процессов в обществе.

Фестиваль «*Душа России*» накануне своего 25-летия выполняет очень важные для общества задачи – морально-психологические, религиозные, национальные и мн. др. Поэтапное решение этих задач и есть то, что называется повышением

⁴⁸ Лихачёв Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1987. С. 418–494.

⁴⁹ Лихачёв Д.С. Статьи о русской культуре.

⁵⁰ Лихачёв Д.С. Декларация прав культуры. М. 1992. С. 3.

уровня культуры. Фестиваль «Душа России» явился творческой лабораторией сосредоточения культурных инициатив региона.

Обращаясь к духовному наследию великого гуманиста, позвольте привести его примечательное высказывание: «В культурной жизни нельзя уйти от памяти, как нельзя уйти от самого себя»⁵¹.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетическое наследие и современность. М., 1992. – 240 с.
2. *Генова Н.М.* Фестиваль народного творчества как форма пропаганды этнокультуры и духовно-исторического наследия Сибири // Народная культура Сибири: Уч. пособие. Омск, 2002. С. 45–58.
3. *Лихачёв Д.С.* Избранное о культурном и духовном наследии // Экология культуры: Альманах института наследия «Территория», М., 2000 г. – 214 с.
4. *Лихачёв Д.С.* Декларация прав культуры. М. 1992.
5. *Лихачёв Д.С.* Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. Л.: Худож. лит., 1987. С. 418–494.
6. *Лихачёв Д.С.* Земля родная. М., 1983. – 145 с.
7. *Лихачёв Д.С.* Статьи о русской культуре [Электронный ресурс]. // <http://www.lihachev.ru/pic/site/file> (Дата посещения сайта 13.11.2016 г.)

⁵¹ *Лихачёв Д.С.* Статьи о русской культуре.

И.И. Горлова,
А.Н. Еремеева,
Н.А. Костина,
Краснодар, Россия

Научная коммуникация на Северном Кавказе
как фактор межнационального согласия:
история и современность*

Аннотация: В статье дана характеристика истории научного освоения Северного Кавказа в контексте идей академика Д.С. Лихачёва о «многонациональных интересах» русской науки. Сотрудничество интеллигенции полиэтничного региона, взаимный научный интерес рассматривается авторами как важные факторы взаимопонимания, ресурс межнационального согласия.

Ключевые слова: Д.С. Лихачёв, российская наука, Северный Кавказ, научные учреждения, интеллигенция, коммуникация.

I.I. Gorlova,
A.N. Ereemeeva,
N.A. Kostina,
Krasnodar, Russia

Scientific communication
in the North Caucasus as a factor of interethnic consent:
history and modernity

Abstract: The article deals with the characteristics of the history of scientific development of the North Caucasus in the context of the ideas of academician D.S. Likhachev about “multinational interests” of Russian science. The authors consider the collaboration of the intelligentsia in

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва» по теме 6.1. «Русская культура как системообразующий фактор межнационального взаимодействия на Северном Кавказе».

multi-ethnic region, mutual scientific interest as the important factors of understanding, a resource of international consent.

Key words: D.S. Likhachev, the Russian science, the North Caucasus, scientific institutions, intelligentsia, communication.

В творческом наследии академика Д.С. Лихачёва значительное место занимают размышления о миссии ученого, особенностях развития научного знания в России, культурных основаниях отечественной науки. В статьях «Культура как целостная среда», «Историческое самосознание и культура России», «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Ценности культуры» и др., говоря об универсальном характере русской культуры и ее тяге к другим культурам, автор в качестве «лучшего доказательства» приводил «многонациональные интересы» русской науки. Имелось в виду «положение дел, спектр и объем исследовательских работ», проводившихся в незначительной по численности дореволюционной Академии наук. Среди ее членов были выдающиеся славяноведы, востоковеды, кавказоведы, специалисты в финно-угроведении и др. Петербург и Москва были центрами армянской и грузинской культур⁵². Д.С. Лихачёв отмечал, что для русских другие народы, особенно малочисленные, всегда представляли «особую притягательную силу»⁵³. В данной статье речь пойдет о роли научных исследований Северного Кавказа в консолидации интеллигенции и обеспечении межнационального согласия.

Российские науковеды солидарны в том, что активное изучение окраинных территорий России на начальном этапе во многом диктовалось практическими административными интересами империи. Однако по мере освоения данных территорий научные исследования постепенно превращались в платформу взаимодействия ученых разных национальностей, в т. ч. и представителей коренных народов.

Роль Российской академии наук, Императорской археологической комиссии, Императорского Российского географического

⁵² Лихачёв Д.С. Культура как целостная среда // Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 19; *Его же*. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 48.

⁵³ Лихачёв Д.С. Историческое самосознание и культура России // Русская культура. С. 27.

общества (ИРГО), Императорского Русского археологического общества (ИРАО), их кавказских отделов, Кавказской археографической комиссии, военно-исторического отдела Кавказского военного округа, периодических изданий данных организаций в изучении Северного Кавказа и трансляции знаний о данном регионе достаточно подробно рассмотрены в историографии. Заметим, что научно-исследовательской работой занимались и высокопоставленные чиновники кавказской администрации. В отсутствие высших учебных заведений в обширном регионе именно научные общества долгое время являлись главными интеллектуальными центрами.

Большое значение имела деятельность губернских/областных статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий. Кроме подготовки различной статистической информации, организации переписей и пр. статистические комитеты занимались экспедиционным изучением регионов, изданием сборников. «Кавказский календарь» с 1870 г. стал включать материалы, касающиеся Северного Кавказа. Кубанский областной статистический комитет выпускал с 1883-го по 1916 г. «Кубанские сборники» с многочисленными материалами по географии, климату, природным ресурсам, экономике, археологии, этнографии, истории многонациональной Кубани.

«Статистические таблицы населенных мест Терской области», издаваемые Терским статистическим комитетом, включали материалы не только о войсковых территориях, но и землях карангайцев, описания Владикавказского, Хасавюртовского, Нальчикского и Грозненского округов. В «Терском сборнике» печатались такие статьи, как «Осетины», «Чеченцы» Е.Д. Максимова, «Ингуши» Г.А. Вертепова, «Карангайцы» Г.Ф. Малявкина. В экономические очерки Е.З. Баранова были включены разносторонние сведения по истории и этнографии народов, населяющих Терскую область⁵⁴. Результатом деятельности образованного в 1899 г. Дагестанского областного статистического комитета стали, помимо прочего, публикации историко-этнографического характера о народах Дагестана. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшемся Управлением Кав-

⁵⁴ См.: Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2011.

казского учебного округа в Тифлисе, публиковались сказания о нартах, другие тексты, материалы по различным аспектам этнографии народов Кавказа.

Широкий размах приобрело создание обществ естественно-научного, краеведческого и гуманитарного профиля в провинции на рубеже веков. На Северном Кавказе это были ОЛИКО – Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Кавказское горное общество (1902), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910), Терское общество защиты и сохранения памятников старины (1915). Последнее возникло в разгар Первой мировой войны под покровительством наместника российского императора на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова. Уже на первом собрании общества (29 марта 1915 г.) под председательством атамана Терского казачьего войска была отмечена важность охраны памятников, предотвращения вывоза ценностей за границу, общность судеб русского народа и народов Кавказа⁵⁵.

Данные общества являлись пространством межнациональной коммуникации. Рассмотрим это на примере ОЛИКО (с 1920-х гг. ОЛИКК – Общества любителей изучения Кубанского края), одного из немногих научных объединений, «перешагнувших» революционный рубеж.

Неотъемлемой составляющей творчества ведущих ученых ОЛИКО (П.П. Короленко, А.Н. Дьячкова-Тарасова, Б. М. Городецкого, В.М. Сысоева и др.) была северокавказская тематика. Член ОЛИКО с 1907 г. Султан Давлет-Гирей активно изучал историю и этнографию народов Кавказа. В «Известиях ОЛИКО» был опубликован его труд «Бжедуховские памятники». Член ОЛИКК Сефер-Бей Сиухов – адыгский просветитель, педагог и публицист – еще до революции был известен как исследователь национального образования на Северном Кавказе, а также истории и этнографии адыгов. Ибрагим Цей – писатель, фольклорист, переводчик произведений русской классики на адыгейский язык, основатель адыгейского театра, общественный и государственный деятель – публиковал на страницах «Известий ОЛИКК» свои произведения, в т. ч. историческую драму «Кочас».

Печатные органы южнороссийских научных обществ стали площадкой для публикации материалов по истории народов

⁵⁵ Кубанские ведомости. 4 апр. 1915. № 72. С. 3.

Северного Кавказа, в т. ч. полученных в рамках естественно-научных экспедиций. «Записки Крымско-Кавказского горного клуба» печатали путевые заметки В.Г. Поварниной, в частности ее материалы о командировке летом 1914 г. по поручению Московских высших женских курсов в Дагестан для сбора растений⁵⁶. Этот же журнал напечатал этнографический очерк участницы инициированной руководством Кубанской области одесской радиологической экспедиции В. Бурксер «В стране карачаевцев»⁵⁷.

Важным совместным направлением деятельности русской и национальной интеллигенции стала охрана природного наследия Северного Кавказа⁵⁸. В записке географа, члена Комиссии по изучению естественных производительных сил России от РГО В. Семенова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (1917) обосновывалась необходимость основания в России не менее 46 национальных парков, в т. ч. на Кавказе – не менее четырех (имелись в виду горно-лесные заповедники: Кубанский, Дагестанский, Лагодехский, Черноморский)⁵⁹.

Тема охраны природного и культурного наследия тесно увязывалась с развитием рекреационного потенциала территорий⁶⁰. В 1911 г. в Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа «в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом». В 1912 г. в Тифлисе возник Главный комитет поощрения туризма на Кавказе с многочисленными представительствами. На I Всероссийском съезде по улучшению отечественных

⁵⁶ Поварнина В.Г. В Дагестане. // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. № 1–2., С. 28–47.; 1915. № 3–4. С. 5–26.

⁵⁷ Бурксер В. В стране карачаевцев // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. № 3–4. С. 27–43.

⁵⁸ Еремеева А.Н. Исследование и охрана природных ресурсов Юга России в годы Первой мировой войны // Былые годы. 2015. № 1 (35). С. 159–166.

⁵⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 14–20.

⁶⁰ Еремеева А.Н. Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 132–141.

лечебных местностей (январь 1915 г.) было высказано немало предложений относительно курортного строительства на Северном Кавказе. В мае 1915 г. возникло Кавказское общество содействия развитию лечебных мест.

В результате интеллектуальной миграции на Северный Кавказ в 1914–1920 гг., создания здесь высших учебных заведений научный потенциал местных обществ значительно усилился. Одновременно северокавказская тематика становится ближе всё большему количеству ученых – как гуманитариев, так и представителей естественно-научного знания.

После окончания Гражданской войны в регионе возобновили деятельность академические экспедиции. Как и раньше, в 1920-е гг. – «золотое десятилетие» краеведения – важным фактором жизнедеятельности научной интеллигенции были общественные организации. На базе краеведческих музеев и других учреждений в результате инициатив отдельных энтузиастов создавались национальные научные общества.

В сентябре 1924 г. в Махачкале состоялся учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации, на котором присутствовало более сорока известных в регионе краеведов. Центральное бюро краеведения представлял известный кавказовед академик Н.Я. Марр. Вопросы краеведения на Северном Кавказе фигурировали в повестках дня совещаний, проводимых Главнаукой. Краеведы Северного Кавказа выступали с докладами на всесоюзных и региональных форумах⁶¹.

Ядро северокавказских краеведческих обществ формировалось за счет национальной интеллигенции; к работе в них также привлекались авторитетные и известные в научном мире исследователи: библиограф Б.М. Городецкий, кавказовед А.Н. Генко, лингвист Н.Ф. Яковлев, востоковед и археолог А.Н. Грен. Символом интернационального сотворчества стал научный труд С.Х. Сиюхова и Б.М. Городецкого «Адыгя: историко-этнологический и культурно-экономический очерк», изданный в 1927 г. в серии «Республики и области СССР. Северный Кавказ». Правда, позже данный труд подвергся критике как

⁶¹ *Шеуджен Э.А.* Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. №1. С. 83–89.

«буржуазно-националистический» и был надолго изъят из научного оборота⁶².

Краеведческая деятельность трактовалась в те годы расширительно. К ней причислялись в том числе медицинские инициативы. В этом отношении выделим подвижничество выдающегося офтальмолога С.В. Очаповского, организовавшего в 1921–1937 гг. 48 передвижных медицинских отрядов для лечения инфекционных глазных болезней и оказания офтальмологической помощи населению труднодоступных районов Черкессии, Карачая, Осетии, Ингушетии, Дагестана, Абхазии, Чечни⁶³.

В 1920–1930-е гг. на Северном Кавказе было создано множество научно-исследовательских учреждений, действовавших в тесном контакте с всероссийскими и всесоюзными – АН СССР, Российской академией истории материальной культуры, Музеем народоведения и др. Таким образом происходило объединение материальных и кадровых ресурсов.

Формировался положительный опыт координации исследований, проводившихся в научно-исследовательских учреждениях, высшей школе (значительно возросшей численно в изучаемом регионе), общественных организациях и государственных органах. Примером в этом отношении может служить Северо-Кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов (СКАНИИ). Не имея серьезных административных полномочий и испытывая постоянный недостаток финансирования, СКАНИИ смогла сплотить вокруг себя лучшие научные силы Северного Кавказа, стать подлинным центром интеллектуальной жизни региона⁶⁴.

О заинтересованности государства в комплексном изучении полиэтничного региона свидетельствует, в частности, тот факт, что из 15 национальных НИИ краеведения 1920–1930-х гг. девять располагались на территории Северного Кавказа. Северо-

⁶² Бузаров А.К., Баранов А. Г., Каракаев З.Х., Панеш А.Д. Развитие исторической науки в Адыгее (1920–1930-е гг.) [Электронный ресурс] // Бонистика. URL: <http://www.bonistikaweb.ru/razvitie.htm> (дата обращения 15.07.2016).

⁶³ См.: *Очаповский С.В.* Ты опять поедешь в Карачай: Дневники и воспоминания / Сост. и ред. Ф. Байрамукова; под. ред. Р.Т. Хатуева. М.: Эльбрус-соид, 2009.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Берлявский Л.Г.* Из истории Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов (СКАНИИ) // Научная мысль Кавказа. Приложение. (Ростов н/Д.). 2004. № 3 (57). С. 96–104.

кавказские НИИ были центрами интеллектуального взаимодействия русских ученых и представителей горских народов. Состав сотрудников институтов был многонациональным. Значительную кадровую и методическую поддержку стабильно оказывали ведущие научные учреждения страны. Даже фольклорные экспедиции в рамках отдельных НИИ носили интернациональный характер. Собрание ингушского фольклора Е.И. Крупновым было бы проблематичным без помощи представителей национальной интеллигенции, в частности известного ингушского художника Х.-Б. Ахриева⁶⁵.

Важным проектом, объединившим ученых, стало создание письменности для ранее бесписьменных народов, унификация графической основы (латиница, а затем кириллица), развитие национальной периодической печати, делопроизводства, организация преподавания на родных языках, создание научно-технической и общественно-политической терминологии. Особое место в этом принадлежит Н.Ф. Яковлеву. С 1920 г. и далее в течение 30 лет он организовывал комплексные экспедиционные исследования Северного Кавказа. Яковлев активно занимался просветительской деятельностью, консультировал начинающих литераторов, педагогов, в т. ч. во время выезда «на места». В 1930-е гг. он написал фундаментальные грамматики адыгейского, кабардинского, чеченского, ингушского и абхазского языков⁶⁶.

Талантливый лингвист и организатор науки Г.П. Сердюченко, основавший серию «Языки Азии и Африки», в 1930-е гг. заведовавший отделом языка и литературы Северо-Кавказского горского историко-лингвистического НИИ (одновременно с работой в Институте востоковедения), также принимал активное участие в создании алфавитов для бесписьменных народов Северного Кавказа, занимаясь в основном абхазо-адыгскими языками. Он инициировал издание в 1935-м и в 1949 г. сборников «Языки Северного Кавказа и Дагестана» (соредактор второго – академик

⁶⁵ Матиев М.А. Вклад Е.И. Крупнова в изучение ингушского фольклора // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (15 апреля 2014 г., г. Магас). Магас – Кисловодск, 2014. С. 64.

⁶⁶ См.: Алтатов В.М. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX в. Ч. 3: Т – Я / Отв. ред. Ф.М. Березин. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 148–157.

И.И. Мещанинов). Г.П. Сердюченко известен и как разработчик теории и практики перевода для младописьменных народов; он первым начал готовить переводчиков из местных кадров Северного Кавказа⁶⁷.

Значительна роль А.Н. Генко – сотрудника ленинградских научных учреждений, заведовавшим Кабинетом Кавказа в Институте этнографии АН СССР, – в подготовке кадров кавказоведов. Ученый совершил множество экспедиций в Адыгею, Абхазию, Черкессию, Южный Дагестан. Представления о грамотности в средневековом Дагестане изменились после открытия А.Н. Генко цахурской письменности. Немало сделано им для изучения языка, истории и этнографии ингушей в контексте этнической истории их соседей⁶⁸. Практически все лингвисты Северного Кавказа, включая столичных специалистов Н.Ф. Яковлева, Г.П. Сердюченко, были учениками и последователями академика Н.Я. Марра, восприняв, с одной стороны, его богатейшее наследие в области кавказоведения, с другой – «новое учение о языке» (яфетическая теория, материалистическое языкознание).

Развитие филологической и исторической науки на Северном Кавказе стало предпосылкой дальнейшего развития нартоведения, основы которого были заложены еще до революции, в частности академиком В.Ф. Миллером. Теоретическим результатом исследований Е.И. Крупнова был вывод о самобытном (а не заимствованном) характере нартского эпоса как результате творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата⁶⁹. Нартский эпос благодаря сотворчеству ученых постепенно становится доступным многонациональному населению СССР.

В 1930-е гг. при поддержке государства началось написание историй отдельных народов Северного Кавказа. Процесс этот

⁶⁷ *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова (1926–1937)). С. 244, 247.

⁶⁸ *Бобровников В.А.* Н. Генко как востоковед // Восток. 2004. № 4. С. 131–135.

⁶⁹ *Матиев М.А.* Вклад Е.И. Крупнова в изучение ингушского фольклора. С. 65.

затормозился из-за репрессий ученых – представителей местных народов и русских. Отдельные уже готовые работы (например, 700-страничный труд Н.Г. Кулиша «Очерки по социально-экономической истории Адыгеи до Октябрьской революции и после Октября») так и не были опубликованы.

Депортации народов Северного Кавказа (карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей) имели серьезные последствия для социокультурной и научной ситуации в регионе. Проводилась целенаправленная политика забвения, стирания памяти о данных народах. Уничтожались ценные артефакты: памятники материальной культуры, записи фольклора, книги, целые архивы. Даже герои революции и Гражданской войны из числа репрессированных народов объявлялись вне закона. Происходила ревизия топонимики.

Идеологические кампании эпохи позднего сталинизма негативно воздействовали на процесс освоения исторического и культурного наследия народов Северного Кавказа, в т. ч. «не наказанных». Показательно в этом отношении обсуждение докторской диссертации объемом 45 п. л. известного адыговеда, работавшего как в столице, так и в АНИИ в Майкопе Е.С. Зевакина «Очерки истории адыгейской культуры». В резолюции ученого совета указывалось: «В связи с развернувшимися дискуссиями на историческом фронте в минувшем году и предстоящим пересмотром концепций по истории народов Северного Кавказа, защита данной диссертации задерживается до внесения в рукопись соответствующих поправок в зависимости от тех или иных решений на историческом фронте»⁷⁰. Много раз обсуждалась, пересматривалась, рекомендовалась к печати и опять отклонялась рукопись «Очерков по истории Адыгеи» (основной текст написан Е.С. Зевакиным и С.К. Бушуевым), неоднократно переписывались очерки об Адыгее и адыгах для Большой советской энциклопедии и серии «Народы мира». На государственном уровне изменялось отношение к знаковым фигурам истории Северного Кавказа, таким как имам Шамиль. Происходила ревизия уровня развития феодализма у горских народов, характера национально-освободительного движения на Северном Кавказе в XIX в. (данные вопросы обсуждались, в частности, на специальной научной сессии 1950 г. в Нальчике). Всё это провоцировало конфликты между учеными и

⁷⁰ Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

администраторами от науки, партийным руководством регионов, травлю наиболее принципиальных ученых.

В это же время многие столичные ученые – участники возродившихся по окончании Великой Отечественной войны экспедиций в Дагестан и Адыгею, Северную Осетию и Кабарду в общении с населением и местными коллегами, в интенсивных научных исследованиях находили реальную отдушину.

Возвращение репрессированных народов Северного Кавказа из Средней Азии на места прежнего проживания означало необходимость возобновления их изучения и оперативного создания фундаментальных трудов. Например, история карачаевского народа была «вверена» молодому талантливому византинисту, дочери репрессированных В.П. Невской. В 1951 г. она переехала в Черкесию, где работала доцентом учительского института, а с 1953 г. – заведующей сектором Черкесского (затем Карачаево-Черкесского) НИИ истории, языка и литературы. Проштудировав огромное число специальной и общей кавказоведческой литературы, изучив архивы, В.П. Невская написала монографию «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия» (Черкесск, 1956).

В 1957 г. были возвращены на родину депортированные в Среднюю Азию карачаевцы. Более четверти века своей жизни отдала Валентина Павловна изучению карачаевского народа. Уже в год возвращения карачаевцев на родину она опубликовала историко-этнографический очерк, посвященный этому народу. Практически каждый год В.П. Невская издавала работы по истории и этнографии карачаевцев. Пережившая сталинские репрессии сама, она особенно симпатизировала трудобивому репрессированному народу. Возглавив сектор истории Карачаево-Черкесского НИИ, В.П. Невская подбирала коллектив единомышленников, в основном из числа национальной интеллигенции, вела большую организационную работу. Ее работы имеют огромную ценность и сейчас; благодарный народ хранит память о В.П. Невской – «дочери Карачая»⁷¹.

В Государственном музее этнографии (ныне Российский

⁷¹ См.: Беликов А.П., Невская Т.А. К 90-летию Валентины Павловны Невской // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века / отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар: Кубанькино, 2009. С. 3–13.

этнографический музей) велась активная работа по собиранию и экспонированию северокавказских артефактов. Одним из лучших знатоков обычаев народов Кавказа, особенно культуры карачаевцев, а также костюма народов Северного Кавказа была Е.Н. Студенецкая.

В период возвращения репрессированных народов из депортации шла работа над двухтомником «Народы Кавказа» в серии «Народы мира: Этнографические очерки» (М.: Изд-во АН СССР, 1960 (т. 1), 1962 (т. 2)). Очерки о народах Северного Кавказа вошли в первый том. Несмотря на то, что разделы об ингушах, чеченцах, карачаевцах, балкарцах писались достаточно оперативно, многонациональный авторский коллектив под руководством М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева смог обеспечить высокий научный уровень издания.

В эти же годы возрождалось нартоведение. Первая научная конференция по нартоведению, проведенная в 1956 г. в Орджоникидзе Институтом мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) совместно с Северо-Осетинским НИИ, стала серьезным толчком к развитию данного направления. В 1967 г. редакционно-издательским советом АН СССР была утверждена двуязычная академическая серия «Эпос народов СССР». Республиканские институты занялись подготовкой томов, а ИМЛИ было поручено готовить их к публикации; главная редакция восточной литературы издательства «Наука» осуществляла издание серии. Пять книг академической серии посвящены «интернациональному» нартскому эпосу ряда народов Северного Кавказа: адыгейцев, кабардинцев, черкесов (они составляют адыгскую этническую общность, и эпос этих трех народов принято называть собирательно – адыгский), абазин, абхазов, осетин, балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, кумыков в Дагестане⁷².

Важным фактором межкультурной коммуникации стала интенсифицировавшаяся подготовка научных кадров из числа представителей народов Северного Кавказа в ведущих вузах и НИИ страны. Целую плеяду кавказоведов, среди кото-

⁷² См.: *Алиева А.И.* Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 6–20.

рых Б.А. Калоев, Н.Ф. Токоева, Т.Т. Шикова, И.Х. Калмыков, Э.Л. Коджесау, Л.Х. Акаба, воспитан М.О. Косвен. Более 14 лет (с 1943-го по 1957 г.) он руководил сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН). Его фундаментальный и многолетний труд «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» стал настольной книгой каждого кавказоведа⁷³. В Национальном архиве Республики Адыгея сохранилось письмо от 5 августа 1949 г. директора Адыгейского НИИ Х.Д. Водождова М.О. Косвену с просьбой не отказаться быть научным руководителем Э.Л. Коджесау в подготовке кандидатской диссертации «Шапсугская семья в прошлом и настоящем»: «Зная огромную помощь, оказываемую Вами по подготовке национальных кадров по этнографии народов Кавказа, и Ваш интерес к истории семейно-родовых отношений, мы надеемся, что Вы дадите согласие и подготовите для нашей области первую адыгейскую женщину по этнографии»⁷⁴.

Во многом стараниями интернационального сообщества ученых Северного Кавказа в последнее советское тридцатилетие широко отмечались юбилеи присоединения к России. Причем акцент делался на добровольность и однозначно позитивные последствия. Юбилейные празднования сопровождались выделением значительных средств, в т. ч. на создание обобщающих трудов по истории и культуре республик. В год юбилея («к 400-летию добровольного присоединения адыгов к России») вышла книга интернационального коллектива ученых «Адыги: историко-этнографический очерк»⁷⁵, а также первый том «Ученых записок» АНИИ, открывавшийся историческим очерком «400 лет с русским народом», включавшим статьи Л.И. Лаврова об истории русско-кавказских отношений XV в., Э.Л. Коджесау о влиянии России на развитие материальной культуры адыгов, ее учителя М.О. Косвена о кабардинце Исмаиле Атажукове (источниками послужили

⁷³ Калоев Б.А. Марк Осипович Косвен – кавказовед // Этнографическое обозрение. 2000, № 3. С. 122–134.

⁷⁴ НАРА. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 9. Л. 84.

⁷⁵ Аутлев М.Г. Адыги: Ист.-этногр. очерк: [К 400-летию добровольного присоединения адыгов к России] // М. Аутлев, Е. Зевакин, А. Хоретлев; Адыг. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957.

документы ЦГИА). В том же году вышел сборник материалов по истории русско-адыгских торговых отношений (составители А.О. Хоретлев и Т.Д. Алферова) и внепланово – монография профессора Краснодарского пединститута М.В. Покровского «Русско-адыгейские торговые связи».

В конце 1960-х гг. в Ростове-на-Дону при университете появляется центр, консолидировавший ученых всего региона, – Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ); возглавил его талантливый ученый и организатор науки Ю.А. Жданов. Для разработки актуальных вопросов, касающихся Северного Кавказа, создавались проблемные группы; их члены входили в северокавказские секции научных советов академических учреждений. С 1973 г. стал выходить двухмесячный журнал «Известия СКНЦ ВШ» в трёх сериях: «Общественные науки», «Естественные науки» и «Технические науки».

Именно в стенах СКНЦ ВШ родилась идея создания обобщающей истории народов Северного Кавказа, поддержанная учеными северокавказских республик, а также директором Института истории СССР АН СССР, академиком А.Л. Нарочницким. Авторский коллектив включал почти всех ведущих специалистов по истории и культуре Северного Кавказа из Москвы, Ленинграда, Грузии, научных центров Северного Кавказа. Работа над «Историей народов Северного Кавказа» продолжалась более 10 лет и, как отмечают ростовские исследователи В.Ф. Патракова и В.В. Черноус, была построена таким образом, что значительно усилила научные коммуникации в регионе. Фактически в этом процессе начала складываться корпоративная научная культура кавказоведов, ставших реальным научным сообществом вне официальных формальных структур. В отличие от прекращенных по разным причинам проектов по истории Закавказья, истории Прибалтики и истории Средней Азии и Казахстана, «История народов Северного Кавказа» была завершена в четырех томах. Первые два тома были изданы в издательстве «Наука» в 1988 г. благодаря усилиям А.Л. Нарочницкого и Ю.А. Жданова, III и IV тома, посвященные советскому периоду, так и остались в рукописях⁷⁶.

⁷⁶ Патракова В.Ф., Черноус В.В. Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. 2010, № 1 (61). С. 16.

Все северокавказские НИИ были вовлечены в масштабные международные и академические проекты: руководимый Институтом мировой литературы им. А.М. Горького «Многонациональный советский роман», патронируемый ЮНЕСКО «Лингвистический атлас Европы» (*Atlas Linguarum Europae*), в рамках которого производилось картирование грамматических и лексических черт всех языков, распространенных в Европе, и др.

Наступление эпохи перестройки, политика гласности, упрощение доступа в архивы и рассекречивание многих документов способствовали нарастанию критики национальной политики России/СССР, в т. ч. на Северном Кавказе, переписыванию национальных историй. Серьезные разногласия наметились в связи с оценкой Кавказской войны. Среди других острых тем – депортации народов Северного Кавказа, межнациональные отношения, локальные этнические конфликты.

В последнее десятилетие наметился конструктивный диалог представителей социогуманитарного знания республик Северного Кавказа и их коллег – кавказоведов из других регионов⁷⁷. Среди авторитетных дискуссионных площадок – научные периодические издания «Научная жизнь Кавказа» (СКНЦ ВШ ЮФУ), журналы университетов и НИИ Северного Кавказа, журнал Южного филиала Института наследия «Наследие веков» и другие.

На конференциях принимаются резолюции, направленные на преодоление политизации кавказоведения, конструктивный диалог между различными научными школами и направлениями (в частности, Хартия историков-кавказоведов 2013 г.) Инициаторами форумов становятся не только академические структуры и вузы, но также учреждения министерства культуры, в частности, Южный филиал Института наследия. Конференции и ежегодные форумы «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» нацелены на выработку научно-методического обеспечения государственной культурной и этнокультурной политики, политики в области охраны и трансляции культурного наследия⁷⁸.

⁷⁷ Горлова И.И. Северный Кавказ – территория межэтнического согласия // Культурное наследие России. 2016, № 3 (14). С. 39–42.

⁷⁸ Коваленко Т.В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. 2015, № 4. С. 149–153. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf (дата обращения 15.09.2016).

Н.А. Дончева-Панайотова,
Велико Тырново. Болгария

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв
о средневековой болгарской культуре
и литературе

Аннотация: В статье представлены научная оценка болгарской литературы и культуры, сделанные академиком Дмитрием Лихачёвым в 1970–1980 гг. Автор анализирует работы разных лет, написанные Д.С. Лихачёвым о болгарской культуре и истории. Автор утверждает, что тезис Дмитрия Лихачёва о национальном своеобразии и европейском значении средневековой болгарской литературы стал отправным в современной палеославистике. В статье представлена идея о том, что славянская цивилизация, возникшая в X–XI вв., успешно конкурировала с греческой и латинской культурами свыше тысячи лет. Автор актуализирует мысль Дмитрия Лихачёва о том, что диалог культур имеет первостепенное значение для выживания человеческой цивилизации.

Ключевые слова: культура, Болгария, наука, славянская цивилизация, культурное наследие, древнеболгарская литература.

N.A. Doncheva-Panayotova,
Veliko Tarnovo. Bulgaria

Academician Dmitry S. Likhachev about
the medieval Bulgarian culture
and literature

Abstract: The article presents a scientific evaluation of the Bulgarian literature and culture made by the academician Dmitry Likhachev in the 1970-s and 1980-s. The author analyzes the works of different years, written by D. S. Likhachev about the Bulgarian culture and history. The author argues that the thesis of Dmitry Likhachev about the national identity and European medieval Bulgarian literature was the starting in the modern paleoslavistics. The article presents the idea that the Slavic civilization that occurred in X–XI centuries, competed successfully with the Greek and Latin cultures over thousand of years. The author actualizes the idea of Dmitry Likhachev that

the dialogue of cultures is of paramount importance for the survival of human civilization.

Key words: culture, Bulgaria, science, Slavic civilization, cultural heritage, ancient Bulgarian literature.

«Плоть Болгарского государства создал Аспарух, его Дух – Кирилл и Мефодий. И это государство Духа, в котором сомкнутым строем стояли за болгарский народ язык, письменность, литература, не смогли победить чужеземные завоеватели»⁷⁹. Эти слова одного из самых выдающихся мудрецов XX в. – академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва – почти четыре десятилетия поддерживают самоуважение и достоинство болгар. Даже если бы выдающийся ученый написал о Болгарии только эти строки, он все равно заслужил бы оценочное определение «болгаролюб». И не только потому, что любовь к Болгарии – неотъемлемая часть его богатой душевности и сущностная характеристика его мировоззрения. И не только потому, что он многократно признает: «Я люблю Болгарию – и древнюю, и современную, и будущую! Люблю ее прошлое, ее настоящее и ее будущее!» А прежде всего потому, что академик Д.С. Лихачёв выбрал самое действенное средство, чтобы выразить свою огромную любовь к Болгарии, болгарскому народу, болгарской литературе и культуре – научное слово. Тема Болгарии и ее культурного наследия присутствует во многих его книгах и статьях, в многочисленных интервью и выступлениях. Считая, что «всё великое современно во все времена», ученый выбирает «своим временем и пространством» Средневековье. И в его необъятности он находит Болгарию и болгар.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв (28.11.1906 – 30.09.1999) – ученый невероятно широкого диапазона: он историк древней русской литературы и славянских средневековых литератур, культуролог с подчеркнутым интересом к древнерусскому изобразительному искусству, текстолог, фольклорист. Производит впечатление, что он как личность, по своим интересам и предпочтениям связанная с прошлым, целиком отдан общественным проблемам современности. Чувствительные струны этой личности звучат в его изящной публицистике, которую многие

⁷⁹ *Лихачёв Д.С.* Передовая линия обороны Болгарского государства Духа // В: Първи международен конгрес по българистика. София 23 май – 3 юни 1981. Пленарни доклади. София, 1982. С. 95–109.

называют «публицистикой высшего класса», в многочисленных выступлениях и интервью по актуальным вопросам эпохи, которые дают основание называть его другим оценочным определением – «совесть века». Значительная часть их является результатом поездок академика Д.С. Лихачёва по Болгарии и знакомства с ее природными и историческими достопримечательностями, встреч и разговоров с болгарами разных слоев: писателями, учеными, журналистами, студентами, простыми людьми. Так рождается его «болгарская» книга «Симметрия времени»⁸⁰, так возникает «советы мудреца», собранные в уникальных «Письмах о добром и прекрасном»⁸¹, так выкристаллизовываются «Десять заповедей человечности»⁸². Сам Дмитрий Сергеевич признаёт, что самая большая удача в его жизни – сочетание научной работы с общественной деятельностью. Жизненное кредо признанного гуманистара XX в. содержится в сформулированной им самим максиме: «Человек должен жить так, как будто он может умереть сегодня. А работать так, как будто он бессмертен». Всё масштабное дело Д.С. Лихачёва как ученого, публициста, общественника – доказательство отстаиваемой им жизненной и творческой концепции о неразрывном единстве между традицией и новым, что является синонимом современного. Она выражена красивым оксимороном «Ищу древних современников», ставшим заглавием одной из его статей. Этот авторский афоризм, однако, превратился в самую содержательную характеристику отношения академика Д.С. Лихачёва к культурному наследию славянского Средневековья, вечному и актуальному даже для самого нового времени.

Научное дело академика Д.С. Лихачёва поражает своей необозримостью – от исследования чисто теоретических вопросов художественного своеобразия средневековых произведений до задач и принципов текстологии, от проблем жанровой системы средневековых славянских литератур до многообразия литературных стилей и эпох в них, от конкретных наблюдений над эмблематическими для древнерусской литературы памятниками «Слово о полку Игореве» и «Поучение» Владимира Мономаха до прононновенных прогнозов о будущем литературы. Это – вселенная

⁸⁰ Симетрия на времето. Среци и разговори с академик Дмитрий Лихачов // Записа и подготви за печат Калина Канева. София, 1984.

⁸¹ *Лихачов Д.С.* Писма за доброто и прекрасното. София, 1986.

⁸² *Лихачов Д.С.* Култура и съвременност. София, 1996.

духовности. Но это и вселенная замечательного ученого, который формируется и развивается благодаря лучшим традициям русской историко-филологической мысли XIX и начала XX вв., ученого, который своими оригинальными и во многих отношениях новаторскими достижениями в области литературоведения переходит границы «своего» XX в. и очерчивает новые горизонты для XXI в. как века гуманитарной культуры.

В представлениях своих современников, по всеобщему мнению, академик Д.С. Лихачёв присутствует как фигура, эмблематическая не только для палеославистики, но и вообще для гуманитаристики XX в. Потому что в многочисленных трудах, созданных им за 93-летнюю жизнь, доминирует идея библейского звучания – идея о Человеке как центре Вселенной. Поэтому он не раз восхищается сочинением Иоана Экзарха Болгарского «Шестоднев», определяя его как «один из самых поэтических памятников мировой литературы». И как древнеболгарский писатель, который возвеличивает гармонию во Всемире и ищет место Человека в нем, так и выдающийся исследователь первым начинает говорить не только об экологии природы, но и об экологии Человеческого Духа.

Заслугой Д.С. Лихачёва является тот факт, что он признает ведущую роль древнеболгарской литературы в исключительно сложных и динамических процессах славянского Средневековья, поскольку она создается и утверждается как классическая в системе древних старославянских литератур. Появление литературы такого высокого уровня, по его словам, выглядит чудом⁸³. Его тезис о национальном своеобразии и европейском значении средневековой болгарской литературы стал отправным в современной палеославистике. Он первый прозрел в «сочетании собственных болгарских и общечеловеческих тем и черт» сущностную характеристику и проявление национального своеобразия древней болгарской литературы, «своеобразие огромной значимости для всех славянских народов»⁸⁴. Корни и первооснову общечеловеческого

⁸³ Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 37; Лихачов Д.С. Размисли за националното своеобразие и европейското значение на старобългарската литература // В: Лихачов Д.С. Големият свят на руската литература. Изследвания и статии. София, 1976. С. 531.

⁸⁴ Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 35; Лихачов Д.С. Големият свят на руската литература. С. 526.

смысла и общеславянской значимости древнеболгарской литературы, по мнению ученого, следует искать в эпохальном деле славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. Во второй половине далекого IX в. они основывают и утверждают новую цивилизацию в Европе, которая занимает место рядом с греческой и латинской и свыше тысячелетия соперничает с ними за место под солнцем. Это славянская цивилизация, чьи творцы и в ходе следующих столетий достойно продолжают традиции создателей славянской письменности и культуры.

В научных трудах академика Д.С. Лихачёва наряду с проникновенной оценкой наследия Кирилла и Мефодия и достижений болгарской литературы в эпоху первого золотого века присутствует еще одна важная болгарская тема – Тырновская литературная школа. Он первый говорит о ней в рамках общеславянского культурного развития и оценивает ее значение в масштабах Европы. Объективность, важная черта личности ученого, заставляет его признать: «В продолжении двух десятилетий – с 1371 г., когда Евфимий вернулся в Болгарию, до покорения Тырново в 1393 г. – Тырновская литературная школа сделала для славянской культуры больше, чем в других случаях сделано за целых два столетия. По интенсивности своего влияния на всю восточнославянскую и южнославянскую культуру эти двадцать лет действительно исключительны»⁸⁵.

Вопросы об облике, месте и значении Тырновской литературной школы в диалоге культур и литератур южных и восточных славян присутствуют еще в капитальном докладе «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России», представленном на IV конгрессе славистов в Москве в 1958 г.⁸⁶ Значение этого доклада как поворотного момента в истории пале-

⁸⁵ *Лихачев Д.С.* Забележителни десетилетия (Изказване пред международния симпозиум «Тырновската художествена школа и славяно-византийското изкуство през XIII – XV век», проведен през септември 1978 г. във Велико Тырново). Антени, VIII, № 40, 4 окт. 1978. С. 13; То же в: *Българистика и българисти.* Статии и изследвания. София, 1981. С. 112–118. Здесь см. с. 112.

⁸⁶ *Лихачёв Д.С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.; То же в: *Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV международном съезде славистов.* М., 1960. С. 95–151 (цитаты здесь по первому изданию).

ославистики и древнеболгаристики можно оценить только с учетом сложности проблемы, «патриотических пристрастий» ученых при ее решении и реальных последствий для медиевистики после 1958 г. Доклад академика Д.С. Лихачёва представляет многообразие проблемы во всей ее сложности: философско-религиозные учения и движения на Балканах и связанные с ними обновительные процессы в духовной культуре православного Востока; центры высокой образованности и активного общения интеллектуальных умов эпохи; тенденции и изменения в духовной культуре и литературе балканских народов; реформаторские идеи и их приложение в письменности, литературном языке и стиле; причины проникновения южнославянского влияния в Россию и пути его осуществления; области, в которых оно проявляется; сущность, охват и время действия влияния; роль южнославянских пришельцев в России, их место в церковно-политической жизни и их конкретный вклад в развитие русской культуры и литературы; характер и значение второго южнославянского влияния в России в перспективе истории. Как подчеркивает Д.С. Лихачёв, «перед нами явления единого умственного движения, достаточно мощного, чтобы охватить разные страны, и достаточно глубокого, чтобы сказаться одновременно в литературе, письменности в целом, живописи и религии»⁸⁷.

В пестрой картине мнений о роли, месте и значении второго южнославянского влияния в России, которые колеблются между двумя полюсами – от полного одобрения до полного отрицания – выделяется мнение Д.С. Лихачёва, который считает, что «оно приносит с собой новые темы, новые идеи и новый литературный стиль, в котором не без основания можно увидеть отражение веяний общеевропейского предвозрождения»⁸⁸. Заслуга Д.С. Лихачёва не только в авторитетной постановке проблемы о втором южнославянском влиянии на русскую культуру и литературу, но и в категорическом признании существенной роли Болгарии в этом общекультурном процессе. «Болгария в XIV в. – пишет он, – в целом была тем огромным центром, через который проходило византийское влияние в Сербию и Россию, центром, в котором это византийское влияние получало свою славянскую окраску, закреплялось в многочисленных переводах, освященных

⁸⁷ См. указ. изд. С. 16.

⁸⁸ Там же. С. 15–16.

реформой письменности Патриарха Евфимия»⁸⁹. Самое яркое доказательство – созданная им Тырновская литературная школа и ее отражение в культурной и литературной жизни других балканских и славянских народов.

«Тырновская школа – пишет Д.С. Лихачёв, – закрепила то, что развилось исподволь веков. Она образовалась, как кристалл образуется в перенасыщенном растворе. Она приобрела новую структуру, оформляясь как новая структура на основе издавна слагавшегося, и приобрела поэтому значение для всей болгарской культуры, дав ей стойкость, обороноспособность и самостоятельность для проникновения в другие страны, в частности на Русь»⁹⁰. Ученый специально подчеркивает центральную роль в русской культуре и литературе конца XIV и начала XV вв. деятелей болгарской церкви и выдающихся писателей – митрополита Киприана и Григория Цамблака.

Обладая мудростью древних философов, академик Д.С. Лихачёв отстаивает еще одну глобальную для всех времен и народов максиму, которая исключительно актуальна и для нашей современности – максиму об общении между народами и созданными ими культурами как гарантию их существования. В одном из своих выступлений ученый говорит, что это своеобразный космополитизм. И хотя, продолжает он свои рассуждения, это понятие не совсем подходит для Средневековья, общение между людьми, обмен культурными ценностями, диалог культур имеют первостепенное значение для выживания человеческой цивилизации.

Важное место в научных трудах Д.С. Лихачёва занимают его основополагающие толкования и оценки культурного и литературного общения между южными и восточными славянами в Средние века. Его серьезные исследования в области древнерусской литературы и культуры естественно пробуждают и поддерживают многолетний интерес к литературе и культуре болгар и сербов и, прежде всего, к проблемам их общения с литературой и культурой Древней Руси. По его мнению, это уникальный по своей сущности, по масштабам и значению диалог культур, сино-

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Лихачёв Д.С.* Передовая линия обороны Болгарского государства Духа. // Международный конгресс по българистика. Пленарни доклади. София, 1981. Кн. 8. С. 104–105.

нимом которого можно считать взаимообогащение. В ряде своих публикаций, важнейшие из которых представлены на международных научных форумах, академик Лихачёв отстаивает свое глубокое убеждение, что этническая и языковая близость, скрепленная общей христианской верой, азбукой Кирилла и Мефодия и письменными традициями, а также сходная историческая судьба имеют решающее значение для духовных взаимоотношений между православными славянскими народами на европейском юго-востоке и востоке.

В 1976 г. издательство «Наука и искусство» дает возможность широкой читательской аудитории, а также специалистам в Болгарии познакомиться с частью самых представительных исследований академика Д.С. Лихачёва в переводе на болгарский язык. Они изданы солидным томом под заглавием «Големият свят на руската литература» («Большой мир русской литературы»). Составитель, редактор и автор вступительной статьи – проф. П. Диневков. Перевод с русского языка сделан специалистами в области древней болгарской литературы Л. Грашевой, С. Кожухаровым, С. Николовой, И. Тодоровым. В кратком обращении к читателям Дмитрий Сергеевич отвечает на вопрос, заданный им самим: «Что заставило меня так сильно полюбить Болгарию?» Он отмечает, что красота разнообразной природы, радушие, мягкий юмор, ум болгарского народа – только часть ответа на этот вопрос. Важное место в этой любви он отводит болгарской литературе, которая является «зеркалом народной души». Признаваясь в том, что она, как и болгарский фольклор, привлекает его «какой-то затаенной глубокой трагичностью», замечательный ученый-болгаролоб пишет: «Перенести через пятивековое рабство свое сознание национального достоинства, сохранить свою природную доброту, приветливость к людям и окружающей природе, свой юмор, острое чувство красоты – это самое великое благо и самая великая заслуга народа. Это подвиг. И этот подвиг раскрывается прежде всего литературой, раскрывается содержательно, глубоко и всесторонне»⁹¹.

Среди статей в книге, представляющих необъятные горизонты русской литературы и исследовательские интересы крупного ученого, выделяются три статьи, рассматривающие проблемы взаимоотношений между древнерусской и древнеболгарской

⁹¹ *Лихачов Д.С.* Големият свят на руската литература. С. 5–6.

литературой. Первая – «Размышления о национальном своеобразии и европейском значении древнеболгарской литературы» – благодаря наличию в ней оценочных характеристик становится эмблематической для палеославистики⁹². Две другие статьи «“Шестоднев” Иоанна Экзарха Болгарского и “Поучение” Владимира Мономаха» и «“Слово о погибели русской земли” и “Шестоднев” Иоанна Экзарха Болгарского» – образец конкретного вклада в изучение многовекового диалога двух славянских литератур⁹³.

Д.С. Лихачёв – один из первых исследователей, которые, благодаря использованию интердисциплинарного подхода, доказывают синкретический характер средневековой литературы. Он уделяет одинаковое внимание истории древней русской литературы, древнерусскому искусству, истории русской культуры, русскому фольклору, текстологии, теории литературы, т. е. всему, что определяет облик Древней Руси. Проникновеннее всего, однако, – его исследования развития и творческого своеобразия русской литературы X–XVII вв. Выдающийся ученый, однако, вряд ли смог бы очертить масштабы и охарактеризовать богатство жанров, стилей, образов, идей, раскрыть художественную сущность и эстетические принципы этой литературы, подчеркнуть ее национальную самобытность, если бы он не рассматривал ее в контексте византийско-славянской культурной общности, если бы он не учитывал роль культурного и литературного общения между православными славянами, а также если бы не сделал доминирующим акцентом своих исследований проблему о национальном своеобразии каждой из древних славянских литератур и культур.

Первое научное выступление Д.С. Лихачёва по этим проблемам больше полувека назад привлекает внимание славистов и превращается в капитальное исследование, имеющее непреходящее значение. Без преувеличения можно сказать, что, благодаря своей научной объективности, широким параметрам авторских наблюдений и заключений и, прежде всего, благодаря глубокому анализу конкретных историко-культурных и литературных фактов и намеченным направлениям будущих исследований, доклад академика Лихачёва «Некоторые задачи изучения второго

⁹² Там же. С. 525–535.

⁹³ Там же. С. 536–539, 540–544

южнославянского влияния в России», прочитанный на IV конгрессе славистов в Москве в 1958 г., будет отправной точкой для работы палеославистов и в XXI в.

В яркой историографской картине палеославистики и древнеболгаристики XX в. исследования академика Д.С. Лихачёва выделяются своей многоаспектностью, оригинальностью, глубиной, новаторском подходом и убедительными тезисами. Они не только добавляют новые штрихи к определению научных горизонтов и творческих достижений признанного энциклопедиста, но раскрывают существенные черты его научного подхода к некоторым исключительно важным, сложным и спорным проблемам палеославистики, среди которых проблемы национального своеобразия средневековых литератур православных славян и взаимоотношений между ними. Следует признать, однако, что идеи, оценки, открытия Д.С. Лихачёва можно считать показательными не только для поисков и уровня палеославистики XX в., но и основополагающими для наступившего XXI в. Это определяет и осознанную необходимость в специальном изучении вклада академика Лихачёва в исследование этих актуальных, сегодня даже суперактуальных проблем сохранения единства славянской православной цивилизации.

Болгары признательны Д.С. Лихачёву за все идеи, оценки, наставления, высказанные им на международных форумах, в научных публикациях, в личных разговорах со своими коллегами. Вот в последнем я абсолютно уверена. По-моему, Д.С. Лихачёв был одарен Богом невероятным умением общаться с людьми, поддерживать живые связи, оставаться человечным и учить других. Не каждому большому ученому дана эта способность. У Дмитрия Сергеевича этот Божий дар был в чрезвычайно широких границах – от личных контактов до академических заседаний и обсуждений. В ленинградской школе медиевистики Д.С. Лихачёва имели счастье учиться и болгарские специалисты. То, что мы усвоили здесь, осталось на всю жизнь. Это были уроки не только по средневековой литературе и культуре, но это были незабываемые уроки о добром и прекрасном, уроки человечности, порядочности, научной этики. Я не знаю, смогли ли мы в своих научных трудах сделать нужное для увековечивания этих уроков Дмитрия Сергеевича. Юбилейные даты – тоже подходящий повод высказать свою признательность к нему с глубоким поклоном.

Я позволю себе заверить вас, что мы постарались по достоинству отметить в 2006 г. в Болгарии 100-летие со дня рождения Д.С. Лихачёва, о чем теперь не буду рассказывать. Именно тогда мы подготовили биобиблиографию «Дмитрий Лихачев в Болгарии», которая была издана накануне юбилея издательством «О письменах – За буквите». В нее включены все болгарские публикации ученого и все материалы о нем в болгарских изданиях. Библиография аннотирована, снабжена, как положено, всеми указателями, и в ней размещены фотографии. Автор-составитель библиографии, проф. Донка Правдомирова, – тоже воспитанница Санкт-Петербургской школы по библиографии и библиотечному делу, а я написала вступительную статью в этой книге о жизни и научном деле Дмитрия Сергеевича. В нашей библиографии имеется 353 заглавные единицы. Эта биобиблиография также является знаком признательности болгар за огромный вклад выдающегося ученого в болгароведение.

В ноябре 2015 г. Национальное сдружение «Руссофилы» в Болгарии добавило еще один визуальный знак признательности болгаров именитому ученому: в Софии торжественно открыли бюст-памятник академику Дмитрию Сергеевичу Лихачёву. Это событие, как и последующий круглый стол в Русском культурно-информационном центре в столице, положили начало чествованию 110-летия со дня рождения большого болгаролюбца на его второй родине. Верю, что и в этом ноябре руссофилы в Болгарии опять скажут «Достойно есть»! А мне кажется, что и сегодня во всех выступлениях и докладах на нашей конференции звучит средневековое песнопение «Достойно есть»!

В конце своего выступления я хочу поблагодарить организаторов Института наследия за любезное приглашение принять участие в конференции и выступить перед вами. Спасибо!

С.Ю. Житенёв,
Россия. Москва

Вклад академика Д.С. Лихачёва
в становление и развитие
российской культурологии

Аннотация: Статья посвящена вкладу академика Д.С. Лихачёва в становление и развитие отечественной культурологии. В статье кратко представлена его деятельность в качестве председателя Советского фонда культуры и лидера научной общественности в сфере культурологии на рубеже XX–XXI столетий.

Ключевые слова: Д.С. Лихачёв, культурология, экология культуры, Советский фонд культуры, культурное наследие, традиции.

S.Yu. Zhitenev,
Moscow. Russia

The contribution of academician Dmitry Likhachev
in the formation and development
of Russian cultural studies

Abstract: The article is devoted to the contribution of academician D.S. Likhachev in the establishment and development of national culture. The author presents his work as chairman of the Soviet CFund of Culture and the leader of the scientific community in the field of cultural studies at the turn of XX–XXI centuries.

Key words: D.S. Likhachev, cultural studies, ecology of culture, the Soviet Fund of Culture, cultural heritage and traditions.

Рассматривая исключительно значимый и важный вклад академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва в развитие отечественной гуманитарной науки, нам, представителям науки о культуре, необходимо выделить из его обширного наследия прежде всего теорию экологии культуры в качестве фундаментального направления современной культурологии. Смысл теории эколо-

гии культуры академика Д.С. Лихачёва заключается в том, что без сохранения и освоения духовных традиций и исторической памяти невозможно полноценное и качественное развитие культуры в современном обществе. Именно поэтому рассмотрение и обсуждение его учения об экологии культуры на Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва» является чрезвычайно актуальным и своевременным делом. При этом весьма знаменательно, что международная юбилейная научная конференция организована и проходит в стенах Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва.

Многие годы академик Д.С. Лихачёв отдал научной и практической деятельности по изучению и борьбе за сохранение отечественной культуры, культурного и природного наследия, с достоинством преодолевая все сложности, стоявшие на его пути. После создания в 1986 г. Советского фонда культуры⁹⁴ (СФК), который он возглавил, его значение как безусловного лидера советской интеллигенции и научной общественности, занимающейся социокультурными вопросами и проблемами, стало свершившимся фактом.

Мне пока не встречались серьёзные научные исследования, связанные с историей создания и первых лет работы фонда, когда

⁹⁴ Советский фонд культуры (СФК), известная общественная организация, созданная в 1986 г., осуществляющая финансовую и организационную поддержку инициатив граждан и организаций в сфере культуры, искусства, науки и образования и способствующая развитию сети неправительственных организаций, действующих в указанных областях. Первыми учредителями СФК выступили более пятидесяти творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры из всех республик Советского Союза. Большую роль на первом этапе становления СФК как общественной организации в сфере культуры сыграло участие в его работе выдающихся деятелей науки, культуры и искусства. СФК за короткое время стал влиятельным культурным центром страны. В 1991 г. после распада СССР, в период становления новых государственных и социально-экономических отношений, фонд вступил в новый этап своего развития. Дважды менялось его название: Международный Российский фонд культуры, Российский фонд культуры. В 1993 г. фонд по состоянию здоровья покинул академик Д.С. Лихачёв, а председателем президиума был избран кинорежиссер Н.С. Михалков.

его возглавлял академик Д.С. Лихачёв. И если в будущем такие работы появятся, то я глубоко уверен, что в них найдёт своё отражение история деятельности в СФК программы по проведению философских круглых столов, которую Дмитрий Сергеевич активно поддержал и принимал в них участие, когда он бывал в Москве. В работе философских круглых столов участвовали самые выдающиеся отечественные учёные, деятели культуры и искусства. Одним из организаторов этих собраний была Изольда Константиновна Кучмаева⁹⁵, которая была соратником и сподвижником академика Д.С. Лихачёва. В то время культурология как научное направление в нашей стране только начинала формироваться, поэтому круглые столы СФК, будучи по существу культурологическими, носили название философских. Мне посчастливилось работать в то время в СФК и участвовать в работе по становлению и развитию фонда, разработке его программ, а также помогать Дмитрию Сергеевичу и Изольде Константиновне в подготовке и проведении различных мероприятий, в том числе и философских круглых столов.

Г.В. Мясников⁹⁶ однажды сказал мне, что, благодаря деятельности Дмитрия Сергеевича и его соратников, в народную

⁹⁵ Кучмаева Изольда Константиновна (1936–2014), известная российская общественная деятельница, учёный, культуролог, философ и педагог, основатель, ректор и президент Государственной академии славянской культуры. В 1959 г. она закончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Аналитическое рассмотрение зарубежных культурологических концепций». В 1972–1992 гг. работала в Институте философии АН СССР в секторе философских проблем культуры. В 1987 г. она защитила докторскую диссертацию по теме «Философская интерпретация закономерностей наследования культуры». В 1988 г. по решению Президиума АН СССР стала руководителем группы научного содействия Советскому фонду культуры, возглавляемому академиком Д.С. Лихачёвым. В 1988–1992 гг. она на общественных началах вела большую просветительскую и научную работу в СФК. В 1992–2006 гг. являлась ректором Государственной академии славянской культуры, которую она основала и превратила в современное и широко известное высшее образовательное заведение России. Автор десяти научных монографий и более 200 публикаций.

⁹⁶ Мясников Георг Васильевич (1926–1996), советский партийный и российский общественный деятель, историк-краевед, первый заместитель председателя правления Советского фонда культуры (1986–1991), заместитель председателя правления Российского фонда культуры (1991–1992).

жизнь вернулись два понятия: «благотворительность» и «культурное наследие», которые были практически утрачены в советское время. Большое количество общественных деятелей, в том числе учёных, работавших под эгидой Фонда культуры, приложили много усилий, чтобы такие, в то время «новые», понятия, как «благотворительность», «культурное наследие», «новомученики» и ряд других, вновь вернулись в повседневную жизнь российского общества. Философские круглые столы были местом, где шли заинтересованные и острые дискуссии о путях развития отечественной культуры, науки и искусства, а также обсуждались различные модели государственного и общественного развития страны. Всех участников этих собраний вдохновляла тогда возможность говорить без цензуры, без окрика, без бдительного ока партийных органов, а самое главное – большинство участников круглых столов чувствовали, что их мысли и предложения востребованы и могут быть реализованы благодаря возможностям и авторитету, которые были у академика Д.С. Лихачёва.

В особняк промышленников Третьяковых, что на Гоголевском бульваре в самом центре Москвы, где находился в те времена СФК, часто приходили многие учёные и общественные деятели, среди которых можно было увидеть и услышать таких блестящих людей, как В.И. Азар, В.П. Алексеев, Г.П. Батищев, И.Н. Воронова, П.П. Гайденко, В.А. Генде-Роте, В.Л. Глазычев, А.А. Гусейнов, В.А. Дудаков, О.И. Карпухин, В.В. Лепешинский, В.М. Межуев, Н.В. Мотрошилова, В.А. Набатчиков, В.П. Нерознак, митрополит Питирим (Нечаев), Б.И. Олейник, Э.А. Орлова, А.С. Панарин, П.Л. Проскурин, архимандрит Иннокентий (Провсирнин), Р.Б. Рыбаков, С.Н. Семанов, Э.П. Соловьёв, Б.С. Угаров, Е.П. Чельшев, С.О. Шмидт и мн. др.

Безусловно, это была интеллектуальная элита отечественной культуры, выступления каждого из них производили

Внёс значительный вклад в создание в Пензенской области новых объектов культуры, спортивных сооружений, подростковых клубов и мест отдыха, благодаря чему этот регион стал более известным и привлекательным. За время работы в СФК содействовал созданию новых музеев, благотворительных и общественных организаций, издательской деятельности. Много сделал для развития международных общественных связей и возвращения в СССР культурных ценностей. Автор ряда статей и двух книг о Пензенской области, а также дневниковых записей, которые были частично опубликованы после его смерти.

глубокое впечатление, будили сознание и заставляли слушателей по-новому смотреть на прошлое, настоящее и будущее нашей страны. Дискуссии, проходившие на круглых столах, носили самый разносторонний характер, на них неоднократно поднимались и обсуждались современные, очень острые и неожиданные проблемы. Дмитрий Сергеевич и его соратники не только толковали и вводили в общественный оборот новые и давно забытые понятия, но и разрабатывали и формулировали важнейшие в тот период принципы и основания новой культурной политики нашей страны, которые позднее выносились СФК на всеобщее обсуждение. Здесь уместно будет заметить, что многие модели и предложения, которые обсуждались на философских круглых столах, легли в основу культурной политики нового Российского государства, возникшего в результате распада СССР в 1991 г.

Академик Д.С. Лихачёв, бесспорно, является одним из основоположников российской культурологии и выдающимся русским культурологом, прежде всего потому, что он своей многогранной научной работой во второй половине XX столетия смог поднять социокультурную деятельность и значение культуры в целом в общественном сознании на значительно более высокий уровень, чем это было до него. Д.С. Лихачёв стоял у истоков российской культурологии и является «создателем собственной теории культуры – самобытной, оригинальной и вместе с тем органически вписывающейся в сегодняшние дискуссии о содержании этой науки. Подчеркнём сразу: учитывая мировой научный опыт, Д.С. Лихачёв развивал именно российскую культурологию, неразрывно связанную с особенностями отечественного исторического развития»⁹⁷. В этой связи нам важен взгляд Д.С. Лихачёва на проблему своеобразия России и самостоятельного русского культурно-исторического пути, в котором он подчёркивал европейский характер отечественной культуры. При этом он был убеждён во взаимосвязи отечественной культуры с культурными традициями и Запада, и Востока: «Вопрос о том, Востоку или Западу принадлежит русская культура, снимается полностью. Культура России принадлежит десяткам народов Запада и Востока. Именно на

⁹⁷ *Запесоцкий А.С.* Культура: взгляд из России. СПб.: СПбГУП; М.: Наука, 2015. С. 73.

этой основе, на многонациональной почве, она выросла во всем своем своеобразии»⁹⁸. Дмитрий Сергеевич очень точно заметил, что для русской культуры понятие «Восток» очень часто было на самом деле «Юг». Для подтверждения этого тезиса академика можно привести понятие «Православный Восток», под которым многочисленные поколения русских православных паломников понимали прежде всего Святую Землю и Византийскую империю, расположенные по отношению к России на географическом юге.

Рассматривая культурологические взгляды Д.С. Лихачёва, мы должны подчеркнуть, что академик обособил самоопределение культурологии как особой сферы знания, которая со временем будет становиться всё более востребованной и актуальной. Особое внимание Дмитрий Сергеевич уделял в своём творчестве вопросам традиций и традиционности в культуре, литературе и искусстве. Он развивал фундаментальную мысль о том, что отечественную культурную традицию надо рассматривать в постоянном развитии, а не как застывшее раз и навсегда явление. Таким образом, Д.С. Лихачёв представляет культурные традиции и, соответственно, наследие нужными и актуальными для нашей страны в современную эпоху. Поэтому он писал в своей записной книжке о взаимосвязи культуры прошлого и будущего следующее: «Ощущать себя наследником прошлого значит осознавать свою ответственность перед будущим»⁹⁹.

Академика Д.С. Лихачёва связывали особенно тёплые личные отношения и продуктивное научное сотрудничество с Сигурдом Оттовичем Шмидтом¹⁰⁰, известным московским учёным-

⁹⁸ Лихачёв Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 124.

⁹⁹ Лихачёв Д.С. Из записной книжки // Лихачёв Д.С. Книга беспокойств. (Статьи, беседы, воспоминания). М., 1991. С. 498.

¹⁰⁰ Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013), известный советский и российский историк, архивист и краевед, академик Российской академии образования, председатель Российского союза краеведов (1990, на момент смерти – почётный председатель) сын учёного и путешественника О.Ю. Шмидта. В 1944 г. он окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1949 г. преподавал в Московском историко-архивном институте (ныне Российский государственный гуманитарный университет). Доктор исторических наук (1965). Одновременно с 1956 г. работал в Институте истории АН СССР (ныне Институт российской истории

архивистом и общественным деятелем. Мне неоднократно приходилось присутствовать во время их бесед по самым разнообразным вопросам гуманитарных наук и общественных явлений современной культуры, поэтому зная, как они друг друга понимали и ценили, хочу закончить свою статью словами, написанными С.О. Шмидтом об академике Д.С. Лихачёве. Мне представляется, что более точно и объективно о Дмитрие Сергеевиче никто, кроме Сигурда Оттовича не сказал. «Имя Д.С. Лихачёва олицетворяет во всём мире вершинные достижения отечественной гуманитарной науки второй половины XX в. Его многогранная деятельность утверждает значение личности учёного в общественной жизни. В Д.С. Лихачёве счастливо совмещались крупнейший исследователь очень широкого спектра научных интересов, от Средневековья до современности, организатор науки, создатель научной школы и просветитель, мастер слова, публицист, чутко и совестливо выражающий общественные настроения»¹⁰¹.

РАН), с 2001 г. – в Институте славяноведения РАН. В 1968–2002 гг. он являлся председателем Археографической комиссии Академии наук. Автор более 500 научных трудов по средневековой истории XVI–XVII вв., истории культуры, историографии, археографии, архивоведению и др.

¹⁰¹ Шмидт С.О. Послесловие к новому изданию книги Д.С. Лихачёва «Текстология. Краткий очерк» // Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1: Допетровская Русью Кн. 2. М., 2008. С. 794.

К.Х. Канева,
София. Болгария

Мои встречи с академиком Д.С. Лихачёвым
Штрихи к его портрету и творческой лаборатории

Как создавалась книга «Симметрия времени»
Как появились «Письма о добром»
и «Десять заповедей человечности»

Аннотация: Автор статьи повествует о том, как она познакомилась с академиком Дмитрием Лихачёвым, как это знакомство переросло в творческое сотрудничество и дружеские отношения. Автор рассказывает о встречах с академиком и, что особенно ценно, подробно излагает содержание бесед с Дмитрием Сергеевичем о русской и болгарской культуре. В статье представлен моногосторонний портрет русского учёного, его взгляды на самые разные явления в гуманитарной науке и культуре, общественной жизни и отношениях между Россией и Болгарией. Автор написала воспоминания о том, как создавались некоторые произведения Дмитрия Сергеевича, в том числе «Десять заповедей человечности».

Ключевые слова: культура, литература, Россия, Болгария, Д.С. Лихачёв, древнеславянская письменность, книга, слово.

K.H. Kaneva,
Sofia. Bulgaria

My meeting with academician D. S. Likhachev
The finishing touches to his portrait and creative lab

As the book “Simmetriya of time” was created
How did the “Letter of the good”
and “The ten commandments of humanity”

Abstract: The author tells the story of how she met academician Dmitry Likhachev, as this acquaintance grew into a creative collaboration and friendly relations. The author tells of encounters with academician and that is especially valuable, recounts the interview with Dmitry Sergeyevich from Russian and Bulgarian cultures. The article presents monohostanne portrait

of a Russian scientist, his views on a variety of phenomena in the humanities and culture, public life and the relations between Russia and Bulgaria. The author has written a memoir about how it was created, some works of Dmitry Sergeevich, including «The ten commandments of humanity».

Key words: culture, literature, Russia, Bulgaria, D.S. Likhachev, the ancient Slavic script, the book, the word.

Мое знакомство с Д.С. Лихачёвым было случайным, неожиданным и немножко парадоксальным, хотя вся моя жизнь вела к этой встрече. Когда меня спрашивают: «Кто вас познакомил с академиком Лихачёвым?», я отвечаю: «Граф Игнатъев»¹⁰². Вот почему: предстоял столетний юбилей освобождения Болгарии от турецкого рабства, и я приехала в Ленинград искать следы освободителей, и главным образом моего героя будущей книги¹⁰³ и телефильма – графа Н.П. Игнатъева. А в Пушкинский Дом я попала из-за моей любви к М.Ю. Лермонтову. Этому предшествовал ряд добрых, доброжелательных поступков разных людей. Коротко: случайно встреченные на софийской улице две русские женщины из Северной столицы, узнав, что я интересуюсь Лермонтовым и даже что опубликована моя студенческая работа о творческом процессе поэта, сказали: «Приезжайте в Ленинград, мы кое-что вам покажем о Лермонтове». Это случилось в 1963 г., они исполнили обещание, что стоило им больших хлопот. Литературный музей Пушкинского Дома был закрыт то ли на ремонт, то ли на выходные, однако меня пустили на короткое время. С тех пор я мечтала вернуться снова сюда и в 1976 г. включила в программу командировки несколько часов для души – посещение Пушкин-

¹⁰² Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), русский граф, дипломат, посол России в Османской империи в 1864–1877 гг., принявший близко к сердцу горькую судьбу поработанного болгарского народа, подготовивший Освобождение и 3 марта 1878 г. закрепивший своей подписью воскрешение болгарской государственности. Мало известна его деятельность в помощь русским ученым, в особенности архимандриту Антонину (Капустину) – начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме, в их стараниях разыскать и сохранить древние рукописи и артефакты. Не случайно во время освободительной войны Н.П. Игнатъев пишет своей жене: «Мы возвращаем наш долг родине просветителей Кирилла и Мефодия» (10 июля 1877 г., с. Бяла).

¹⁰³ «Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев». М., Центрполиграф, 2006; «Н.П. Игнатиев – графът на българите». София: Абрис дизайн център, 2008.

ского Дома с потаенной надеждой, что окунусь более обстоятельно в атмосферу литературного музея, что и случилось.

Заканчивая разговор с ученым секретарем Института русской литературы Сергеем Фомичевым, я спросила, кто занимается болгаристикой и можно ли с кем-нибудь встретиться (не имела в виду сразу же). Он вышел и вернулся сияющим: «Вы знаете, здесь академик Лихачёв и он готов вас принять!» Я посмотрела на часы и воскликнула: «Ой, не могу! Через пятнадцать минут у меня встреча в университете». Мой собеседник нахмурился и разочарованно сказал: «Ну, как хотите. Только хочу сказать, что академик Лихачёв очень занятый человек и вряд ли у вас будет другой такой случай». Мне стало жалко не то, что с академиком не встречу (он не был еще у нас популярен), а что мой собеседник расстроился, и побежала за ним со своим тяжелым, но очень надежным магнитофоном «Ухер». Чуть переступила порог кабинета академика, и я, которая считала себя деликатной, даже застенчивой, выпалила: «Здравствуйте, у меня очень мало времени». Человек за письменным столом поднялся, улыбнулся, глаза засветились (мне показалось, что я увидела физический свет вокруг его лица!), и вместо того чтобы отклонить беседу, он жестом руки указал на магнитофон: «Ну, тогда давайте!» И, не дожидаясь вопросов, стал говорить о втором южнославянском влиянии в России, о стиле «плетение словес», о Тырновской литературной школе, о патриархе Евфимии. Он кончил, а я сидела как заколдованная и чувствовала, что не могу уйти отсюда. Пускай опаздываю...

Тут Дмитрий Сергеевич стал спрашивать меня, по каким проблемам я приехала, и сразу стал советовать куда пойти, с кем встретиться и т. д. Единственное, что удалось за короткое время командировки осуществить, было посещение на следующее же утро Эрмитажа, где меня уже ждали коробки с неизвестными фотографиями времен Русско-турецкой освободительной войны, а также зал знамен. Всё это мне организовал новый мой знакомый академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв. И так было больше двадцати лет – его слово открывало двери. Со сколькими людьми он меня познакомил, сколько интересных тем подсказал мне и моим коллегам!

Еще тогда, при первой встрече, выявились его основные черты характера: понимать другого, встать на его место, включиться в его заботы, чтобы помочь – действительно, всеми возможностями и с перспективой, с рекомендациями, например, переснять

эти фотографии, создать центр болгарского рукописного наследия, собрать микрофильмы древних болгарских рукописей, разбросанных по всему миру, и т. д., и т. д.

Возможно, что ему понравилась тогда моя наивная искренность, мое естественное поведение, но, в сущности, это была его заслуга. Получив возможность общаться с ним и с его окружением на протяжении многих лет, я всякий раз замечала его способность создавать вокруг себя поле, исполненное доверием и доброжелательностью, в котором человек чувствует себя спокойно и естественно. И всегда удивлялась, как в его душе находится место для каждого мало-мальски знакомого. Добро, доброта – это рефрен его творчества, его жизненных позиций, его души.

Я не случайно рассказываю подробности этой первой встречи, породившей как бы цепную реакцию. Меня стало мучить угрызение совести: как я могла так сказать – ученый меня принимает, а я говорю, что у меня нет времени?! Поэтому через два года (1978), когда я снова оказалась в Ленинграде, включила в программу командировки интервью с Д.С. Лихачёвым. Он пригласил меня в свой дом. Разговор настолько пошел, что я не заметила как пролетело несколько часов. Коснулись многих тем. Я заметила, как при первой встрече и потом много раз, что он любит делиться с собеседником, как бы опробовать свои рассуждения и намерения перед тем, как их опубликовать. Так, в этом интервью он говорит об экологии культуры (первая статья на эту тему выходит только через год в журнале «Москва», в 1979-м). В этой беседе он выражает идею, что и в России должен быть праздник культуры и письменности, как в Болгарии, и не случайно именно он связал зачинателей этого праздника, писателей из Мурманска, с нами – журналистами из газеты «Антени» и Кирилло-Мефодиевского вестника «За буквите – О письменех». Всё это, конечно, с целью помочь мурманчанам, что мы и сделали.

Дальше мы чаще встречались – то в Болгарии, то в Советском Союзе. У нас он выступал среди ученых, писателей, журналистов, школьников. Это были праздники души. Я записывала его выступления, его разговоры. Дмитрий Сергеевич придавал большое значение слову – не только написанному, но и слову записанному. Я счастлива, что многие из моих записей удалось сохранить. Его уже давно нет, но стоит нажать кнопку, и его живой благородный голос зазвучит. Он оставлял мне некоторые тезисы к беседам, рукописи статей. Ему очень импонировала практика «Антени» и

«За буквите» публиковать автографы – мысли, написанные рукой самого автора. Я вела с ним переписку, но больше всего разговаривали по телефону, и это не вернуть...

История книги «Симетрия на времето.
Срещи и разговоры с академик Дмитрий Лихачов»

Когда я опубликовала в газете «Антени» первые интервью, мой начальник, заместитель главного редактора Петко Тотев, сказал: «Как хорошо бы выглядела маленькая книжка “Три интервью с академиком Лихачёвым”!» Я об этом не думала, и идея показалаась несбыточной, но, видимо, она запала в душу, потому что через некоторое время я, поехав в санаторий, забрала с собой и весь небольшой лихачёвский архив, чтобы прослушать записи, обдумать. Ведь в газете печатались только отрывки, разумеется, в переводе и обработанные. Мои родственники привезли мне полученные письма, среди которых были и от Дмитрия Сергеевича. И каково было мое изумление: в одном из них, от 3 февраля 1979 г., читаю чуть ли не мои собственные мысли:

«Человек жаден. Жаден и я...»

И я подумал, что если сделать небольшую книжечку малого формата, назвать ее «Разговоры» и собрать в ней некоторые интервью, опубликованные в Тырнове и Софии, но главным образом ваши со мной в «Антени».

<...> Я по темпераменту публицист.

<...> Почему-то очень захотелось, чтобы такая книжечка на болгарском вышла. Люблю Болгарию»¹⁰⁴.

Тут моя нерешительность исчезла. Я собрала всё, что могла, и отправила ему на согласование сборник интервью разных авторов. Дальше рукопись поступила в издательство «Народна младеж», где благополучно пролежала четыре года. За это время мои встречи и разговоры сильно увеличились, и издатели решили, что для книги лучше иметь одного автора. В это время редакцию

¹⁰⁴ *Канева Калина*. Симетрия на времето. Срещи и разговоры с акад. Дмитрий Лихачов. Писма, автографи. Книга първа. София, Дума, 2008–2012. С. 506–507.

разгромили по идеологическим причинам, и все неизданные еще рукописи были отданы в ЦК на проверку. Нашей книге повезло – она попала в руки профессора Тодора Ив. Живкова, который знал, кто такой Д.С. Лихачёв, и конъюнктура была ему чужда. Всё пошло с головоломной быстротой – книга вышла в 1984 г. и стала праздником в духовной жизни страны.

Дмитрий Сергеевич очень обрадовался ее выходу. В ленинградской прессе было подчеркнуто, что это первая книга о нем¹⁰⁵.

«В книге «Симметрия времени» самое важное то, – сказал Дмитрий Сергеевич, – что она является плодом труда двух личностей – болгарского и русского... Такого рода книга не могла быть создана на основе поверхностного знакомства. Она создана на основе дружбы, на основе полной откровенности, на основе интеллигентности, потому что интеллигентность – это, прежде всего, умение понимать другого и умение общаться»¹⁰⁶. Назвал ее «книжное рукопожатие»¹⁰⁷.

По содержанию книга оказалась очень богатой, в жанровом отношении – разнообразной. Открылось широкое полотно взаимных влияний древнеболгарской и древнерусской литературы. Ученый даже приоткрыл для нас, болгар, миссию древнеболгарской литературы – самой древней в Европе на разговорном языке, ее общеевропейское значение. Во всех текстах звучит нравственный камертон мудреца и гуманиста.

Мое творческое общение с Дмитрием Сергеевичем продолжалось, записи увеличивались, и мы не раз обсуждали возможности продолжения книги. Это произошло через довольно много лет – его уже не было среди нас. Председатель Национального движения русофилов в Болгарии Николай Малинов предложил мне издать мой лихачёвский архив без ограничений. Так вышел в 2012 г. первый том «Симметрия на времето. Среци и разговори. Писма. Автографи» – дополненное издание 1984 г., охватывающее период с 1976 по 1981 г. Во втором томе, вышедшем в 2013 г., включены в хронологическом порядке материалы с 1982 по 1999 г. Книги снабжены большим количеством фотографий и справоч-

¹⁰⁵ Рубашкин А. Лихачёв – друг Болгарии. СПб. «Нева». 2006, № 11. С. 246–247.

¹⁰⁶ Канева Калина. Государство духа. Там же. С. 162.

¹⁰⁷ Канева Калина. Симметрия на времето. Кн. вторая. София, 2013. С. 325.

ным аппаратом. Я долго колебалась, включать ли факсимильные автографы тезисов к его беседам и выступлениям, статьи, заметки и письма. Вопрос разрешил сам Лихачёв, когда я прочитала его текстологические рассуждения: «Интеллигентный читатель интересуется не только тем, что создано, но и как создано. Знание личности автора, его биографии, творчества, самого процесса создания того или иного произведения углубляют его понимание». Дальше ученый подчеркивает, что читателю интересно увидеть текст в оригинале, факсимильно, прикоснуться ко всем деталям его творческой истории. Тут помогают и нелитературные жанры: записки, дневники, письма, путевые заметки, «смещение традиционного с нетрадиционным, соединение письменного слова с устным – только записанным»¹⁰⁸

Надеюсь, что на страницах книги «Симметрия времени» в двух томах, хотя и в переводе на болгарском языке, как и из аудиозаписей аутентичного лихачевского слова, будущий исследователь найдет отправные точки для прослеживания творческой мысли ученого, как и подробности его жизненного пути, а также узнает фактологию по созданию эмблематичных «Писем о добром» и «Десять заповедей человечности».

Как появились «Письма о добром и прекрасном»

В связи со 100-летием академика Д.С. Лихачёва в уникальной серии РАН «Литературные памятники» были изданы письма «О добром». Ответственный редактор академик С.О. Шмидт попытался на основе биобиблиографического справочника раскрыть творческую историю этой книги в статье «Нравственные вершины ученого и писателя». Академик С.О. Шмидт недоумевал: «Трудно определить, что побудило его к сочинению в то или иное время писем именно такой тематики, и проследить взаимосвязь с сочиненным тогда же»¹⁰⁹. Раскрыв, что первые письма опубликовывались в болгарской газете «Антени», он объясняет этот факт обстоятельством, что в то время, когда Ленинградом руководил Г.В. Романов, академик Д.С. Лихачёв был в опале.

¹⁰⁸ Лихачёв Д.С. Письма о добром. М., Наука; СПб., Logos, 2006. С. 225, 230, 234, 260.

¹⁰⁹ Там же. С. 276–283.

История писем интересует исследователей, читателей, но комментарии к публикациям совершенно не точны. Например, в издании «Писем о добром» (СПб., Logos, 2005. С. 5), в предисловии сказано: «Во время поездки в Болгарию его попросили в интервью ответить на вопрос «Главное в жизни человека». Дмитрий Сергеевич ответил, что его – жизнь интересная тема, но не для интервью. Он согласен написать для газеты несколько писем. Эти письма и составили ядро будущей книги». Такого вообще не было. Так же в других источниках неправильно писали, что письма Дмитрий Сергеевич адресовал моим дочкам.

Вот коротко фактология создания «Писем молодым» – как сохранилась в моей памяти и в моем архиве. Вспоминаю, что однажды, идя по улице в Софии, Дмитрий Сергеевич поделился, что очень ему хочется написать для молодежи что-нибудь поучительное, но не знает как это сделать. «Может быть, в виде писем?» – рассуждал он. Я, как журналист, сразу ухватилась: «Напишите, напишите, мы опубликуем!» И стала ему напоминать, просить... Когда томик с собранными разговорами был готов, я попросила Дмитрия Сергеевича написать предисловие. Он ответил, что поскольку книга состоит из интервью в свободной форме, то и введение должно быть в свободной форме: «Не написать ли вам ряд писем?» Так они стали приходить на мой домашний адрес. Первые три письма (в одном конверте) имели обращение «Дорогие Калина и Илия» (Илия Пехливанов в то время был заместителем главного редактора «Антени»), в следующих обращался ко мне. Написанные в Болгарии передавал мне лично. Девять писем объяли собою книгу «Симметрия времени» как введение и эпилог¹¹⁰.

С появлением писем мы публиковали их в газете «Антени». Когда накопились, все вместе напечатали в журнале «Антени» (1980 г. № 51). Вот тогда Дмитрию Сергеевичу пришла идея продолжить писать письма, и так появилась замечательная книга «Письма о добром и прекрасном» (М., Детгиз, 1985). Она была переведена на многие языки, но первый перевод был на болгарском (1986). Книга была использована как учебник нравственно-

¹¹⁰ В издании «Симметрии времени» (София, Народна младеж, 1984) письма опубликованы на болгарском языке, а в издании 2012 г. (книга первая) – и факсимильно (с. 351–375). В переписке со мной отражена работа по созданию книг, в том числе и писем к молодежи. С. 505–548.

сти в Гимназии для изучения древних языков и культур в Софии имени Константина-Кирилла философа, а также и в других школах.

В мае 1980 г. Д.С. Лихачёв приехал в Болгарию для вручения ему Международной награды имени Кирилла и Мефодия. Он встретился с редакционным коллективом «Антени». Здесь он рассказал, что писал эти письма параллельно с «Заметками о русском». *«Когда пишешь, – отметил он, – тогда думаешь. Если не пишешь, думать очень трудно. Я думаю с пером в руке. Мысль человека находится на кончике его пера. А если она проходит еще и через типографию, набор, газету, то эта связь с читателем чрезвычайно обогащает душу человека. Она уточняет его мысли. Не зная реакции болгарских читателей на свои статьи или интервью в “Антени”, я все равно чувствую – хорошо это сделано или плохо. То, что в “Антени” печатались мои “Письма к молодежи”, играло для меня очень большую роль»¹¹¹.*

Несколько слов о «Десяти заповедей человечности»

В 1988 г. Дмитрий Сергеевич с супругой и дочкой Людмилой в последний раз были в Болгарии – целый месяц. Я их сопровождала, записывала, обсуждали вопрос о дополненном переиздании «Симметрии времени».

После путешествия по стране они остановились в Созополе на десять дней. Я пыталась как можно меньше их беспокоить своим присутствием, тем более что скрывала свое горе: пока с ними ездила, скончался мой отец. Однажды Дмитрий Сергеевич сказал: «Берите магнитофон», и выстрелил: «Почему я люблю Болгарию». Потом вручил согнутый наполовину листок, на первой страничке я прочитала:

«9 заповедей человечности
Дорогой Калине Каневой
для опубликования посмертно
2 октября 1988 г. Созополь»¹¹².

¹¹¹ *Канева Калина*. Симетрия на времето. Кн. първа, 2012. С. 156.

¹¹² Там же. Кн. втора, 2013. С. 243–250.

Я замерзла, не знала, как реагировать. Он понял мое смущение, взял листок, где заповеди, и написал в скобках «шутка». Но это не было шуткой: на следующий день в поле какой-то газеты написал десятую заповедь. Тут Дмитрий Сергеевич добавил, что ему очень хочется, чтобы и другие обсудили этот текст с целью усовершенствовать его, но ему неловко: вдруг подумают, что он выдает себя за нового пророка...

В сущности, это было его непрерывное желание вызвать у читателя активное восприятие авторской мысли – сотворчества, соавторства.

Итак, в Созополе, в уединении, под нестихающим шумом черноморских волн Дмитрий Сергеевич нашел уютное «гнездо для творчества и размышления» и оставил нам свой завет.

Десять заповедей человечности

1. Помоги слабому и страждущему. Человеку и любому живому существу.
2. Не убий и не начинай войны первым.
3. Не помысли народ свой врагом других народов.
4. Не укради и не присваивай труда и идей брата своего.
5. Ищи в науке только истину и не пользуйся ею всеу, во зло или для корысти.
6. Уважай мысли и думы брата своего.
7. Чти родителей и прародителей своих и всё доброе, сотворенное ими, изучай и сохрани.
8. Чти природу как мать свою и помощницу.
9. Пусть труд твой будет трудом творца, а не раба.
10. Пусть живет живое, пусть мыслится мыслимое, пусть свободным будет рожденный свободным.

2 октября 1988 г. Созопол

Существует сентенция, что жизнь человека состоит из встреч (тем более жизнь журналиста) и самая большая удача встретить человека, в душе которого горит свеча. Тогдаходишь как бы в храм и зажигаешь свою маленькую свечку от свечи того человека. И вот судьба привела меня в такой святой храм духовности, и я зажгла свою маленькую свечку от горящего пламени Дмитрия

Сергеевича Лихачёва. Я старалась сохранить и пронести этот свет мудрости и добра как посредник между ученым и читателем и передать его другим в звуковом и печатном виде «для увлекательного изучения»¹¹³, «и за справками, и за знаниями, и просто ради душевного отдыха»¹¹⁴, как сам он писал, имея в виду других авторов.

Надеюсь, что в Институте наследия голос Д.С. Лихачёва найдёт свое бессмертие.

¹¹³ *Лихачёв Д.С.* Письма о добром. С. 231.

¹¹⁴ Там же. С. 260.

З.Д. Матвеева,
Россия. Москва

«Жизнь, обогащенная культурой»:
музейно-педагогические идеи
в творческом наследии Д.С. Лихачёва

Аннотация: Статья посвящена музейно-педагогическим идеям в творческом наследии Д.С. Лихачёва. Рассказывается о становлении и развитии отечественной музейной педагогики. Музейная педагогика рассматривается как интегративная и качественно новая сфера образовательной деятельности и как инновационная педагогическая технология. Выводы такие: труды академика могут быть использованы для совершенствования методов обучения и углубления современного понимания исторической памяти в процессе развития образовательных систем.

Ключевые слова: музейная педагогика, педагогическое наследие, культурное образование, педагогические технологии, музей, музейно-педагогические программы, духовно-нравственный и воспитательный потенциал, Д.С. Лихачёв.

Z.D. Matveeva,
Russia. Moscow

«Life, enhanced by culture»:
Museum and pedagogical ideas
in the creative heritage of D.S. Likhachev

Abstract: The article is devoted to the museum and pedagogical ideas in the heritage of D.S. Likhachev. The author considers establishment and development of national museum education. Museum education is seen as an integrative and qualitatively new field of educational activity and as an innovative educational technology. The following conclusions are drawn: Likhachev's works of the academician can be used for improvement of methods of training and enhancement of perception of historical memory in development of educational systems.

Keywords: museum pedagogy, pedagogical heritage, cultural education, educational technology, museum, museum and pedagogical programs, moral and educational potential, D.S. Likhachev.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв – почетный член Российской академии образования. В самом этом факте уже отражено признание особого значения трудов ученого для отечественной педагогики. Но ответить на вопрос, в чем конкретно заключается вклад Д.С. Лихачёва в образование, довольно затруднительно, поскольку эта тема малоизучена. Так, в книге «Культурология Дмитрия Лихачёва» известного отечественного ученого и организатора науки, члена-корреспондента Российской академии наук Александр Сергеевича Запесоцкого анализируется многогранное научное наследие академика С.Д. Лихачёва. Особое место автор уделяет общественной деятельности академика, его незаурядной просветительской миссии, педагогическому наследию и отмечает такой «почти невероятный» факт, что «по Лихачёву» не было научных исследований в педагогической отрасли научного знания»¹¹⁵. В то время как, отмечает автор книги, практика настоятельно требует таких работ.

Там идет речь о педагогическом наследии как взглядах на проблемы воспитания и образования; результатах исследований в области гуманитарной культуры, которые могут рассматриваться как исходные позиции для дальнейших педагогических поисков; опыте педагогической деятельности. В связи с этим важно в контексте педагогической науки более детально рассмотреть само понятие «педагогического наследия» и сферу его применения.

Дмитрий Сергеевич создал «концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, а также всей системы образования как определяющей общественное развитие на современном этапе». Там же говорится о его трактовке культуры не только как суммы нравственных ориентиров, знаний и профессиональных умений, но и как своего рода «исторической памяти». А, как известно, с культурой Д.С. Лихачёв тесно связывал понятие интеллигенции, видя в лучших ее представителях идеал воспитания: «Главная цель средней школы – воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание – это, в первую очередь, прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима

¹¹⁵ Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачёва. СПб., 2012. С. 277

жизни, – развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму»¹¹⁶.

Подобные мысли о воспитании нравственности и гуманистических ценностях прослеживаются и в документах правления и президиума Советского фонда культуры, в том числе в протоколах и стенограммах заседаний, хранящихся в архиве Российского фонда культуры, опубликованных в книге «Неизвестный Лихачёв. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры»: «Формирование нового мышления в нашей стране, как и во всем мире (потому что то, что происходит в нашей стране, происходит и во всем мире), прежде всего связано гуманитарной работой. В борьбе за выживание именно гуманитарная наука играет наиболее важную роль. В XXI в. приобретает особое значение, потому что техника и наука, переданные в руки безнравственного человека, – гибель для всего человечества. Поэтому гуманитарные науки, призванные воспитывать нравственность и мораль, должны быть в центре нашего внимания. Именно в этом и состоит роль нашего Фонда»¹¹⁷.

Это процесс по увеличению роли, гуманизации культуры неминуемо должен был привести к главному – единству нравственных и духовных центров как сущности национальных культур народов, которые составляют некоторое мировое сообщество. А именно единство народных ценностей различных культур, по словам Лихачева, «дает основание верить и надеяться на будущее, то есть дает основание на то, что нравственные ценности являются всеобщими для человечества».

«Мы должны иметь все возможности для дальнейшего развития гуманистической культуры, потому что единственное, что бессмертно в нашей истории, – это искусство, это гуманистические ценности. Гуманистические и ценности не умерли со времен Античности, времен Возрождения, времен XIX века и т. д. Это бессмертные ценности, и об этом мы должны заботиться. Отсюда то огромное значение, которое имеют и будут иметь еще в большей степени в XXI в. гуманистические ценности в школе, в общественном сознании, в искусстве, гуманистических науках»¹¹⁸.

¹¹⁶ Лихачёв Д.С. Школа на Васильевском: книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. С. 5.

¹¹⁷ Неизвестный Лихачёв. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры. М., 2006. С. 144.

¹¹⁸ Лихачёв Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 400–401.

Как считал Дмитрий Сергеевич Лихачёв, в этом огромная роль музеев, коллекций частных лиц и т. д. Гуманистические ценности не только должны собираться, храниться, они должны быть активными воспитателями морали и эстетики. Здесь стоит отметить, что именно в то время (1980–1990-е гг.) в России происходило активное внедрение понятия «музейная педагогика»: формировалась новая образовательная концепция отечественного музея, менялось отношение к музейной аудитории¹¹⁹. Музейный посетитель воспринимался уже не как объект для обучения и воспитания, а как равноправный участник коммуникативного процесса в музейной среде¹²⁰.

Следует подчеркнуть, что попытки выяснить границы содержания музейной педагогики, цели и задачи, определить приоритетные направления ее развития предпринимались широким кругом специалистов в области педагогики и музееведения. Настоящий всплеск интереса к этим проблемам зафиксирован на международном музейно-педагогическом семинаре «Здравствуй, музей!»¹²¹, проходившем в 1995 г. в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге (Художественный образ и его пластическое воплощение. Музейно-игровая методика (музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!»)¹²². Разнообразие позиций и взглядов на музейную педагогику продемонстрировало необходимость ее теоретического осмысления. Последнее десятилетие XX в. стало временем научного анализа различных аспектов взаимодействия музея с посетителем, в т. ч. и появления специальных исследований Е.Б. Медведевой, М.Ю. Юхневич, Б.А. Столярова, Г.В. Вишиной, Т.В. Шумуновой, И.В. Мишиной, А.Г. Бойко в области музейной

¹¹⁹ Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Музейно-педагогическая мысль в России: исторические очерки. СПб., 2006.

¹²⁰ Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8. Составитель И.М. Коссова. АПРИКТ. М., 2010.

¹²¹ Экспериментальная музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!» // Государственный Русский музей, Акад. образования РФ, Сев.-Зап. отд. СПб., 1994.

¹²² Столяров Б.А., Бойко А.Г. Концепция и программа эстетического воспитания молодёжи в условиях взаимодействия школы и музея. СПб.: Образование-культура, 2001. С. 9.

педагогике¹²³. В рассматриваемый период музейно-педагогические идеи и технологии активно разрабатываются целыми авторскими коллективами. Чрезвычайно плодотворной в этом плане явилась деятельность Российского центра музейной педагогики и детского творчества (Государственный Русский музей, Санкт-Петербург), возглавляемого Б.А. Столяровым.

Собственный ракурс видения музейной педагогики и ее роли в культурно-образовательной деятельности музея продемонстрировала организованная по инициативе И.М. Коссовой лаборатория музейной педагогики, имеющая путешествующий характер, регулярно проводящая научно-практические конференции и семинары, результатом которых являются сборники научных трудов и внедрение новых музейно-педагогических технологий в практическую деятельность региональных музеев. Значительный вклад в развитие музейно-педагогической мысли и деятельности внесла М.Ю. Юхневич, директор Детского открытого музея (ДОМ), автор большого количества публикаций и учебного пособия по музейной педагогике¹²⁴. Одной из первых ею было проанализировано содержание понятия «музейная педагогика», разработаны методические подходы к созданию музейно-педагогических программ, исследована специфика детских музеев и т. д.

Также с начала 1990-х гг. в России явно обозначилась тенденция создания детских музеев и выставок¹²⁵. Они стали возникать в ответ на кризис консервативной образовательной системы как центры, где есть реальная возможность осуществлять педагогику развития путем погружения детей в предметный мир культуры (педагогикой культуры)¹²⁶.

О «присутствии культуры», ее важности в жизни, о ее воздействии говорил и Д.С. Лихачёв (по материалам из архива Российского фонда культуры). О том, что присутствие культуры

¹²³ Столяров Б.А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности. Учеб. пособие для студентов гуманитарно-художествен. ф-тов. СПб., 1999. С. 102.

¹²⁴ Ребенок в музее: новые векторы детского музейного движения // Отв. ред. М.Ю. Юхневич. М.: Академический проект. РИК, 2006. С. 56–70.

¹²⁵ Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. М., 2001.

¹²⁶ Предметный мир культуры: музейно-экскурсионная программа для начальной школы. // Авт.-сост.: Н.Г. Макарова, Е.Б. Медведева, С.Б. Минина, М.Ю. Юхневич. Мос. ин-т развития образоват. систем. М., 1994.

должно быть всюду – в нашем поведении, в нашем зале, в нашем отношении к истории и в нашем отношении к искусству: «Без присутствия культуры мы никуда не двинемся... Культура облагораживает. Культура – это не нечто пассивное, которое нужно только хранить. Культура действует»... «Я вас уверяю, что, если вы понимаете хоть немножко искусство и если вы войдете в Русский музей, допустим, в отдел икон, вы выйдете из этого отдела икон иным человеком, чем туда пришли, потому что энергией обладает каждая картина, каждая скульптура. И эта энергия, кстати сказать, может быть исследована не только парапсихологией. Когда вы встречаетесь, скажем, с древнерусской живописью, вы даже чувствуете, на каком расстоянии вы должны находиться от этой вещи. Это просто ощущается, потому что каждая из икон рассчитана на определенное расстояние в отношении смотрящего на нее».

Отсюда (из предметной культуры) в 1986 г. появилась идея создания подобной летней школы, которая была озвучена Д.С. Лихачёвым в «замечаниях к научной концепции Подмоховного Пушкинского музея-заповедника»: «Мы пытаемся создать в Захарове и Вяземах заповедную зону и еще – пушкинскую летнюю школу (отдых по путевкам, по вечерам читают Пушкина, конкурсы чтецов, постановки, уезжают домой с дипломами). Хороший отдых и в то же время – интеллектуальное занятие: изучение Пушкина».

По словам Д.С. Лихачёва, Москве крайне необходимы пушкинские места, восстановление этих мест, тем более что пушкинское Захарово связано с детством поэта и могло бы быть центром изучения Пушкина школьниками¹²⁷. И тем не менее именно с А.С. Пушкина начинается у каждого говорящего по-русски знакомство с поэзией и её понимание. На пушкинском творчестве мы учились в детстве и продолжаем учиться взрослыми любви к слову и любви к жизни. «С Пушкиным мы переживаем грусть и веселье, творческие восторги и любовь. Его стихи утешают и радуют нас, а проза делает нас экономнее в слове и тверже в убеждениях». Поэтому, как считал Дмитрий Сергеевич, так важен и отдых с Пушкиным, рядом с ним, в Михайловском или Гурзуфе. Одно соседство с Пушкиным уже делает более легкой нашу

¹²⁷ Неизвестный Лихачёв. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры. М., 2006. С. 251–260.

жизнь, вот почему мы должны заботиться о том, чтобы Пушкин как можно раньше «вошел в жизнь наших детей»¹²⁸.

Захарово под Москвой как бы создано для такого рода воспитания Пушкиным – и тем, что оно связано с детством поэта, и тем, что оно близко от Москвы». Захарово – это не только пушкинский парк и пруд, но и вся окружающая природа, «мирные картины» которой отражены в стихотворениях Пушкина. Главная проблема здесь – даже не восстановление, а использование памятника. При планировании в Захарове государственного музея с самого начала учитывалось его воспитательное значение, искались новые формы работы с молодежью и привлечения сюда школьников. Планировалось не только проводить традиционный ежегодный праздник в день рождения Пушкина, но и организовать при будущем музее в Захарове Пушкинскую летнюю школу – детский лагерь с двухнедельными сменами. Пребывание в этом лагере было бы связано с чтением Пушкина, его изучением, просмотром фильмов о пушкинских местах и пушкинских рукописях. Каждая смена в Пушкинском лагере должна была заканчиваться своим небольшим праздником, конкурсом юных чтецов Пушкина, показом постановок по его произведениям, которые так любят делать дети.

Прекрасные воспитательные результаты, по замыслу Лихачева, должно давать сочетание отдыха в пушкинских местах с работой на благо этих мест. Говорят, что каждый человек должен в своей жизни посадить хотя бы одно дерево. Поблизости от Захарова можно выделить участки, где школьники будут высаживать деревья, чтобы потом приезжать сюда и заботиться о них. Тот, кто вырастит здесь свое дерево, будет бережно относиться и к другим насаждениям в парках. «Именные» деревья с указанием фамилии школьника и года посадки постепенно образуют «зеленый пояс» в окрестностях захаровской усадьбы.

«Пушкин – это символ нашей культуры, а культурное наследие очень важно для подрастающего поколения, поэтому трудно переоценить значение музея-заповедника, посвященного детству Пушкина и направленного на воспитание школьников и молодежи»¹²⁹. Создание такого культурного центра под Москвой достойно быть одной из первых акций Советского фонда культу-

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Неизвестный Лихачёв. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры. М., 2006. С. 260.

ры, который в своем проекте «Пушкин и мы» планировал взять подмосковные пушкинские места Захарово и Вяземы под свое шефство.

Именно заслугой Д.С. Лихачёва стало и выделение специфической роли социально-культурной среды в становлении личности.

«Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них... оставленную в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране»¹³⁰.

Новое направление в развитии отечественного музейного дела не могло не стать предметом обсуждения и проектной деятельности на одной из сессий Летней музейно-педагогической школы на острове Кижи. Основная цель сессии заключалась в том, чтобы способствовать созданию музеев (выставок, проектов), адресованных детям и семейным посетителям, на основе освоения новых технологий музейного образования.

Республиканский детский музейный центр (РДМЦ) Карелии в Петрозаводске (1993) поставил перед собой цель «образования культурой» на основе приобщения детей и подростков к их историческим корням, к живому опыту народной культуры через погружение в определенную историко-культурную среду и ее актуализацию, а также путем создания условий для культуротворческой деятельности по освоению детьми наследия и превращения его в личное достояние¹³¹.

Таким образом, можно говорить о том, что история культуры, становясь активной составляющей единого образования, обязательного и дополнительного, способствует формированию личности и моделирует ее этические и эстетические приоритеты.

Как отмечал Д.С. Лихачёв, особо следует остановиться на вопросе активизации краеведческой деятельности¹³². Краеведче-

¹³⁰ Лихачёв Д.С. Экология культуры. // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 332–333

¹³¹ Летняя музейно-педагогическая школа на острове Кижи (1999–2000 гг.) // Сост. Л.В. Шилова. Петрозаводск, 2000. С. 5.

¹³² Фонд культуры в 1991–1993. // Неизвестный Лихачев. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры. М., 2006. С. 205.

ская наука не столь специфична, что ею могут заниматься только узкие специалисты. В краеведении может участвовать каждый человек. Эта наука – одна из самых объемных и самых близких человеку. Ею могут заниматься и школьники с научными результатами, и местные краеведы, и профессора. Нужно сказать о том, что в конце 1920-х гг. краеведение подпало под общественную немилость, краеведение стали считать дилетантской наукой, стало происходить невнимание к своей Родине. А между тем краеведение открывает ценность той или иной местности.

«Краеведение – чрезвычайно важная наука, чрезвычайно важное направление в культурной деятельности, это экономика края, это формирование хозяйственного мышления, доброго отношения к своему району, к своему краю, к своей Родине, любви к земле, которая была утрачена с машинным производством сельского хозяйства. Эту любовь к земле нужно как можно быстрее возродить. И нужно сказать, что в настоящее время возникло мощное движение общественности за подъем отечественного краеведения»¹³³.

Изучение педагогического наследия Д.С. Лихачёва может иметь существенное значение как для решения педагогических проблем среднего и высшего образования, так и для постановки новой исследовательской проблематики. К примеру, вечными проблемами педагогики школы являются отбор содержания образования и выбор методов обучения. Труды академика могут быть использованы и для совершенствования методов обучения, например, методики диалога. Важная исследовательская задача, опираясь на работы Д.С. Лихачёва, углубить современное понимание роли фактора исторической памяти в процессе развития образовательных систем.

Литературы

1. Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8. // Составитель И.М. Коссова. АПРИКТ. М.: Издательство ИКАР, 2010. – 146. с.
2. Ванслова Е.Г. Эстетическое воспитание подрастающего поколения в музеях различных профилей (материалы к программе) / Е.Г. Ван-

¹³³ Неизвестный Лихачёв. С. 67.

- слова, М.Ю. Юхневич, Т.В. Чумалова // Музееведение. Воспитание подрастающего поколения в музее: теория, методика, практика. М., 1989. С. 10–29.
3. *Запесоцкий А.* Культура как смысл жизни // Звезда. СПб., 2006. № 11. С. 69–78.
 4. *Запесоцкий А.С.* Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: СПбГУП, 2012. – 528 с.
 5. Культурно-образовательная деятельность музеев: Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела /Институт переподготовки работников искусства, культуры и туризма РФ. Сост. к.и.н. И.М. Коссова. М.: Брандес, 1997. – 120 с.
 6. Летняя музейно-педагогическая школа на острове Кизи (1999–2000 гг.) // Сост. Л.В Шилова. Петрозаводск, 2000. [166] с.
 7. *Лихачёв Д.С.* Письма о добром и прекрасном. М., 1985. – 207 с.
 8. *Лихачёв Д.С.* Русская культура. М.: Искусство, 2000. – 438 с.
 9. *Лихачёв Д.С.* Школа на Васильевском. М.: Просвещение, 1990. С. 5.
 10. *Лихачёв Д.С.* Экология культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 332–333.
 11. Музей и школа: пособие для учителя // Авт.-сост.: Е.Г. Ванслова, А.К. Ломунова, Э.А. Павлюченко. М., 1985.
 12. Неизвестный Лихачёв. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры. // Под ред. Л.М. Аринштейна. М.: Российский фонд культуры, 2006.
 13. Предметный мир культуры: музейно-экскурсион. программа для начальной шк. // Авт.-сост.: Н.Г. Макарова, Е.Б. Медведева, С.Б. Минина, М.Ю. Юхневич, Мос. ин-т развития образоват. систем. М., 1994.
 14. Ребенок в музее: новые векторы детского музейного движения // Отв. ред. М.Ю. Юхневич. М.: Академический проект. РИК, 2006. – 176 с. [«Gaudeamus»]
 15. *Столяров Б.А., Бойко А.Г.* Концепция и программа эстетического воспитания молодёжи в условиях взаимодействия школы и музея. СПб.: Образование-культура, 2001. С. 9.
 16. *Столяров Б.А.* Педагогика художественного музея: от истоков до современности. Учеб. пособие для студентов гуманитарно-художествен. ф-тов. СПб., 1999.
 17. *Столяров Б.А.* Теория и практика образовательной деятельности художественного музея: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1999.
 18. *Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н.* Музейно-педагогическая мысль в России: Исторические очерки. СПб: СПбГУКИ, 2006. – 272 с.

19. *Шляхтина Л.М.* Музейная педагогика: учеб. пособие для студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» // Л.М. Шляхтина, Е.Н. Мастеница, Е.Е. Герасименко. СПб., 2000. – 67 с.
20. *Шляхтина Л.М.* У истоков музейной педагогики: О.Ф. Вальдгауер // Образовательная деятельность художественного музея: тр. / Рос. науч.-практ. центр по проблемам музейной педагогики и детского творчества. СПб., 2002. Вып. VII. С. 185–196.
21. Экспериментальная музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!» // Государственный Русский музей, Акад. образования РФ, Сев.-Зап. отделение. СПб., 1994.
22. Эстетическое воспитание и экология культуры. М., 1988.
23. Эстетическое развитие ребенка в музейной среде и современные образовательные технологии. СПб., 2000.
24. *Юхневич М.Ю.* Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. М., 2001.

А.С. Миронов,
Москва. Россия

Экология культуры
и приоритеты гуманитарных ценностей
как основания культурной политики

Аннотация: Автор статьи рассматривает наследие академика Д.С. Лихачёва как важнейшее основание современной государственной культурной политики. В статье рассматривается теория «экологии культуры», созданная Дмитрием Лихачёвым, которая является во многом ответом на современные вызовы отечественной культуре. Автор вслед за Д.С. Лихачёвым выступает против искажения классических произведений литературы и искусства.

Ключевые слова: культурная политика, экология культуры, традиционные ценности, культура, литература, культурное наследие, Д.С. Лихачёв.

A.S. Mironov,
Moscow. Russia

Ecology of culture
and the priorities of humanitarian values
as the foundation of cultural policy

Abstract: The author considers the heritage of academician D.S. Likhachev as the most important basis of modern state cultural policy. The article discusses the theory of “cultural ecology”, created by Dmitry Likhachov, which is largely a response to modern challenges of national culture. The author after D.S. Likhachev opposes the distortion of classic works of literature and art.

Key words: cultural politics, ecology, culture, traditional values, culture, literature, cultural heritage, D.S. Likhachev.

В этом году исполняется 110 лет со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва – глубокого ученого и общественного деятеля мирового масштаба, соловецкого узника, подвижника гуманитарных ценностей культуры. Наш институт, носящий

его имя, не мог не откликнуться на эту значимую дату, поэтому мы проводим Международную юбилейную научную конференцию «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», чтобы ещё раз вспомнить и проанализировать наследие великого русского учёного.

В 2014 г. президент России В.В. Путин поставил перед Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Институтом наследия) задачу – заинтересовать новые поколения россиян методиками, пропагандирующими духовно-нравственные ценности и патриотизм. Чтобы решить эту задачу, необходимо обратиться к наследию академика Д.С. Лихачёва и в этом огромном наследии выделить и подчеркнуть прежде всего то актуальное, что приближает к решению этой задачи. И сосредоточиться на этом знании, чтобы современное поколение нашей страны могло его освоить и использовать для актуализации ценностного содержания материального и нематериального, движимого и недвижимого наследия России.

Очень важно, что сегодня мы расширяем наше представление о наследии самого академика Д.С. Лихачёва благодаря замечательному человеку, подвижнику культуры – нашей болгарской коллеге Калине Каневой, которая сегодня передала Институту наследия ранее не издававшиеся записи и аудиоматериалы своих разговоров с Дмитрием Сергеевичем. И я знаю, что там есть удивительно важные и актуальные сегодня слова о традиционных ценностях, экологии культуры и сохранении наследия. Наша задача – помочь министерству культуры России, региональным ведомствам культуры сделать так, чтобы эти идеи академика Д.С. Лихачёва сделались принципом новой, ценностно ориентированной государственной культурной политики, задачей которой только и может быть экология культуры.

«Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной», – писал академик Д.С. Лихачёв.

Настал момент, когда идеи Дмитрия Сергеевича об экологии культуры, о сохранении подлинных гуманитарных ценностей цивилизации положены в основу культурной политики государства. Ценностный подход к государственной культурной политике предложен Институтом наследия на основе идей академика Д.С. Лихачева. К сожалению, мы слышаны и о попытках объявить приоритет ценностного содержания культуры чем-то антиконституционным, своего рода политической идеологией. Между тем с научной точки зрения у идеи академика Д.С. Лихачёва о приоритете и решительной защите традиционных ценностей культуры нет ничего общего с политической идеологией.

Политическая идеология в России запрещена Конституцией РФ, а главенство традиционных гуманитарных ценностей является естественным законом развития цивилизации и базовым принципом экологии культуры, о которой учил Дмитрий Сергеевич. Академик Лихачёв подчеркивал, что «без усвоения лучших традиций не может быть движения вперед; нужно только, чтобы не было пропущено, забыто, упрощено в этих традициях все наиболее ценное». Объявлять политической идеологией приоритет традиционных гуманитарных ценностей в культуре – столь же абсурдно, как, например, объявлять политической идеологией ценности экологии природы, здорового образа жизни. Защищать ценности культуры и прививать их новому поколению – естественный закон и условие самосохранения цивилизации. Нарушать этот закон выгодно лишь тем, кто может быть заинтересован в распаде единого социокультурного пространства российской цивилизации, которое скрепляется этими ценностями.

«Мы ничего не должны растерять из нашего великого наследия», – подчеркивал академик Д.С. Лихачёв. Здесь присутствует Калина Канева, которая рассказывала мне, что он был удивительно добрым и мягким, глубоко интеллигентным человеком, но умел быть бескомпромиссным, когда речь заходила об экологии культуры, о защите культуры от загрязнения ложными, низменными смыслами, о подмене ценностей русской классики и народной культуры профанными вымышленными знаками, разного рода симулякрами.

И когда произведения русской классики извращаются в театральных, кинематографических и литературных экспериментах некоторых модных постановщиков, причем такие проекты почти двадцать лет получали денежную поддержку государства, – это

прямая угроза экологии культуры. Не случайно Дмитрий Сергеевич протестовал против самоуправства тех, кто толкует замыслы классиков на свой лад и использует классические «бренды» для продвижения собственных сочинений.

«Точность истолкования произведения – это один из элементов сохранения его текста, сохранения литературного памятника как такового, охрана нашего литературного наследия, – писал академик Д.С. Лихачёв – История текста произведения, восстановленная по черновикам, беловым рукописям и прижизненным печатным изданиям, позволяет конкретно установить направление творческих поисков писателя, хронологию этих поисков, а вместе с тем точно судить о замысле автора, изменениях этого замысла, о идеях, вложенных автором в свое произведение, и о многом другом, не прибегая к домыслам, гипотезам, предположениям, а иногда и просто гаданиям».

Академик Д.С. Лихачёв был убежден: тот, кто субъективно истолковывает Пушкина, Гоголя или Некрасова, дискредитирует их, потому что тем самым предполагает «шаткость и неопределенность замысла классика, его творческую слабость».

Авторская интерпретация классики абсолютна естественна и попросту необходима при переводе произведения с художественного языка литературы на новый язык – например, театра или кино. У современного театра и кино собственные уникальные художественные возможности, которыми не могли располагать Пушкин или Гоголь. Это дает интерпретатору восхитительную свободу сотворчества, позволяет глубже и ярче раскрыть замысел классика – при условии, что интерпретатор не ленится читать дневниковые записи, черновики, письма того же Пушкина или Гоголя, чтобы вникнуть в подлинные смыслы. В этом случае происходит то, что Михаил Бахтин называл восприятием ценностно-центра автора.

Но нередко современному интерпретатору попросту лень совершать это путешествие в мир ценностей классического автора, ведь он считает себя не ниже Чехова, с Пушкиным на дружеской ноге, с Гоголем за панибрата. Зачастую интерпретатор убежден, что лучше самих авторов понимает смыслы их произведений. Здесь происходит постмодернистский отрыв новодельного креативного конструкта от изначального ценностного содержания классического произведения. Пользуясь брендом Гоголя, современный постановщик создает собственное произведение, где

непрерывно меняются местами сакральное и профанное, высокое и низкое, ценности и симулякры. Именно это составляет суть художественного метода тех, кто на театральных сценах торгует расчлененной классикой.

Современное провокативное искусство направлено не только против российской власти, но народного творчества и отечественной классики. Особенно представителям этого течения не дает покоя великий русский поэт А.С. Пушкин. Созданы десятки глумливых работ: отбитая голова бронзового Пушкина, обсиженная обезьянами. Пушкин в виде шимпанзе. Пушкин и одноглазые совы... Почему Пушкин? У академика Д.С. Лихачёва есть ответ и на этот вопрос. «Творчество Пушкина, объединяющее многие народы России, могло бы стать и в будущем основой для нравственного объединения при правдивости его интерпретации», – писал Дмитрий Сергеевич. Ценности, образы Пушкина, выработанный им дивный литературный язык, – это те самые духовные скрепы нашего общества. Поэтому именно Пушкин и его великое литературное наследие подвергается шельмованию, чтобы у современного общества, особенно у молодёжи, вызвать отторжение от глубинных основ отечественной культуры.

Академик Д.С. Лихачёв писал о необходимости «экологии культуры», т. е. отстаивал идею о том, что классику нужно охранять подобно тому, как охраняют природу. Академик подчеркивал, что точность истолкования произведения – это один из элементов охраны нашего литературного наследия. Общество имеет право на классику, а не только на эксперименты современного искусства. Ученые призваны предложить критерии, позволяющие провести грань между фальсификацией классики и естественной интерпретацией, обогащающей изначальные авторские смыслы. Это не значит, что нужно запретить всё, что не соответствует классической ценностной канве. Просто имеет смысл перестать путать Пушкина, Гоголя и других классиков с современными авторскими текстами и изобретениями в сфере культуры и искусства.

Лихачевский принцип экологии культуры, будучи положен в основу государственной стратегии, не только поможет защитить образы и смыслы классического искусства от девальвации. Делая ставку на поддержку культурных проектов, ориентированных на традиционные ценности, государство сможет вернуть себе социальную функцию в сфере культуры, вернуть роль воспитателя и, как говорил Д.С. Лихачёв, «врачевателя душ».

«Снова и снова приходится повторять: искусство социально», «искусство – великий целитель, врачеватель человеческих душ и надо, чтобы ни одна крупинка того ценного, что заложено в нашем прошлом или в нашем народном искусстве, не пропало даром. Моральные болезни человечества лечатся искусством прежде всего».

Сегодня противники ценностного подхода к культурной политике государства пытаются доказать, что такой подход не позволяет смотреть в будущее, приковывает внимание к прошлому. Это, конечно, лукавство. Дмитрий Сергеевич дал резкий ответ на подобные обвинения еще двадцать лет назад: «Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего и нашими боевыми соратниками».

Традиционные ценности нашей культуры можно и нужно продвигать при помощи самых современных форм искусства, включая актуальное искусство и продукцию творческих индустрий. Приоритет ценностного содержания не исключает, а напротив – предполагает то, что эти ценности будут восприняты новыми языками культуры, будут вдохновлять современных художников. И самое главное то, что абсолютно необходимым условием ценностно ориентированной культурной политики является свобода творчества. Художник свободно и критически воспринимает ценности, хранимые в культурном наследии, выбирает и использует то, что может быть источником вдохновения.

В «Основах государственной культурной политики» прописана ключевая цель этой политики – «трансляция традиционных ценностей новым поколениям россиян». Стратегия государственной культурной политики ставит перед государством задачу выработки и реализации «новой ценностной модели культурной политики». Таким образом, появилась реальная надежда, что сбудется то, к чему академик Д.С. Лихачёв призывал в конце прошлого века. Речь идет о том, что может, наконец, произойти долгожданный и поистине коперниканский переворот в государственной культурной политике.

Дело в том, что много лет в культурной политике России господствовали количественные целевые индикаторы. Государство не интересовалось качеством культурного «продукта», производимого на государственные деньги. Не интересовалось тем, насколько этот «продукт» способствует сохранению и актуализации традиционных гуманитарных ценностей. По сути, государ-

ство отказало культуре в функции воспитания. Осталась только функция «предоставления равного доступа» к «культурным услугам». Если бы Дмитрий Сергеевич был жив, то, конечно, он бы не мог смириться с таким чудовищным положением. Он был убеждён и писал, что главная задача культуры – воспитание.

Положить в основание государственной культурной политики предстоит не производства так называемых «культурных благ», но приоритет воспитания личности и объединения общества на традиционных культурных ценностях. Это возможно только через продвижение (в том числе средствами современного искусства) объединяющих и идентифицирующих ценностей нашей русской, российской цивилизации. Как подчеркивал Д.С. Лихачёв, русская культура объединяет культуры различных народов именно «на основе нравственных сил». В этом объединении он видел миссию русской культуры.

Однако существующая система господдержки культурных проектов вовсе не нацелена на реализацию этой миссии. Чиновники федерального и региональных ведомств культуры попросту не имеют правовых оснований отдавать предпочтение тем проектам, которые нацелены на продвижение нравственных ценностей. И сегодня чиновники отчитываются о количестве проектов, получивших поддержку, а вовсе не о том, какие нравственные силы эти проекты, в том числе спектакли и фильмы, воспитывают и пробуждают. Чиновники должны отчитываться не по количественным показателям, а по качественным, но это возможно только в том случае, если будет обеспечен анализ ценностного содержания культурных проектов, финансируемых государством.

С другой стороны, опасны деятели, шумящие декларациями о «поддержке семейных ценностей, патриотизма и гражданской идентичности». Эти задачи не будут выполнены, если не будут предложены конкретные механизмы выявления и продвижения ценностного содержания культурных проектов. Чиновники, регулирующие государственную поддержку театров, музеев, кино и т. д. должны в тексте этой стратегии найти четкие инструкции, что деньги нужно выделять прежде всего тем проектам, которые продвигают традиционные гуманитарные ценности нашей цивилизации. И не поддерживать в приоритетном порядке проекты, которые эти ценности девальвируют. Если этого не будет, новая модель государственной культурной политики не будет работать.

Понятно, что сложившаяся с начала ХХI в. система государственной поддержки культуры, обросшая в известной мере полипами личных, клановых связей и интересов, не заинтересована в применении инновационного ценностного подхода, теоретические основания которого были разработаны академиком Д.С. Лихачёвым в конце прошлого века. Для преодоления естественного сопротивления чиновников, ряда застарелых творческих элит в обеих столицах необходима политическая воля и трезвый анализ текущего состояния государственной культурной политики – прежде всего с точки зрения того, какие ценности сегодня транслируются при поддержке российской молодежи.

Т.А. Пархоменко,
Москва. Россия

«Раздумья о России» Д.С. Лихачёва

Аннотация: Автор статьи анализирует представления академика Д.С. Лихачёва о развитии русской культуры на протяжении всей российской истории. Автор подчёркивает мысль Д.С. Лихачёва о том, что христианизация для России означала европеизацию, включение ее в семью народов европейской культуры. В статье рассматривается идея Д.С. Лихачёва о единстве и взаимосвязи истории и культуры.

Ключевые слова: культура, история, свобода, творчество, христианство, культурное наследие.

T.A. Parkhomenko,
Moscow. Russia

«Reflections of Russia» by D.S. Likhachev

Abstract: The author analyzes the ideas of academician D.S. Likhachev on the development of Russian culture throughout Russian history. The author emphasizes the idea of D.S. Likhachev that the Christianization of Russia meant Europeanization, its inclusion in the family of nations of European culture. The article discusses the idea of D.S. Likhachev about unity and relationship of history and culture.

Key words: culture, history, freedom, creativity, Christianity, cultural heritage.

Творческое наследие академика Д.С. Лихачёва (1906–1999) велико и многогранно. Оно имеет исключительную ценность для развития гуманитарных исследований, «наук о человеке», теории и истории культуры. Одной из последних работ Дмитрия Сергеевича была книга «Раздумья о России» (СПб., Logos, 1999), включающая серию статей, которые посвящены отечественной культуре, «русскому историческому опыту и европейской культуре», «мифам о России старым и новым», «крещению Руси и государству Русь», русской интеллигенции и ее роли в отстаивании «духовной самостоятельности» научного знания.

По прошествии полутора десятилетий с момента публикации книги значение включенных в нее работ не только не утратило важности и научной новизны, но приобрело еще большую актуальность как в плане определения места России в мире, так и в отношении перспективности подходов и методов исследования ее прошлого и настоящего. «Чтобы самим владеть путями нашей культуры, надо прежде всего изучить особенности истории и культуры России, – писал Д. С. Лихачёв. – Осмыслить русскую историю, выявить существенные черты России чрезвычайно важно для современности, ибо многое из того, что произошло и происходит в наши дни, в известной мере определяется и будет еще определяться тем, что представляет собой Россия»¹³⁴.

Для Д.С. Лихачёва это была ключевая проблема, от решения которой зависели ответы на все прочие вопросы отечественной истории и культуры. Отмечая удивительное культурное разнообразие России, обусловленное ее пограничным и промежуточным положением между Европой и Азией, Западом и Востоком, Севером и Югом, он тем не менее приходил к твердому выводу о том, что «мы страна европейской культуры. К этому приучило нас христианство», которое задало основные параметры историко-культурного развития Руси¹³⁵. Христианизация для России означала европеизацию, включение ее в семью народов европейской культуры. «Считая культуру соединением лучшего, что есть в народе», полагая, что «нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизацию», Д.С. Лихачёв давал развернутое определение европейской культуры: «Прежде всего европейская культура – *личностная культура* (в этом ее *универсализм*), затем она *восприимчива* к другим личностям и культурам и, наконец, это культура, основанная на *свободе* творческого самовыражения личности. Эти три особенности европейской культуры опираются на христианство, а там, где христианство в той или иной форме утрачено, европейская культура все равно имеет христианские корни»¹³⁶.

¹³⁴ Лихачёв Д.С. Статьи о культуре России // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. С. 27.

¹³⁵ Лихачёв Д.С. Там же. С. 15

¹³⁶ Лихачёв Д.С. Мифы о России старые и новые // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 55–56; *Его же*. Русский исторический опыт и европейская культура // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 29.

Таким образом, придерживаясь доктрины «русского европеизма», считая, что «Россия никогда не была Востоком», и полагая, что законы истории одинаковы для всех стран Европы, Д.С. Лихачёв видел эволюцию русской культуры в одном русле с западно-европейской цивилизацией¹³⁷. При этом он не останавливался на одном общем определении европейской культуры, а шел дальше и разбирал каждую ее черту по отдельности. Первая из них – личностный характер европейской культуры, который «определяет ее особое отношение ко всему, находящемуся за пределами данной культуры. Это не только терпимость, но в известной мере и тяготение к другому», поэтому «европейская культура – это культура универсализма, при этом универсализма личностного характера»¹³⁸. Он был задан христианством, единственной из религий, в которой Бог – Личность, Творец, поэтому для представителя европейской культуры «индивидуализация в высшем своем проявлении не есть отход от человеческой культуры, а есть высшая форма проявления культуры человечества»¹³⁹. В том числе русской культуры, где, как отмечал Д.С. Лихачёв, всегда была «очень велика доля... собственного авторского отношения к предмету или объекту творчества»¹⁴⁰. И защита христианства была для России всегда «защитой европейских принципов культуры: личностной, персонифицированной, интеллектуально свободной. Поэтому-то русская интеллигенция с таким восторгом воспринимала освобождение христианских народов на Балканах», означавшее торжество европейской культуры¹⁴¹.

Вторая особенность европейской культуры, о которой говорил Лихачёв, – это восприимчивость к другим культурам, «то, что Достоевский приписывал в своей знаменитой речи на пушкинских торжествах только русскому человеку – “всечеловечность”»,

¹³⁷ Лихачёв Д.С. Россия никогда не была Востоком // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 35–50.

¹³⁸ Лихачёв Д.С. Русский исторический опыт и европейская культура // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 30.

¹³⁹ Лихачёв Д.С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 31, 437.

¹⁴⁰ Лихачёв Д.С. Статьи о культуре России // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 22.

¹⁴¹ Лихачёв Д.С. О русской интеллигенции // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 623.

восприимчивость к чужим культурам, – на самом деле является общей основой всей европейской культуры в целом. Европейец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все “камни”, все могилы. Все они “родные”. Он воспринимает все ценное не только умом, но и сердцем»¹⁴². Отличительная особенность европейской культуры и состоит именно в том, что «она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению и сохранению и отчасти усвоению», поэтому характерной чертой русской культуры является ее вселенскость, универсализм, то, что она «принадлежит десяткам народов Запада и Востока»¹⁴³. Заложено это было опять-таки христианством, которое способствовало возникновению сознания единства всего человечества, его общей истории и культуры. Д.С. Лихачёв отмечал, в частности, что «настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседей», что «познание чужой культуры или культуры прошлого имеет своим глубоким результатом не внешние заимствования (хотя отдельные частные заимствования и могут оказаться полезными), а общий подъем уровня собственной культуры, развитие ее познавательных способностей, “познавательной гибкости”, увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора»¹⁴⁴.

Наконец, третья черта европейской культуры – свобода творческого самовыражения личности – также ярко проявляется в русской культуре, которая «благодаря совмещению в ней различных наследий полна внутренней свободы. К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит не только в свободе выбора учителей и учебного материала, не только в свободе творить, но и в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, отправлять в безвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов – интеллигенцию в целом. <...> И не случайно столько внимания уделяется проблеме внутренней свободы в русской философии: в философии

¹⁴² Лихачёв Д.С. Русский исторический опыт и европейская культура // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 30.

¹⁴³ Лихачёв Д.С. Мифы о России старые и новые // Лихачёв Д.С. Раздумья о России С. 56, 57.

¹⁴⁴ Лихачёв Д.С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 435, 468.

Бердяева, Франка, Карсавина, а до них – у Достоевского»¹⁴⁵. Много писал по этому вопросу и академик Д.С. Лихачёв, обращавший особое внимание на то, что в России свобода творческого самовыражения личности определяла идеологическое своеобразие культуры, главенствующей чертой которого было правдоискательство. Оно «постоянно отделяло русскую мысль от русской государственной деятельности либо даже, ненадолго правда, подчиняло последнюю себе», и «по отношению к государству в России была не только оппозиция интеллектуальная, политическая, но и “оппозиция души”», однако в периоды ослабления государства, в периоды смут культура, и прежде всего литература, сама становилась своеобразным «вторым государством»¹⁴⁶. Объяснялось это тем, что, поскольку явления культуры самостоятельны, свободны, они, «как свободные, легко воспринимают и творчески перерабатывают чужое – стороннее или просто старое, возвращаются к этому старому или забегают немного вперед, опережая не только свое время в своей стране, но и чужое в других странах, как это было с “серебряным веком” в русской литературе или с авангардом в живописи»¹⁴⁷.

Вместе с тем, как подчеркивал Д.С. Лихачёв, «все три принципа европейской культуры – ее личностный характер, ее универсализм и ее свобода – немыслимы друг без друга. Стоит отнять один, как разрушаются два оставшихся. Стоит отнять универсализм и признавать только свою культуру, как гибнет свобода. И наоборот. Это доказали национал-социализм и сталинизм»¹⁴⁸. При этом «три основания европейской культуры очевидным образом связаны с ее миссией: сохранить в своих недрах, в своей науке и понимании все культуры человечества – как ныне существующие, так и ранее существовавшие», миссия, которая, по мнению Д.С. Лихачёва, «подвергается целенаправленным атакам зла и может обернуться “антимиссией”. <...> В европейской культуре зло проявляет себя прежде всего в форме борьбы с личностным началом в культуре, с терпимостью, со свободой творчества,

¹⁴⁵ Лихачёв Д.С. Статьи о культуре России // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 27.

¹⁴⁶ Там же. С. 18, 19, 20.

¹⁴⁷ Там же. С. 18.

¹⁴⁸ Лихачёв Д.С. Русский исторический опыт и европейская культура // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 30.

выражает себя в антихристианстве, в отрицании всего того, в чем состоят основные ценности европейской культуры»¹⁴⁹. И в русской культуре, как полагал академик, «атакам зла подвергались... все ее европейские, христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода. Зло действовало особенно интенсивно в эпоху Грозного (она не была характерной для русской истории), в царствование Петра, когда европеизация соединялась с закабалением народа и усилением государственной тирании. Своего апогея атаки зла в России достигли в эпоху Сталина и «сталинщины»»¹⁵⁰.

В общем, Д.С. Лихачёв был убежден в том, что «Европа и Россия должны быть под одной крышей», особенно под одной крышей системы образования, музеев, архивов и библиотек, являющихся теми «столпами, на которых стоит культура»¹⁵¹. Ведь «культура человечества – это активная память человечества, активно введенная в современность», и «размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно»¹⁵². И если образование, архивы, музеи и библиотеки являются «столпами, на которых стоит культура», то память, по мысли Лихачёва, служит «основой культуры, “накоплений” культуры... понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг и перед потомками», – считал академик, подчеркивая, что «культура – цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда»¹⁵³. При этом «культура – такая цель, которая сама является и средством к достижению своих вершин. Если та или иная наука, та или иная отрасль техники будет замкнута на самой себе – произойдет замедление их развития, наступит

¹⁴⁹ Лихачёв Д.С. Русский исторический опыт и европейская культура // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 31.

¹⁵⁰ Там же. С. 34.

¹⁵¹ Лихачёв Д.С. Мифы о России старые и новые // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 64; *Его же*. Об интеллигентности // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 646.

¹⁵² Лихачёв Д.С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 433; *Его же*. Россия никогда не была Востоком // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 50.

¹⁵³ Лихачёв Д.С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 434.

творческое обеднение в науке и технике, истощение творческих возможностей, возникнут тупиковые ситуации», ибо «настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учатся от соседей»¹⁵⁴.

Как наказ звучат слова Д.С. Лихачёва о том, что «ощущать себя в истории крайне важно. Этому ощущению помогают памятники культуры и истории», однако «к старине должно быть бережливое уважение, а не культ. Мы должны жить со старым, а не молиться на старое. На коленях жить невозможно (больно и неудобно)», и «ощущать себя наследником прошлого значит осознать свою ответственность перед будущим»¹⁵⁵. Подтверждением данных слов служит приведенная в конце книги Д.С. Лихачёва «Раздумья о России» Декларация прав культуры, разработанная академиком и принятая на учредительном съезде Конгресса интеллигенции Российской Федерации в Москве 11 декабря 1997 г., ключевым положением которой является тезис о том, что «культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла»¹⁵⁶.

В общей сложности научное наследие академика Д.С. Лихачёва показывает, что в России, несмотря на все повороты и развороты ее прошлого и настоящего, всегда были люди, стремившиеся к самостоятельному творчеству, нацеленному на поиск истины, раскрытие подлинной истории и культуры, которая во все времена составляла предмет исследований очень узкого круга специалистов. Их любили и ненавидели, сажали в тюрьму и одаривали почестями в зависимости от характера их изысканий, от того, как и что говорили они о России, однако работу свою они упорно вели до конца, поскольку прекрасно понимали, что только научный, реальный, а не мифологизированный подход к историко-культурному прошлому страны позволит определить, в каком мире мы живем, к какой культуре принадлежим, какой реальный след оставили наши предки в истории и как нам жить

¹⁵⁴ Лихачёв Д.С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 435.

¹⁵⁵ Там же. С. 451, 442, 452.

¹⁵⁶ Лихачёв Д.С. Декларация прав культуры // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 635–639.

в гармонии с культурным наследием России и мира, с обществом и с самим собой. Д.С. Лихачёв, проживший трудную, но богатую событиями творческую жизнь, начинавшуюся заключением в Соловецком и Беломоро-Балтийском лагерях ГУЛАГа, говорил: «Значение русской культуры определялось ее нравственной позицией в национальном вопросе, в ее мировоззренческих исканиях, в ее неудовлетворенности настоящим, в жгучих муках совести и поисках счастливого будущего, пусть иногда ложных, лицемерных, оправдывающих любые средства, но все же не терпящих самоуспокоенности»¹⁵⁷.

¹⁵⁷ *Лихачёв Д.С.* Мифы о России старые и новые // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. С. 63.

Т.П. Поляков,
Москва. Россия

Учение академика Д.С. Лихачёва
об экологии культуры
в контексте современного «живого музея»

Аннотация: Статья посвящена проблемам создания и основным формам «живого музея», экспозиционное пространство которого предусматривает активную деятельность посетителя на социально-бытовом, интеллектуальном или духовно-творческом уровне. Автор пытается показать, что в основе идеи «живого музея», развивающегося от бытовых ансамблевых экспозиций «под крышей» до музеев под открытым небом, лежит учение Д.С. Лихачёва об экологии культуры.

Ключевые слова: живой музей, экология культуры, музейная экспозиция, ансамблевый метод, культурный ландшафт, музей-заповедник, экомuseum.

T.P. Polyakov,
Moscow. Russia

The teachings of academician D.S. Likhachev
about the cultural ecology
in the context of “the living museum”

Abstract: The article is devoted to the problems of creation and to the main forms of the “living museum”, the exposition space of which provides energetic activity of the visitor at the social, intellectual, or spiritual and creative level. The author tries to show that the idea of a “living museum”, which is moving from the everyday ensemble exposition “under the roof” to open-air museums, is based on D. Likhachev’s ideas about the ecology of culture.

Keywords: living museum, ecology of culture, museum exposition, ensemble method, cultural landscape, museum-preserve, ecomuseum.

В своих научных трудах, посвященных отечественной культуре, в «Мыслях о жизни» и «Письмах о добром» академик

Д.С. Лихачёв не часто, но всегда довольно остро касается важнейших проблем музейной деятельности. Одна из самых актуальных проблем связана с понятием «живой музей», органично коррелирующим с концепцией «экология культуры». Постараемся доказать этот тезис, опираясь на тексты ученого.

Напомним читателю, что автор учения об экологии культуры воспринимал термин «экология» не в узкобиологическом смысле, а через его этимологию. Прежде всего, он расширил философско-символический смысл понятий «логос» и «дом». Это был новый взгляд филолога, считавшего, «что экология как наука должна прежде всего изучать всю взаимосвязанность решительно всего в мире. Мир как целое и мир как слово... Мир как Слово! Слово Logos – Логос как нечто, предшествующее всякому Бытию»¹⁵⁸. По его мнению, экология – это Слово о Доме, о нашем огромном и в то же время крошечном Доме, который называется Земля. Для него Земля – это прежде всего «летающий в колоссальном пространстве музей», «космический Эрмитаж»¹⁵⁹.

Употребляя образ Эрмитажа в контексте учения об экологии культуры, Д.С. Лихачёв, конечно же, понимал под ним не музейное хранилище, наполненное уникальными предметами, девять десятых из которых закрыты для обычных людей, а живой ансамбль человечества, культуры и природы. То есть возвращался к первоначальному значению понятия «эрмитаж», обозначающему сакральное место встречи Человека с Природой и Искусством. Напомним, что екатерининский Эрмитаж как собрание произведений искусства в природно-бытовом ансамбле, как «место уединения» с зимними и висящими садами являлся прообразом современного «живого музея».

Итак, на образно-философском уровне наша планета виделась Д.С. Лихачёву как универсальный Дом, где органично уживается человек, природа и культура, а музей, в широком смысле этого слова, представлялся как «храм муз», являвшийся основной формой существования этого Дома. Недаром в Декларации прав культуры, написанной на ином, научно-правовом языке он ставил музей на первое место в системе «инфраструктуры культуры», обеспечивающей условия «создания, сохранения,

¹⁵⁸ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. М. 2013. С. 215–216.

¹⁵⁹ Там же. С. 568.

экспонирования, трансляции и воспроизводства культурных ценностей»¹⁶⁰.

Из всех возможных вариантов музея Д.С. Лихачёв отдавал предпочтение «живому музею». В современном значении термина это музей, экспозиционное пространство которого предусматривает или провоцирует активное поведение посетителя на социально-бытовом, интеллектуальном или духовно-творческом уровне. Авторы этого термина, Н.Ф. Федоров и П.А. Флоренский, каждый по-своему мечтали о подобных музеях-школах, музеях-обсерваториях, музеях-храмах или музеях-монастырях. Именно в них осуществлялся бы креативный диалог «детей с отцами» и вовлечение посетителей в «общее дело» воскрешения человечества (Федоров). Именно в них посетитель должен быть заражен «никогда не иссякающей, вечно бьющей струей самого творчества» и получать удовольствие от «насыщения жизнью» (Флоренский).

Д.С. Лихачёв, вдохновленный идеями культуролога и своего товарища по Соловецкому лагерю Н.П. Анциферова, пошел дальше своих предшественников: он расширил понятие «живой музей» до границ города. Обратим внимание, что в своих воспоминаниях «Мысли о жизни» он почти не пишет о классических музеях Санкт-Петербурга и больше уделяет внимание самому городу как «живому музею». Его анатомии или, иначе, архитектуре. Его физиологии или, иначе, социально-бытовой и научной среде. И в особенности его душе – неповторимому образу Санкт-Петербурга, запечатленному в легендах, памятниках, изобразительном искусстве и литературе.

Позднее, в «Письмах о добром», Д.С. Лихачёв сделал по этому поводу следующее концептуальное обобщение: «Пусть дома, мимо которых мы ходим, пусть города и села, в которых мы живем, пусть даже заводы, на которых мы работаем, или корабли, на которых мы плаваем, будут для нас живыми, то есть имеющими прошлое»¹⁶¹. С точки зрения Д.С. Лихачёва, прошлое – это живой музей, а не мертвый склад музейных предметов. «Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напо-

¹⁶⁰ См. Декларация прав культуры // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. М. 2006. С. 391.

¹⁶¹ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 494.

минают, напоминают, напоминают...» Постепенно прошлое и будущее становятся своими для человека»¹⁶².

Теперь, вдохновленные идеями Д.С. Лихачёва, войдем в номинальное музейное пространство и проследим, какие стадии проходит «живой музей» в своем развитии от бытового ансамбля до экомuzeя. Начнем с музеев «под крышей». Нулевая стадия или, иначе, базовая форма «живого музея» – ансамблевые экспозиции¹⁶³ историко-бытовых, этнографических и, как особо отмечал Дмитрий Сергеевич, мемориальных музеев. В письме «Память культуры» он настоятельно советует «посещать квартиры-музеи», способствующие духовному обогащению¹⁶⁴. Во времена его детства подобными экспозиций, целью которых являлось восстановление бытовой среды, связанной с великими личностями или, шире, с историко-культурными процессами и явлениями, было немного. Еще раньше, в последней трети XIX в., старшее поколение российских интеллектуалов наблюдало заочный спор А.С. Уварова и И.Е. Забелина о вариантах построения будущей экспозиции Императорского Российского исторического музея: первый желал видеть коллекционную, научно-систематизированную экспозицию, второй мечтал рассказать о том, «как жили предки», показать историко-бытовые интерьеры¹⁶⁵.

По-видимому, Д.С. Лихачёву метод Забелина, т. е. ансамблевый метод проектирования экспозиций, был ближе: «Даже предметы искусства в музеях не просто хранятся, а составляют некоторые культурные ансамбли, связанные с историей городов и страны в целом»¹⁶⁶. Этот выбор во многом объясняется тем, что в Соловецком лагере Д.С. Лихачёв общался с одним из последователей Забелина – М.Д. Приселковым, теоретиком и практиком внедрения ансамблевого метода в музейные экспозиции. М.Д. Приселков считал, что основная цель историко-бытовых

¹⁶² Там же. С. 550.

¹⁶³ В естественно-научных музеях ансамблевому методу соответствует ландшафтный метод, потенциально связанный с понятием «культурный ландшафт».

¹⁶⁴ *Лихачёв Д.С.* Мысли о жизни. Письма о добром. С. 550.

¹⁶⁵ См. *Поляков Т.П.* Мифология музейного проектирования. М., 2003. С. 27–29.

¹⁶⁶ *Лихачёв Д.С.* Мысли о жизни. Письма о добром. С. 532–533.

музеев – восстановить полную картину старого быта и проследить его историю¹⁶⁷.

Самая первая стадия или, иначе, форма «живого музея» – активное насыщение «жизнью» подобных ансамблевых экспозиций либо на социально-бытовом, либо на интеллектуальном или духовно-творческом уровне. В первом случае это музей-трактир, музей-магазин, музей-гостиница и т. п. В дореволюционной России выделялся московский Музей кустарного творчества, сочетавший экспозиции с производственными мастерскими и торговыми лавками. В современной России среди музеев-трактиров и музеев-магазинов выделим уникальный Музей-амбулаторию, действующий на базе чеховского Мелихова¹⁶⁸. Во втором случае это – музей-храм, музей-школа, музей-театр, музей-лаборатория, музей-гостиница, музей-библиотека. Ярчайший пример – музей-квартира М.Н. Ермоловой в Москве¹⁶⁹, успешно работающий как музей – театральный салон. Подобные «живые музеи», наполненные духовно-творческой жизнью, активно развиваются в наше время.

Хрестоматийный пример органического синтеза «материи и духа» – легендарный Домик Канта в Кёнигсберге, превращенный после смерти философа... в трактир и функционировавший до середины XIX в. Здесь, в мемориальном пространстве бывшей столовой кенигсбергского затворника, собирались ученики и поклонники хлебосольного ученого и обсуждали не только насущные проблемы быта, но и философские проблемы Бытия.

Особый интерес в нашем лихачевском контексте вызывает концепция музея-храма и музея-монастыря, разработанная П.А. Флоренским. Напомним читателю, что отцу Павлу Флоренскому, ставшему в 1918 г. секретарем комиссии по сохранению Троице-Сергиевой лавры, необходимо было оградить монастырь от сплошной музеефикации. Он написал две программные статьи под названием «Храмовое действо как синтез искусств» и «Троице-Сергиева лавра и Россия». В основу его тактики сохранения легла мысль о том, что разрушение целостного восприятия

¹⁶⁷ *Приселков М.Д.* Историко-бытовые музеи. Л., 1928. С. 17.

¹⁶⁸ Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова (г. Чехов, Московская обл.).

¹⁶⁹ Филиал Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина.

разных элементов храмового искусства – искусства иконописи, книги, ткани, огня, дыма и т. д., и т. п. – «приведет к большой беде». Флоренский предложил создать в Троице-Сергиевой лавре «живой музей» России, а точнее – возвратиться к действующему храму, где максимально выражен «синтез искусств», и к действующему монастырю, развивающему понятие «живой музей» до реальных хозяйственной и духовной жизни легендарных «русских Афин»¹⁷⁰. В реальности, как известно, монастырь был вскоре закрыт. Всё ограничилось созданием ряда ансамблевых экспозиций, лишенных монастырской жизни.

В биографии Д.С. Лихачёва эта идеальная концепция отразилась на уровне антиутопии. В Соловецком лагере особого назначения в 1920-е гг. был создан музей, воспринимаемый юным заключенным как «музей-академия». Казалось бы, из интерьеров бывших храмов, превращенных в музейные экспозиции, была выхолощена духовная жизнь: не было ни службы, ни монастырской жизни. Но, как известно, «свято место» не бывает пустым. В полутемных интерьерах Благовещенской надвратной церкви стали собираться заключенные-интеллектуалы и устраивать беседы на философские и творческие темы. По воспоминаниям Д.С. Лихачёва, инициатором и вдохновителем этих посиделок был известный музейный деятель и коллекционер Н.Н. Виноградов:

«Каждый вечер, перед сном, с ротных нар и топчанов, где царствовала полутьма едва мерцавших лампочек, он приглашал интеллигентных людей» в этой музейное пространство, «чтобы слушать доклады, работать над музейными картотеками, просто беседовать, и они на час или другой чувствовали себя в своей среде»¹⁷¹.

Среди них – уже упомянутые М.Д. Приселков и Н.П. Анциферов, художник О.Э. Браз, философ-мифолог А.А. Мейер и многие другие лагерные интеллектуалы, у которых учился юный Лихачев. Просуществовала эта «соловецкая академия» недолго, но оказала огромное влияние на будущего академика, в том числе – на его представление о «живом музее».

Есть, правда, одна серьезная проблема, от решения которой зависит перспектива подобных «живых музеев», расположенных

¹⁷⁰ Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П.А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль. 1996. С. 371–373.

¹⁷¹ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 195.

«под крышей». Как известно, основная ценность мемориальных музеев, где активно применяется ансамблевый метод, – уникальные вещи, принадлежавшие героям этих экспозиций и нуждающиеся в физическом сохранении. Однако этому противоречит основной принцип «духовного хранения», характерный для «живых музеев» и выраженный в формуле «руками трогать». С этой проблемой Д.С. Лихачёв столкнулся в блокадном Ленинграде, когда в музее Пушкинского Дома обездоленные люди были вынуждены спать «на диване Пушкина, на диване Аксакова, на котором когда-то сидел Гоголь, на диване Тургенева, на кровати, на которой умер Блок»¹⁷². Позже в музее разместилась команда подводников: «Ночами какие-то тени бродили по музею, взламывали шкафы, искали сокровища...»¹⁷³

Так что в мемориальных музеях у «живого музея» есть свои границы, перейти которые пока не представляется возможным. Ведь в случае замены подлинников на копии или новоделы уходит самое главное – мемориальная аура. Как отмечал позднее Д.С. Лихачёв, «всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности»¹⁷⁴.

Вторая стадия или форма «живого музея» связана с основной проблемой краеведческих музеев – попыткой объединить в одном экспозиционном пространстве Природу, Культуру и Историю. Ведь, по мнению Д.С. Лихачёва, именно на базе этих музеев «можно серьезнее и глубже решать местные экологические проблемы». Однако, как правило, отделы природы и истории в экспозициях краеведческих музеев находятся, как говорится, «по разные стороны баррикад». Причем где-то в глубине «природы» располагаются «уголки экологии», которые только дискредитируют экологическое воспитание молодежи: юный посетитель уже на пороге музея видит, что Человек и Природа разделены, находятся в его разных концах и практически не пересекаются друг с другом в экспозиционном пространстве.

Впервые эту проблему попытались решить на I съезде музейных работников в 1930 г. Один из докладчиков не только отвергал традиционные систематические экспозиции в краеведческих

¹⁷² Там же. С. 393.

¹⁷³ Там же. С. 394.

¹⁷⁴ Там же. С. 552.

музеях и выдвигал идею «построения бытовых комплексов», но и отрицал необходимость существования изолированных отделов, мешающих выражению связи «между природой и человеком»¹⁷⁵.

В конце XX – начале XXI в. эта проблема станет весьма актуальной для проектируемых экспозиций с краеведческой тематикой. Появился новый термин – «культурный ландшафт», соединяющий памятники природы, истории и культуры в единый комплекс, созданный Природой и Человеком. Несмотря на то, что автором термина является немецкий географ О. Шлютер, современный смысл данного понятия, концептуализированный на аксиологическом уровне сотрудниками Института наследия,¹⁷⁶ основан на учении Д.С. Лихачёва об экологии культуры. Еще раз процитируем его базовый принцип:

«В экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой». «Поэтому и хранить их, памятник и ландшафт, нужно вместе, а не раздельно». «Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном»¹⁷⁷.

В своей проектной деятельности автор статьи неоднократно пытался воплотить эти идеи Д.С. Лихачёва в музейно-экспозиционную практику, предлагая строить краеведческие экспозиции на основе условных «культурных ландшафтов». Но, как правило, встречал непонимание и даже протест, особенно со стороны сотрудников отдела природы, воспринимающих экологию в узкопрофессиональном смысле слова. Эта стена, будем надеяться, разрушится в ближайшее время, когда в пространстве Визит-центра Национального парка «Валдайский» откроется музейная

¹⁷⁵ Труды Первого Всероссийского музейного съезда: в 2 т. М., 1931. Т. 1. Доклад Н.А. Шнеерсона. С. 169.

¹⁷⁶ См. *Кулешова М.Е.* Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. М., 2002. С. 8.

¹⁷⁷ *Лихачёв Д.С.* Экология культуры // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 333, 345–346; Его же. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 551.

экспозиция, посвященная уникальным памятникам природы и культуры данного края и строящаяся на основе единых культурных ландшафтов, вступающих в диалог с посетителем и открывающих новые возможности «живого музея».

Третья стадия или форма «живого музея» связана с экспозициями, создающимися на основе художественных принципов, в частности – на основе художественно-мифологического метода проектирования. Подобные экспозиции, представляющие собой полноценные произведения искусства с музейной спецификой и строящиеся по законам сюжетной драматургии, соответствуют понятию «живой музей» на уровне творческого диалога этого произведения искусства и зрителя, постигающего его в движении¹⁷⁸. За тридцать лет проектной деятельности автор статьи неоднократно выслушивал скептические замечания оппонентов-ученых, отрицающих познавательные возможности подобных «развлекательных», с их точки зрения, экспозиций. Однако автор всегда вдохновлялся противоположным мнением, изложенным Д.С. Лихачёвым в письме «Понимать искусство»:

«Если сравнить жизнь с драгоценным дворцом со многими залами, которые все щедро разнообразны и все не похожи друг на друга, то самый большой зал в этом дворце, настоящий «тронный зал», – это зал, в котором царствует искусство. Это зал удивительных волшебств». И, наконец, главная мысль ученого: «Знание действительности, проходящее через искусство, есть знание, согретое человеческим чувством, сочувствием»¹⁷⁹.

Более того, название метода – художественно-мифологический, с помощью которого создаются произведения музейно-экспозиционного искусства, – во многом обусловлено влиянием Д.С. Лихачева и его учителя из «соловецкой академии» А.А. Мейера, беседы с которым, по признанию нашего героя, «были вторым (но первым по значению) университетом». Одна из главных тем этих разговоров – тема мифа. Размышления Мейера о специфике мифа и мифологического сознания, о слове-логосе помогли, как отмечал Д.С. Лихачёв, «в дальнейшем формировании моего мировоззрения»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ См. Поляков Т.П. Мифология музейного проектирования. С. 89–205.

¹⁷⁹ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 502–503.

¹⁸⁰ Там же. С. 212–217.

Начнем с того, что мифологическое мышление, по мнению Мейера, несколько не противоречит научному знанию. Оно просто другое. Это конкретно-чувственное отношение к миру, направленное на гармонизацию Бытия: Природы, Человека и Общества. Именно отсюда «растет» учение Лихачева об «экологии культуры»: «Мир как слово, и мир как целое, как идея». Только на основе «цельности мира» можно решиться на его «исправление» или внесение в мир тех или иных корректив»¹⁸¹.

Особое значение для Д.С. Лихачёва имели идеи А.А. Мейера о гносеологических, познавательных возможностях мифа, в первую очередь – мифа художественного, традиционно называемого произведением искусства: «Всякий художественный образ представляет собой миф. Если же и по самому сюжету своему художественное произведение связано с подлинным, от общинного опыта исходящим мифом, всё богатство его содержания может быть обнаружено и через образы этого произведения. Мы знаем теперь, что миф – это знание, и притом знание более глубокое и полное, чем то, какое заключено в наших связных описаниях данности. Миф богат мыслями, которые дают нам более глубокое понимание реальности»¹⁸².

Эта познавательная «глубина и полнота», точнее, информационная беспредельность художественного мифа и художественного образа связана с тем, что «миф есть символическое высказывание и как таковое он не ограничен каким-либо одним смыслом, одной схемой. Оттого и нельзя «нанизать» его образы на «тонкую нить какой-нибудь всепроникающей идеи». «Едва ли по силам кому-либо было бы вскрыть всё философское содержание мифа или художественного образа. Будучи воплощением творческих замыслов художника, его творение перерастает его замыслы»¹⁸³.

Всё это имеет самое непосредственное отношение к «живой» музейной экспозиции, строящейся по законам произведения искусства и предоставляющей посетителю право на творческое соучастие – самостоятельное прочтение «художественных

¹⁸¹ Там же. С. 215–216.

¹⁸² Мейер А.А. Размышление при чтении Фауста // Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1982. С. 96–100.

¹⁸³ Там же. С. 97.

ребусов»¹⁸⁴, возникающих в процессе взаимодействия музейных предметов с архитектурно-художественными средствами построения образа и драматического сюжета.

К сожалению, в рамках данной статьи невозможно представить всю полноту мифологической концепции А.А. Мейера, оказавшей влияние на мировоззрение Д.С. Лихачёва. Отметим только, вслед за нашим героем, что его труды предвосхитили идеи многих других ученых-мифологов, пытавшихся раскрыть особенности мифа и познавательный потенциал художественной мифологии¹⁸⁵.

Автор статьи, опираясь на учение Д.С. Лихачёва, органично вобравшее в себя основные идеи Мейера, и интерпретирующий художественную мифологию как гармоническое единство физической, метафизической и трансцендентной реальностей, воспринимаемых как единое целое, обладающее эстетической ценностью, создал ряд проектов «живого музея» на основе художественно-мифологического метода. Один из реализованных проектов – экспозиция литературно-мемориального музея К.Г. Паустовского в Москве, раскрывающая «экологию души» одного из лучших российских писателей. В этом небольшом музейном пространстве, отнюдь не мемориальном, посетителю предоставлена возможность на уровне метафизической реальности вести диалог с душой виртуального Хозяина, находящейся в поиске собственного Дома. Вслед за ней посетитель поэтапно проходит сквозь ряд основных «экосов», характерных для творчества Паустовского: Город, Море, Лес, Мир и, наконец, Дом.

Город – каменно-железный «экос», наполненный войнами и революциями, где зародилась Душа героя экспозиции, где она столкнулась с проблемой выбора и откуда она, наделенная поэтическим даром, стремилась вырваться в поисках истины и гармонии.

Море – первая яркая, голубая, но порой мрачная и свинцовая среда, ассоциирующаяся с первой романтической любовью,

¹⁸⁴ В буквальном переводе с латинского языка «ребус» означает «вещи». «Non verbis sed rebus – не словами, но вещами», – говорили древние, предпочитая изъясняться визуальным языком символических вещей. То есть это – наш, музейный язык. Причем «художественный ребус», в отличие от простого ребуса, не имеет однозначного ответа в силу своего символического характера.

¹⁸⁵ *Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром.* С. 214.

в которую наш герой стремится окунуться с головой, не думая о последствиях бездонного Моря и бездонной Любви.

Лес – кульминация сюжета, таинственная темно-зеленая среда, контрастная предыдущему экосу, романтическая глухомань, находящаяся на границе поля и реки, способствующая творчеству и обеспечивающая полное одиночество, то есть полный разрыв с Миром, который всё же необходим писателю, входящему в пору мировой известности.

Мир – открытая среда, сравнимая с жизнью на вершине горы, на вершине славы или в московской высотке. Жизнь «на миру» включает географию поездок и выступлений, публицистику по политическим и нравственным проблемам, борьбу с советскими чиновниками и поддержку инакомыслящих, работу с ученикам и дискуссии с оппонентами. Но эта среда отбирает время творца, ведь, по мнению автора «Золотой Розы», «самая плодотворная форма общественной деятельности писателя – это его творческая работа».

Наконец, мы попадаем в Дом – в идеальный образ, в идеальную среду, гармонически сочетающую позитивные элементы предыдущих «экосов». Писатель искал его всю жизнь, воплощая в литературных образах свою мечту о Доме. Он нашел его в реальности, обретая душевный покой и творческое вдохновение, родившее лучшие страницы «Повести о жизни», на берегу Оки, в Тарусе.

В этой связи перейдем к четвертой форме «живого музея», способной объединить все предыдущие формы в пространстве под открытым небом, в окружении реальной природы. Это – музеи-заповедники. К ним у Д.С. Лихачёва было особое отношение, поскольку, по его мнению, «не здания даже нужны человеку, а здания в определенной среде». Необходимо «хранить строение в ландшафте, что бы и то, и другое хранить в душе»¹⁸⁶.

На заключительных страницах своих воспоминаний «Мысли о жизни» ученый, вспоминая свою последнюю поездку на Соловки, выступает не только как эксперт по оценке качества реставрационных работ в новом музее, но и как музейный проектировщик, излагающий оригинальную концепцию будущего музея-заповедника. Отмечая, что «весь монастырь построен как

¹⁸⁶ Письмо «Память культуры» // Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 551.

гигантское гидротехническое сооружение», он предлагает сохранить его «в неприкосновенности как памятник не только религиозный и историко-природный, но и как единственный в нашей стране музей русской техники XVI–XVII вв. К этому можно было бы присоединить монастырскую кузню, кирпичный завод, сельскохозяйственные сооружения» и т. д.¹⁸⁷ Как видим, его концепция была близка идеям П.А. Флоренского, оставалось только насытить этот многофункциональный памятник монастырской культуры соответствующей жизнью...

Из всех разновидностей музеев под открытым небом Д.С. Лихачёву, естественно, были ближе архитектурно-художественные и литературные музеи-заповедники. В своих работах о «садах и парках», характерных для подобных музеев, Д.С. Лихачёв подчеркивал, что они создают своего рода «идеальное взаимодействие человека и природы»¹⁸⁸. С особой теплотой он относился к музею-заповеднику «Михайловское». На его примере ученый демонстрировал не только диалектику постижения А.С. Пушкиным русской Природы¹⁸⁹, но и поднимал принципиальные вопросы проектирования музеев-заповедников.

Во второй половине 1990-х гг. автору статьи выпала честь разработать сценарную концепцию модернизации¹⁹⁰ этого музея-заповедника, сохраняя и развивая основные принципы его создателя, С.С. Гейченко. Методологической основой для данной работы послужили концептуальные идеи Д.С. Лихачёва. Напомним читателю, что он с осторожностью относился к декоративной театрализации музейного пространства: «Нельзя убивать подлинное прошлое и заменять его театрализованным». Однако, выступая против «драгоценной оправы»¹⁹¹ для пушкинского музея-заповедника, Д.С. Лихачёв сделал следующее уточнение: «В пушкинских местах Псковской области – в селе Михайловском, Тригорском – частичная театрализация необходима.

¹⁸⁷ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 440.

¹⁸⁸ Письмо «Сады и парки» // Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 534.

¹⁸⁹ Письмо «Природа России и Пушкин» // Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 539–544.

¹⁹⁰ К сожалению, по ряду причин сценарная концепция не была реализована.

¹⁹¹ Там же. С. 544.

Исчезнувшие дома и избы были там органическими элементами пейзажа. Без дома Осиповых-Вульф в Тригорском нет Тригорского. И восстановление этого дома, как и домов в Михайловском и Петровском, не уничтожает подлинности»¹⁹².

Учитывая эти установки Д.С. Лихачёва, связанные с «живым музеем», автор сценария полагал, что система экспозиций обновленного пушкинского музея-заповедника способна предьявить потенциальному посетителю три уровня познания пушкинского мира в контексте природы: бытовой, метафизический и сакральный.

Бытовой уровень – это исторические здания, расположенные вне основных границ музея-заповедника. Бывшие имения, трактиры, почтовые станции, купеческие и крестьянские дома, превращенные в действующие музеи-гостиницы, музеи-трактиры и музеи-лавки, раскрывающие в стилизованных ансамблях и интерьерах особенности быта пушкинской эпохи.

Метафизический уровень – это модернизированные на основе художественно-мифологического метода проектирования экспозиции в Михайловском, Тригорском и Петровском, строящиеся по мотивам воспоминаний поэта, выраженных в стихотворении «Вновь я посетил». Каждая из трех экспозиций должна была интерпретировать три ипостаси бытия дворянина той эпохи, наделенного поэтическим гением: наедине с самим собой (Михайловское – как лаборатория творчества); на балу (Тригорское – как трансформация образов реальных друзей в поэтические образы); на государственной службе (Петровское – о династии Ганнибалов, начиная с Абрама Петровича, и о службе поэта).

Сакральный уровень – действующий Святогорский монастырь и могила А.С. Пушкина, расположенная недалеко от возрожденного монастырского сада, который, по выражению Д.С. Лихачёва, изображал «собой земной рай». Последнее обстоятельство предоставляет повод перейти к высшей форме «живого музея» – к экомuzeю. Напомним, что Д.С. Лихачёв относился к окружающей городской среде как к «живому музею». Он вдохновлялся мечтой Ф.М. Достоевского превратить Петербург в систему садов, засадить Марсово поле и соединить его с Летним садом, создать своего рода рай на земле в Петербурге. К сожалению,

¹⁹² Письмо «Сады и парки» // Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. С. 538

в реальности экомuzeи возникают и развиваются пока только в сельской местности.

К этой форме «живого музея» стремятся наиболее успешные музеи-заповедники, органично вписанные в социокультурную жизнь региона. Основной признак фактического экомuzeя – активное вовлечение в музейную жизнь местных жителей, возрождение местных ремесел и технологий традиционных форм хозяйствования в природной среде.

Одна из главных задач экомuzeя состоит в сохранении и оптимальном развитии историко-культурной и природной среды как взаимосвязанных частей единого целого, в создании реальных условий для сохранения национальной самобытности местного населения, в возрождении механизма воспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций региона. Причем воспроизведение этих традиций должно стать органической потребностью населения, что максимально обеспечит их преемственность и передачу новым поколениям.

В наше время есть положительные примеры подобной трансформации музеев-заповедников, реализующих основные принципы «живого музея». Это музей-заповедник «Кижи», музей-заповедник «Ясная Поляна» и стремительно набирающий популярность музей-заповедник «Куликово поле». Д.С. Лихачёв в свое время выделял этот музей, поэтапно и профессионально решавший непростые вопросы, связанные с музеефикацией легендарного поля, на котором, как отмечал художник П.Д. Корин, «решалась судьба России и Европы». В настоящее время в народе за активное вовлечение местных жителей в систему экспозиций и музейную инфраструктуру этот музейный комплекс получил концептуальное прозвище «музей-колхоз». Здесь настойчиво реализуется один из основных принципов экомuzeев – широкое понимание историко-культурного наследия, в качестве которого выступает вся территория проживания данного социума. Практически все сосредоточенные на ней материальные объекты, формы социальной и культурной деятельности являются потенциальными музейными объектами.

Отметим, что идеи Д.С. Лихачёва об экологии культуры, связанные с экомuzeями как высшей формой «живого музея», востребованы не только в центральных музеях-заповедниках. Целая сеть локальных экомuzeев постепенно создается в отдаленных регионах России, в частности в Кемеровской области и в Ханты-

Мансийского национальном округе. Основная цель подобных музеев – сохранить историко-культурное наследие самых разных народов нашего отечества, стать национально-культурными, научно-исследовательскими и туристическими центрами в этих регионах.

Основной вывод. Как показывает практика, в настоящее время активно развиваются все формы «живого музея», применяющего интерактивные методы и технологии, успешно конкурирующие с модными электронными технологиями и виртуальными музеями. Автор статьи, вдохновленный учением Д.С. Лихачёва об экологии культуры, уверен, что будущее за «живыми музеями». Ведь «другой жизни во Вселенной нет!»¹⁹³

Литературы

1. *Лихачёв Д.С.* Мысли о жизни. Письма о добром. М., 2013.
2. *Лихачёв Д.С.* Экология культуры // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. М., 2006. С. 333–346.
3. *Мейер А.А.* Размышление при чтении Фауста // Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1982. С. 96–100.
4. *Поляков Т.П.* Мифология музейного проектирования. М., 2003.
5. *Флоренский П.А.* Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П.А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 371–373.

¹⁹³ *Лихачёв Д.С.* Мысли о жизни. Письма о добром. С. 569.

Ю.С. Путрик,
Москва. Россия

Академик Д.С. Лихачёв
и культура путешествий

Аннотация: Академик Д.С. Лихачёв в изданной им 1983 г. книге «Земля родная» рассматривает путешествия и туризм как важный феномен социальной и культурной жизни, тесно связывая вопросы культуры, туризма и воспитания, закладывая тем самым методологическую основу планирования социокультурной составляющей туристских путешествий и краеведческих экспедиций школьников и молодежи.

Ключевые слова: культура, туризм, наследие, воспитание, молодёжь.

Yu.S. Putrik,
Moscow. Russia

Academician Dmitriy S. Likhachev
and culture travel

Abstract: Academician D.S. Likhachev in 1983 published the book “Native Land” considering the travel and tourism as an important phenomenon of social and cultural life, closely linking the issues of culture, tourism and education, thus laying the basis for methodological planning of sociocultural component of tourism travel and natural history expeditions of schoolchildren and youth.

Keywords: culture, tourism, heritage, education, youth, travel.

Тема культуры путешествий, конечно же, не нова, и на протяжении веков она нередко была объектом внимания ученых и философов. Однако в произведениях Дмитрия Сергеевича Лихачёва она все же звучит по-новому. Наиболее ярким и показательным его произведением, где он рассуждает о культуре путешествий, является изданная в 1983 г. и обращенная к молодому поколению книга «Земля родная»¹⁹⁴. Примечательно, что все положения и высказывания в этой книге о путешествиях именно сегодня

¹⁹⁴ Лихачёв Д.С. Земля родная. Кн. для учащихся. М.: Просвещение. 1983.

обретают высокую остроту и актуальность, потому что именно в настоящий период вновь актуализировались вопросы воспитания патриотизма и одновременно наметилась четкая тенденция на подъем и возрождение детско-юношеского туризма и краеведения. По признанию самого автора книги, он часто выходит за границы строгой науки, и эти выходы затрагивают достаточно широкий спектр различных сторон культурной и общественной жизни. В этой связи в предисловии к «Земле родной» Дмитрий Сергеевич анонсирует книгу как «книгу беспокойств». Повезло туризму и путешествиям, которые попали в это поле беспокойств и в книге рассмотрены в тесной взаимосвязи с культурным наследием и воспитательным процессом. И эта триада «туризм – культурное наследие – воспитание» проходит красной нитью через всю книгу.

Понятие «культура путешествий» включает множество аспектов – от поведенческих во время отдыха, связанных с общим уровнем воспитанности человека, до мировоззренческих, проявляющихся на всех этапах выбора, подготовки и организации своего путешествия. В первом случае культура путешествий и путешественников рассматривается как поведенческий аспект, который проявляется во взаимодействии путешественника/туриста с окружающей средой и окружающими людьми, т. е. встречающимися в ходе путешествия попутчиками, компаньонами, организаторами поездки, представителями различных служб (размещения, питания, транспорта, развлечений и др.) и, конечно же, местными жителями в дестинации пребывания. Частично эти вопросы находят отражение в научной и методической литературе. Так, в 1997 г. в журнале «Туристские фирмы» появилась статья М.Б. Биржакова и В.Е. Ивановой «Теория компаньона и туризм», в которой показано, что восприятие мира в путешествии обогащается не только путем знакомства с достопримечательными объектами, но и благодаря общению с попутчиком, а точнее говоря – с компаньоном по путешествию¹⁹⁵. Ранее вопрос выбора компаньона как мотиватора путешествия рассматривался в том же журнале при участии автора настоящей статьи¹⁹⁶. Кроме того,

¹⁹⁵ Биржаков М.Б., Иванова В.Е. Теория компаньона и туризм // Туристские фирмы. Вып. 14. 1997. С. 32–38.

¹⁹⁶ Биржаков М.Б., Путрик Ю.С. Мотивация выбора туристского путешествия // Туристские фирмы. Вып. 13. 1997. С. 51–63.

важно понимать, что встречи и знакомства в ходе путешествия делают его еще более насыщенным впечатлениями. А впечатления и воспоминания – это то самое главное, что остается с нами на всю жизнь и представляет, собственно, важнейшую часть интеллектуального и эмоционального капитала человека, помогают ему быть более устойчивым к быстрым и не всегда комфортным переменам в социальной, экономической и природной среде.

В процессе современного туризма всегда взаимодействуют, а иногда и сталкиваются разные культуры, идут процессы взаимной адаптации. Иногда даже возникают опасности и угрозы для объектов культурного наследия со стороны туристов. Здесь важно принимать своевременно необходимые меры предотвращения таких опасностей. Вот, например, в 2016 г., в связи резким увеличением туристского потока в нашу страну, неожиданно возникла проблема культуры путешествий у китайских туристов, посещающих Санкт-Петербург и Москву. После них остается много мусора, гостиничные номера и мебель требуют ремонта, а в местах осмотра достопримечательностей и произведений искусства они ведут себя шумно, мешая другим туристам и посетителям осматривать объекты и фотографировать их¹⁹⁷. Это чем-то напоминает поведение некоторых российских туристов за рубежом в 1990-е гг., когда наши соотечественники впервые в массовом порядке стали туда выезжать.

Сегодня у организаторов туризма и самих туристов, путешествующих с помощью туристской компании или самостоятельно, возникает немало проблем и вопросов, решение которых как раз и находится в зоне понятия «культура путешествий», а ее не только нашим путешественникам, но и организаторам туризма в настоящее время очень не хватает. Заметим при этом, что количество самостоятельных путешествий в стране и за рубеж, т. е. поездок без участия туристских компаний, постоянно увеличивается, и этот тренд, вызванный развитием интернета, транспортных коммуникаций и туристской инфраструктуры, приобретает всё более значимые масштабы. Туризм и путешествия давно уже стали неотъемлемой частью образа жизни современного человека. В поездках за рубеж и по стране турист должен быть информиро-

¹⁹⁷ Особенности китайского туриста. Новости АТОР [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/32291.html> (дата обращения 12.12.2016).

ван не только о правилах поведения на туристском маршруте, но и об особенностях традиций и культуры населения посещаемой страны или российского региона. Важно быть информированным об обычаях местного населения, о религиозных обрядах, святынях, памятниках природы, истории, культуры и других объектах туристского показа, находящихся под особой охраной, состоянии окружающей природной среды. В случае когда путешествие осуществляется через туристскую компанию, она, согласно «Правилам оказания услуг по реализации туристского продукта»¹⁹⁸, осуществляет информирование туриста о всех особенностях местных условий путешествия. А вот когда путешествие осуществляется самостоятельно, его успех в плане комфортности, объемности и полноты впечатлений от увиденного уже в значительной степени зависит от самого туриста, уровня его культуры, образованности и в конечном итоге – информационной, интеллектуальной и духовной подготовленности к путешествию в другой регион или страну.

В своей книге Д.С. Лихачёв, говоря о любви к своему народу, своей родине, логически переходит к выводу, что вы поймете и другие народы, которые любят свою природу, свое искусство, свое прошлое. Далее он приводит такой пример из практики своих же путешествий и поездок, в частности о том, что, к примеру, болгары любят свою маленькую страну. Но именно это и делает их такими гостеприимными по отношению ко всем, кто к ним приезжает.

Призывая осваивать культурные достижения всего мира, всех народов, населяющих нашу планету, и все культуры прошлого, Д.С. Лихачёв тут же указывает путь и метод такого освоения в форме путешествий. И что методически важно, автор этой замечательной книги приходит к выводу и очень актуальной для сегодняшнего дня рекомендации о том, что «первое “путешествие”, которое человек должен совершать, – это “путешествие” по своей стране. Знакомство с историей своей страны, с ее памятниками, с ее культурными достижениями – это всегда радость нескончаемого открытия нового в знакомом, радость узнавания привычного в новом. Знакомство и ознакомление других (если ты настоящий

¹⁹⁸ Постановление Правительства РФ от 18.07.2007 № 452 (ред. от 10.02.2017) «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» [Электрон. ресурс] // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69931/ (дата обращения 17.02.2017).

патриот) – бережное отношение к своей старине, к своей истории, ибо своя страна, помимо измерения в пространстве, имеет еще и “четвертое измерение” – во времени¹⁹⁹. А не за границу в первую очередь, как у нас сейчас очень часто происходит, особенно в молодых семьях.

И вот здесь действительно, говоря о развитии патриотического сознания у молодежи и школьников, не надо применять каких-то специальных воспитательных приемов, т. к. сама поездка или поход на местности, ознакомление с объектами культуры, природы и истории окажут естественное и необходимое воздействие на процесс формирования патриотического восприятия окружающего мира. Эту рекомендацию академика Д.С. Лихачёва вполне можно и должно возвести в степень одного из важнейших методических принципов при определении воспитательной роли туристских и экскурсионных поездок школьников и молодежи. В своей книге Дмитрий Сергеевич неоднократно говорит о необходимости усиления краеведческой работы среди школьников и молодежи. Поэтому сегодня весьма актуально не только говорить, но сделать на общегосударственном уровне так, чтобы школьные и молодежные походы, путешествия и краеведческие экспедиции стали обязательной и неотъемлемой частью всего современного образовательного и воспитательного процесса в России.

Отмечая возрастающий туристский интерес к объектам Древней Руси, и то, что «спрос» на всё древнерусское заставляет местные организации внимательнее относиться к памятникам старины, поддерживать их и реставрировать, Дмитрий Сергеевич уже в то время предвидел и некоторые псевдокультурные тенденции, которые не всегда удастся предотвратить. В наши дни эти тенденции прежде всего связаны с неудачными сценарно-культурным программированием пребывания туристов, грубой стилизацией объектов туристской инфраструктуры и неграмотными композиционно-архитектурными решениями, разрушающими культурно-исторические ландшафты и объекты. Таким образом, Д.С. Лихачёв вполне конкретно выступил против нарождающегося «грубомаскарадного, поддельного, безвкусного» и его четко сформулированные позиции по этим вопросам оказали и продолжают оказывать свое методическое влияние и по сей день при формировании новых туристских проектов и туристско-

¹⁹⁹ *Лихачёв Д.С.* Земля родная. 1983. С. 8.

рекреационных кластеров. И здесь же, в книге, на примере самоотверженного высокопрофессионального труда работников музеев и всей сферы культуры Великого Новгорода очень убедительно и красочно, подробнейшим образом автор этой замечательной книги показал, как были восстановлены после войны культурные объекты города, вновь превратившие его в ведущий туристский центр страны.

Другой важной и вполне практической рекомендацией, содержащейся в книге Д.С. Лихачёва, определяющей культуру путешествий и имеющей прямое отношение в проблеме выявления и сохранения объектов наследия, следует считать всемерную его поддержку туристских и краеведческих походов и путешествий, связанных с выявлением памятников истории и культуры. Отметим при этом, что в 1930-е гг., когда перед страной стояли задачи быстрого изыскания полезных ископаемых, многие туристские группы успешно привлекались к изыскательским работам в труднодоступных районах страны. Для этого была даже организована специальная учеба, программа которой предусматривала изучение основ геологии, минералогии, методики поиска полезных ископаемых. Туристы принимали также участие в создании первых в стране заповедников и заказников²⁰⁰. Сегодня же другие приоритеты и вопросы воспитания, связанные с цивилизационным контекстом, как никогда активно интегрируются с историей и культурой. Этот момент был точно прочувствован и описан в книге «Земля родная». Важно отметить, что такая тенденция получила в последнее время новый мощный импульс для своего развития.

В последние годы уже в сфере туризма появилось новое направление под названием «Ответственный туризм», под которым понимается туризм, в корне отличающийся от того, к чему мы все привыкли. Он базируется на желании путешественников помочь тем территориям, куда они приезжают. В итоге созидательные действия множества людей, а это, конечно же, молодежь, складываются в реальную силу, которая способна сделать ту или иную территорию более привлекательной для туристов и местных жителей. Движение ответственного туризма привлекает с каждым годом новые десятки и сотни тысяч участников, и важной ветвью

²⁰⁰ Ганопольский В.И., Безносиков Е.Я., Булатов В.Г. Туризм и спортивное ориентирование. М.: Физкультура и спорт, 1987.

этого движения стало такое направление, как выявление и участие в восстановлении объектов наследия, памятников истории и культуры.

Например, на Русском Севере, к которому в своей книге Дмитрий Сергеевич неоднократно обращается, это движение сегодня напрямую коснулось объектов народного деревянного зодчества, когда с помощью участников молодежных туристских экспедиций работа по выявлению, сохранению и правильному использованию этих бесценных объектов наследия в последние годы заметно оживилась. В этом регионе с участием волонтеров и местных жителей идет процесс если не восстановления, то сохранения объектов деревянного зодчества. Так, летом 2016 г. с активным участием волонтеров общественных организаций начались противоаварийные работы на памятнике деревянного зодчества в Каргопольском районе Архангельской области. Эти работы были инициированы Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт наследия)²⁰¹.

Работы проводились в храме Рождества Христова (1745) в деревне Казаково (Большая Шалга) Каргопольского района Архангельской области²⁰². Это памятник деревянного зодчества федерального значения. По своим формам он представляет собой традиционный храм типа восьмерик на четверике с шатровым завершением. Прямоугольный алтарь храма завершен крупной бочкой.

Ранее Институт наследия провел в Большой Шалге форум-фестиваль, посвященный развитию добровольческих инициатив в сфере охраны национального культурного наследия. В нем приняли участие волонтеры, безвозмездно занимающиеся охраной и реставрацией объектов культурного наследия, главным образом памятников деревянного зодчества. Фестиваль открылся серией мастер-классов по работе традиционным плотницким инструментом. Как видим, взаимная интеграция волонтерского движения и туризма находит свои конкретные проявления в сфере сохранения объектов наследия.

²⁰¹ Институт наследия [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.heritage-institute.ru> (дата обращения 14.05.2017).

²⁰² ИА «Эхо Севера» [Электрон. ресурс] // Новости Архангельска. 06.09.2016. URL: http://arhangelsk.riassv.ru/news/institut_naslediya_nachal_protivoavariynie_raboti_/1345222 (дата обращения 14.05.2017).

Таким образом, можем констатировать, что Д.С. Лихачёв считал культуру путешествий важным фактором культурного роста личности и неразрывно связывал вопросы культуры, туризма и воспитания в единое целое, где культура/культурное наследие является фундаментом, туризм – технологией, а воспитание – конечной целью в процессе развития гармоничной и патриотичной личности.

Высказанные академиком Д.С. Лихачёвым взгляды и рекомендации оказали свое позитивное влияние и на формирование туристской инфраструктуры, активно используются в учебном процессе в архитектурных и туристских вузах, принимаются во внимание разработчиками и проектировщиками социокультурных и туристских программ по обустройству и освоению туристских центров в исторических городах, что в конечном итоге способствует формированию благоприятной и комфортной туристской среды в создаваемых туристско-рекреационных кластерах и центрах, заметно меняет туристский облик страны в целом и существенно расширяет не только географию туризма, но и усиливает его социокультурное значение для наших сограждан и зарубежных гостей.

Литературы

1. Ганопольский В.И., Безносиков Е.Я., Булатов В.Г. Туризм и спортивное ориентирование. М.: Физкультура и спорт, 1987. – 163 с.
2. Лихачёв Д.С. Земля родная. Кн. для учащихся. М.: Просвещение. 1983. – 256 с., ил.
3. Биржаков М.Б., Иванова В.Е. Теория компаньона и туризм. Туристские фирмы. Вып. 14, 1997. С. 32–38.
4. Биржаков М.Б., Путрик Ю.С. Мотивация выбора туристского путешествия. Туристские фирмы. Вып. 13, 1997. С. 51–63.
5. Особенности китайского туриста. Новости АТОР. Новости АТОР [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/32291.html> (дата обращения 12.12.2016).
6. Постановление Правительства РФ от 18.07.2007 № 452 (ред. от 10.02.2017) «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» [Электрон. ресурс] // «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69931/ (дата обращения 17.02.2017).

7. Институт наследия [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.heritage-institute.ru> (дата обращения 14.05.2017).
8. ИА «Эхо Севера» [Электрон. ресурс] // Новости Архангельска. 06.09.2016. URL: http://arhangelsk.riav.ru/news/institut_naslediya_nachal_protivoavariynie_raboti_/1345222 (дата обращения 14.05.2017).

М.В. Рождественская,
Санкт-Петербург. Россия

О научной школе академика Д.С. Лихачёва
в изучении литературы Древней Руси

Аннотация: Автор статьи представляет и анализирует научную литературоведческую и филологическую школу, созданную академиком Д.С. Лихачёвым. В статье кратко представлена научная биография Д.С. Лихачёва. Автор кратко анализирует наиболее значимые научные произведения академика, связанные с древнерусской литературой. Автор статьи вспоминает деятельность Д.С. Лихачёва в Пушкинском Доме и его совместную научную работу с известными отечественными учёными.

Ключевые слова: научная школа, Д.С. Лихачёв, древнерусская литература, культура, история, летопись.

M.V. Rozhdstvenskaja,
Saint-Petersburg. Russia

About the scientific school
of academician D.S. Likhachev
in studying the literature of Ancient Rus

Abstract: The author presents and analyzes literary and philological scientific school by academician D.S. Likhachev. The article briefly presents the scientific biography of D.S. Likhachev. The author briefly discusses the most important scientific works of the academician associated with old Russian literature. The author recalls the activities of the D.S. Likhachev in the Pushkin house and his joint scientific work with well-known Russian scientists.

Key words: scientific school, D.S. Likhachev, old Russian literature, culture, history, chronicle.

Говоря об академике Дмитрие Сергеевиче Лихачёве в связи с его 110-летним юбилеем и особенно ввиду близкого двадцатилетия со дня его кончины (1999), важно напомнить, что же представляет собой созданная им научная школа изучения русской

средневековой литературы, каковы ее основные принципы и уроки. На мой взгляд, школа Д.С. Лихачёва наиболее четко отразилась в его работах в трех основных областях филологии. Это, во-первых, текстология средневековых литературных памятников, а во-вторых, это источниковедение древнерусской литературы, ведь любое произведение Средневековья представляет собой компилятивный труд, основанный на разных источниках, которые следует выявить и изучить. В третьих, это поэтика древнерусской литературы в общем историко-литературном контексте эпохи, ее художественное своеобразие, обусловленное христианским мировоззрением.

Не останавливаясь подробно на биографии ученого, которая всем известна, напомним, что принципы научной школы вырабатывались Д.С. Лихачёвым на тех основах, которые он получил в Петроградско-Ленинградском университете, обучаясь одновременно на двух отделениях – славяно-русском и романо-германском. В середине 1920-х гг. еще не была окончательно разгромлена академическая наука и существовал круг выдающихся филологов и историков, получивших образование в дореволюционное время. Д.С. Лихачёв всегда высоко чтит своих учителей – академиков В.Ф. Шишмарева, В.Н. Перетца, В.М. Жирмунского, Д.И. Абрамовича и др. Причем не только чтит, но и в собственной работе ученого опирался на петербургскую историко-филологическую традицию обращения к источнику, к конкретному тексту. Он вообще был традиционалистом, но традиционалистом, открытым новому, если видел в этом новом научный интерес. Так, в свое время он поддержал новаторские исследования структуры текста Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и некоторых представителей тартуско-московской школы, продолжил и развил на древнерусском материале идеи М.М. Бахтина о смеховой культуре Средневековья.

Когда Д.С. Лихачёв вернулся из Соловецкого лагеря, где, как мы знаем, в кругу заключенных он встретился с замечательными людьми и получил особый философско-мировоззренческий и духовный опыт, ему опять повезло в отношении учительства: работая в академическом издательстве «Наука» ученым корректором, Дмитрий Сергеевич готовил к изданию труды академика А.А. Шахматова о русском летописании, и это во многом определило его дальнейшую научную судьбу. Он учился у А.А. Шахматова основам текстологического анализа списков средневековых

летописей, стараясь увидеть за их разночтениями определенную тенденцию – идеологического, компилятивного или стилистического характера. Кандидатская диссертация Д.С. Лихачёва о новгородских летописях XII в., защищенная им в Ленинграде в июне 1941 г., положила начало дальнейшему изучению древнерусского летописного жанра, который он одним из первых открыл читателю как художественный текст. Результатом этого было научное критическое издание в 1950 г. древнейшего летописного памятника «Повесть временных лет» совместно с историком Б.А. Романовым в академической серии «Литературные памятники»²⁰³.

Одним из важнейших достижений Лихачева как исследователя средневековой славяно-русской литературы стала его монография 1962 г. о текстологии древнерусских памятников²⁰⁴. Творчески восприняв работы своих предшественников в этой области – Ш. Бедье, В.Н. Перетца, В.П. Адриановой-Перетц, А.А. Шахматова, рассматривавших текстологические вопросы на отдельных произведениях, Д.С. Лихачёв создал теоретический труд, легший в основу всех научных исследований средневековых рукописей. Так возникла текстологическая школа академика Д.С. Лихачёва. В предисловии ко второму изданию своего труда ученый писал, что текстология не должна оставаться вспомогательной исторической дисциплиной, к каковым часто ее относили, что невозможно отделить историю текста произведения от его историко-литературного анализа и осмысления. Так же и все остальные так называемые «вспомогательные дисциплины» – нумизматику, геральдику, палеографию, кодикологию, филиграноведение и т. д. – следует признать самостоятельными науками со своими задачами и методами. Он показал, что изучению любого произведения древнерусской литературы должен предшествовать тщательный сопоставительный пословный анализ всех возможных сохранившихся списков этого произведения, анализ, который восстанавливает этапы его истории. Тщательное сравнение одновременных списков памятника между собой, выявление разночтений и их характеристика, на основе которой можно говорить о вариантах текста или о его редакциях, помогает правильно

²⁰³ Повесть временных лет. Т.1–2. М.:Л., 1950 (Серия «Литературные памятники»).

²⁰⁴ Лихачёв Д.С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.:Л., 1962.

оценить роль данного сочинения в историко-культурном и эстетическом контексте эпохи.

Не менее важное положение, о котором не все помнят, было сделано Д.С. Лихачёвым по поводу издания древнерусских литературных текстов. Следует, писал он, учитывать адресата этого издания, а отсюда и применять особые правила передачи древнего текста. Напомню, что когда это писалось, светские типографии еще не использовали церковнославянские шрифты. Для массового читателя это будут правила более упрощенные, поскольку задачей такого издания является знакомство с не известными современному читателю произведениями Древней Руси. Для историков правила другие, для лингвистов потребуется более усложненный вариант издания и т. д. Поэтому звучащая иногда критика изданий древнерусской литературы для широкого читателя, основанных на этих положениях Лихачева, несостоятельна.

Если же говорить о том широком контексте, который непременно следует учитывать при изучении литературных текстов Древней Руси, то особое внимание уделял Д.С. Лихачёв связи литературы Древней Руси со средневековым искусством. Уже в книге «Человек в литературе Древней Руси»²⁰⁵ (первое издание 1958 г., во вполне еще атеистическое время), он показывает, например, связь древнерусских житий святых с их иконографией и гимнографией, с текстами служб святым, а древнерусское зодчество – с государственными заказами князей, с общими задачами феодальной жизни Руси определенной эпохи. Позднее Д.С. Лихачёв вместе со своей дочерью, известным искусствоведом-византологом В.Д. Лихачёвой выпустил специальную книгу на эту тему²⁰⁶.

Вместе с В.П. Адриановой-Перетц – крупным специалистом в области древнерусской литературы – Д.С. Лихачёв был инициатором включения в первые «древнерусские» тома академической «Истории русской литературы»²⁰⁷ глав о древнерусском искусстве соответствующей эпохи. Этот сопоставительный взгляд на

²⁰⁵ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Л., 1958.

²⁰⁶ Лихачёв Д.С., Лихачёва В.Д. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.

²⁰⁷ История русской литературы в 10 тт. Под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, Н.К. Гудзия. Т. 1. Литература XI – начала XIII века. М.:Л., 1941.

словесное и изобразительное искусство Древней Руси подвиг Д.С. Лихачёва на изучение изображения человека в средневековой книжности. Ученый не раз говорил и писал о том, что ему хотелось бы рассмотреть историю литературы не только в хронологическом аспекте как последовательную смену одних памятников другими, и даже не только как смену эпох и стилей (уместно вспомнить и подзаголовок его книги «Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили». Л., 1973. – *М.Р.*), но как историю какого-то одного сюжета, одного мотива, одного приема или одного жанра. В упомянутой книге «Человек в литературе Древней Руси» и было отчасти реализовано это желание. Автор рассматривает изображение человека древнерусскими книжниками в разные эпохи и в разных литературных жанрах: в летописи, в историческом повествовании, в житиях. В ряде других своих работ Д.С. Лихачёв попытался описать жанры древнерусской литературы как систему, связанную общими каноническими этикетными приемами, и то, как постепенно разрушаются эти приемы, как литература со временем из «душеполезного чтения» превращается в собственно литературу, в беллетристику. Д.С. Лихачёв стал инициатором, автором и главным редактором вышедшей в 1970 г. совместно с его сотрудниками по Пушкинскому Дому РАН монографии об истоках русской беллетристики²⁰⁸, в то время трудом новаторским и, на мой взгляд, не вполне оцененным. Написание этого коллективного труда предшествовали памятные мне оживленные дискуссии, инициируемые Лихачёвым и авторами отдельных разделов книги на филологическом факультете в ту пору Ленинградского государственного университета весной 1965 г.

Несомненно, особого рассмотрения с точки зрения научной школы заслуживают работы Д.С. Лихачёва по «Слову о полку Игореве» (это особая тема), но рамки данной статьи не позволяют сделать это. Напомню лишь, что одно из важных доказательств подлинности древнерусского памятника заключалось, в частности, в том, что Д.С. Лихачёв на широком материале из области древнерусского искусства и культуры в целом показал типологическую связь этого памятника с другими литературными текстами русского Средневековья. Одна из его книг, посвященных

²⁰⁸ Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Под ред. Я.С. Лурье. Л., 1970

«Слову», так и названа: «Слово о полку Игореве» и культура его времени»²⁰⁹. Культуру не только русского Средневековья, но и всех исторических периодов Д.С. Лихачёв воспринимал как единое целое, как естественную среду жизни человека.

За теоретическими положениями научных трудов Д.С. Лихачёва всегда стоят результаты конкретной работы с текстом, с учетом всех его разновидностей, если речь идет о средневековой литературе, и с учетом авторских черновиков и набросков, если – о литературе новой. Позднее, рассматривая явление, которое он назвал «принципом дополнительности» в изучении литературы, Д.С. Лихачёв заметил, что «рядом с естественным для науки выявлением однородных явлений и расчленением на них литературы, литературного процесса, необходим и «дополнительный» процесс восстановления целостности изучаемых явлений»²¹⁰. Иначе, писал он, происходит неизбежное упрощение истории литературы, если смотреть на нее с какой-либо одной точки зрения, несущественно – с марксистской, формалистской или структуралистской.

Средневековая литература тесно связана с историей общества, и потому всем работам ученого – будь то текстологический анализ памятника или его теоретическое литературоведческое осмысление, присущ историзм как один из главных принципов его научной школы. «Исторический подход во всех его видах, – отмечал Д.С. Лихачёв, – от истории текста, истории жизни, истории литературы и общей истории до истории самого вопроса – это нерв нашей науки, корни ее доказательности»²¹¹. Принципы научной школы Д.С. Лихачёва отражены и в его научно-просветительской деятельности, которую он считал очень важной для поднятия культуры человеческого знания, для культурного кругозора человека. Неслучайно он много лет входил в редколлегию научно-популярных изданий. Как организатор, главный редактор и один из авторов учебника по древнерусской литературе для высшей школы²¹² Д.С. Лихачёв сыграл также

²⁰⁹ Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

²¹⁰ Лихачёв Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1999. С. 42.

²¹¹ Лихачёв Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1981. С. 84.

²¹² История русской литературы X–XVII веков. Под ред. Д.С. Лихачёва. М., «Просвещение». 1980.

очень важную роль. Учебник и сейчас активно используется в подготовке вузовских студентов-филологов. В отличие от некоторых предшествующих учебников, он концептуален. Его разделы написаны сотрудниками отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома РАН, специалистами именно в тех областях древнерусской литературы, которым посвящены его главы. Следует учесть, что данный учебник писался тогда, когда уже вышли в свет и «Поэтика древнерусской литературы» Д.С. Лихачёва²¹³, и упомянутая коллективная монография «Истоки русской беллетристики». Всё это дало возможность студентам узнавать средневековую русскую литературу на широком теоретическом основании.

Для того чтобы древнерусская литература стала понятной и близкой современному читателю, нужно было показать и доказать ее художественную ценность – ценность особого рода, связанную с христианским восприятием окружающего мира. Нельзя сказать, чтобы с этой точки зрения древнерусские литературные тексты ранее совсем не изучались. Можно вспомнить имена таких классических исследователей, как Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, В.О. Ключевский, а в XX в. – А.С. Орлов, И.П. Еремин, В.П. Адрианова-Перетц, опубликовавшая в 1947 г. книгу «Очерки поэтического стиля Древней Руси»²¹⁴, высоко оцененную Д.С. Лихачёвым и не потерявшую научного значения до сих пор. В конце 1950-х и начале 1960-х гг. на страницах советских литературно-критических журналов «Вопросы литературы» и «Русская литература», а также в академическом издании «Труды отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома появился ряд статей В.П. Адриановой-Перетц, И.П. Еремина, Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова о так называемой «художественной специфике» и элементах «реалистичности» в древнерусской литературе, что как бы реабилитировало ее в глазах марксистского литературоведения. Текстологический принцип изучения древнерусских памятников, основу которого заложил в советской медиевистике именно Д.С. Лихачёв, позволил оценить работу древнерусских книжников – переписчиков и редакторов – также и с эстетической точки зрения.

²¹³ Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

²¹⁴ Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., Л., 1947.

Важно было понять, чем объясняется внешняя скупость и сильная внутренняя эмоциональность многих древнерусских памятников литературы, почему при всей удаленности от нас во времени они, подобно древнерусским иконам, фрескам и памятникам зодчества, оказывают на непредвзятого современного читателя и зрителя такое сильное эмоциональное воздействие? Что лежит в основе эстетики русского Средневековья? На эти вопросы и отвечала книга Д.С. Лихачёва «Поэтика древнерусской литературы». Д.С. Лихачёв показал, что древнерусская литература – вовсе не древняя, а молодая, а именно в XI в. она только формируется, что древнерусский писатель – не совсем писатель, поскольку он одновременно и переписчик, и редактор, позволяющий себе вмешиваться в написанный текст, заимствовать из другого текста готовые цитаты и фрагменты. Древнерусский писатель не позиционирует себя как творца своего текста, ведь Творец один, а главная книга – Священное Писание – уже написана. Автор статьи о Д.С. Лихачёве на сайте отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома РАН²¹⁵ Н.В. Поньрко отметила, что в книге Лихачёва о поэтике древнерусской литературы содержатся «три кита», три главных положения, разработанные ученым: это теория жанров средневековой литературы, теория литературного этикета и теория художественного времени. «Древнерусскую литературу, – писал Д.С. Лихачёв, – можно представить как литературу одного сюжета и одной темы. Тема эта – смысл человеческой жизни, а сюжет – вся мировая история»²¹⁶. Поэтому к изучению средневекового произведения следует подходить с эстетических представлений не современного, а средневекового времени, с позиции христианского восприятия мира. Д.С. Лихачёв ввел в научный оборот понятия «трансплантации» по отношению к восприятию и усвоению византийской книжности в Древней Руси, понятия «литературного этикета», «абстрагирования», «ансамблевости» в древнерусской литературе, когда каждое произведение является не отдельным текстом, пусть со своей сюжетной и поучитель-

²¹⁵ Портал Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 14.05.2017).

²¹⁶ *Лихачёв Д.С.* Первые семьсот лет русской литературы // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). «Библиотека всемирной литературы». Серия первая. Т. 15. М., 1969.

ной линией, но как часть чего-то целого – летописного свода или агиографического цикла. Он рассмотрел особенности временных и пространственных категорий в памятниках русской средневековой литературы. Занятия литературой Древней Руси в разных аспектах позволили Д.С. Лихачёву по-новому взглянуть и на литературу Нового времени. Знакомая классическая русская литература предстала в новом ракурсе. Таковы статьи Лихачёва о Толстом, Лескове, Достоевском, о стихотворениях Блока. Изучение древности дает широту, то самое «панорамное зрение», которое увидел и описал Д.С. Лихачёв у древнерусских авторов.

Научная школа Д.С. Лихачёва заключается не только в его собственных работах, она успешно продолжается в работах его учеников, многие из которых имеют своих учеников. Иначе она не была бы школой. Регулярно проводятся международные научные Лихачёвские чтения, в сентябре 2016 г., года 110-летия со дня рождения ученого, в Ясной Поляне состоялись юбилейные пятые чтения, в которых приняли участие не только ученые, но и литераторы; начиная с 1934 г., продолжают издаваться Труды отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, в течение многих десятилетий редактировавшиеся Д.С. Лихачёвым и ставшие одним из самых, если не самым компетентным международным изданием по древнерусской литературе, истории и книжности. Отдел пополняется аспирантами и молодыми сотрудниками. Какими бы темами они ни занимались, а сейчас основные направления научной работы отдела – это русская агиография и долгие годы серьезно не изучавшаяся гимнография как неотъемлемая часть древнерусской книжности, все статьи и научные доклады сотрудников и аспирантов связаны с вопросами текстологии, источниковедческими проблемами и вопросами поэтики, художественной структуры текста.

Научная школа Д.С. Лихачёва всегда заключалась и в широте его собственных научных связей, в стремлении сотрудничать в области своей науки со многими иностранными учеными, приглашая их в отдел древнерусской литературы с докладами, публикуя их статьи, в желании привлечь начинающих молодых исследователей, особенно из провинции, в поддержке местных краеведческих музеев и библиотек. Он всегда стремился показать, что наука о литературе и культуре Древней Руси – это наука о современности, потому что, по его собственному выражению, «без прошлого нет будущего».

Научная школа академика Д.С. Лихачёва – и в утрачивающейся, к сожалению, сегодня научной этике, в культуре ведения письменной и устной научной полемики, в искусстве научного спора с оппонентом, в доброжелательном отношении к не очень еще опытным молодым ученым. Говорят, стиль – это человек. Д.С. Лихачёв был человеком и ученым самого высокого стиля, не зависящего ни от моды, ни от какой бы то ни было конъюнктуры. И поэтому, занимаясь всю научную жизнь древностью, он остается и останется в будущем нашим современником.

Н.Ф. Хилько,
Омск. Россия

Роль научного наследия академика Д.С. Лихачёва
в формировании информационно-ценностного подхода
к изучению визуальных образов
городских культурных ландшафтов

Аннотация: В статье идет речь о формировании информационно-ценностного подхода к изучению визуальных образов города. Описывается важная роль ландшафтогенеза и ландшафтообразующих факторов. Данный подход согласуется с другими аспектами историко-культурного наследия в контексте духовного начала деятельности сообразно учению Д.С. Лихачёва.

Ключевые слова: визуальные образы, культурный ландшафт, историко-культурное наследие, городская культура, экология культуры, медиаландшафт, ноосфера, культурно-экологический подход, духовное начало, ландшафтогенез, ландшафтообразующие факторы.

N.F. Hilko,
Omsk. Russia

Role of scientific heritage of D. S. Likhachev
in formation of information and valuable approach
to studying of visual images of city cultural landscapes

Abstract: In article there is a speech about formation of information and valuable approach to studying of visual images of the city. The important role of a landshafto-genez and landshafto-forming factors is described. This approach will be coordinated with another aspects of historical and cultural heritage in the context of the spiritual beginning of activity in compliance with D. S. Likhachev's doctrine.

Keywords: visual images, cultural landscape, historical and cultural heritage, city culture, culture ecology, media landscape, noosphere, cultural and ecological approach, the spiritual beginning, landshafto-genez, the landscape forming factors.

В своих трудах академик Д.С. Лихачёв обращал внимание на нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей *культурной среды*, имеющей многочисленные связи. Отсюда мы видим, как происходит нарастание культурных слоев в культурной среде. Однако есть и обратное движение в этом процессе, когда происходит, по мысли Д.С. Лихачёва, прогрессирующее истощение запаса культурной среды, памятников культуры. Данная мысль явилась основополагающей в формировании особого отношения к культурному и природному наследию. Вот здесь и находится та эфемерная нравственно-духовная оболочка Земли, определяющая развитие других сфер. Эта идея близка к представлениям В.И. Вернадского о ноосфере, в которой человеческая деятельность носит ландшафтно-формирующий характер. В связи с этим становится понятным роль *экологии культуры* в концепции сохранения окружающей природной и культурной среды. И эта мысль впервые была высказана Д.С. Лихачёвым. Очевидно, что новые подходы к сохранению наследия базируются на трех концепциях: ноосферы, экологии культуры и культурного ландшафта²¹⁷.

Огромный вклад в сознание роли культуры в формировании окружающей среды внёс Д.С. Лихачёв, который уделял особое внимание духовному началу в формировании окружающей среды и её культурной составляющей. «Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его нравственной самодисциплины и социальности»²¹⁸.

Методологической базой сохранения наследия служат две взаимосвязанных между собой концепции – ноосферная и экологии культуры. В разработке этих концепций определяющую роль сыграли замечательные русские учёные В.И. Вернадский и Д.С. Лихачёв. Место Вернадского в современной науке об окружающей среде общеизвестно и не требует особых подтверждений. Принципиальное обновление основных подходов к культурному наследию обнаружило следующие его *аспекты*: генетический (в русле историко-культурной памяти), экологический (устой-

²¹⁷ Лихачёв Д.С. Экология культуры // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». М.: Институт наследия, 2000. С. 11–24.

²¹⁸ Там же. С. 11.

чивое развитие общества и биосферы) и географический (через культурно-природное многообразие).

В любом из этих подходов к наследию нам представляется особая категория, лежащая в основе формирования самобытного, устойчивого пространства, – «культурный ландшафт». Новый подход к понятию «культурный ландшафт» предложил Ю.А. Веденин, который видел в нем «целостную территориально-локализованную совокупность тел и явлений, сформовавшихся при взаимодействии природы и человека. При этом результаты такого рода деятельности воплощаются в объектах материальной и духовной культуры как часть культурного ландшафта»²¹⁹.

Здесь нужно дать понять, что в данном случае культурный ландшафт понимается не только как феномен, но и в отраженном виде, то есть как *ноумен* – предмет интеллектуального созерцания. В связи с данной идеей нужно иметь в виду, что искусство является важным ландшафтообразующим фактором, выполняя различные функции в процессе ландшафтогенеза. Один из них формирует отношения к природному или антропогенному ландшафту (литература, живопись, фотоискусство, музыка), другие – непосредственно связаны с его преобразованием и развитием (градостроительство, архитектура, дизайн)²²⁰.

Город являет собой, по мнению Т.О. Размустовой, «рельефное проявление культуротворческой деятельности человека, воплощаемой в различных органически связанных вариантах и формах»²²¹. Город представляет собой изначально существующую целостность культурного ландшафта, все элементы которого функционируют в системе, взаимосвязи и взаимовлияния. Такой подход обуславливает необходимость комплексного метода восприятия города: город как «культурно-исторический организм» (И.М. Гревс, П.П. Анциферов), «центр культурного притяжения и лучеиспускания»²²².

²¹⁹ Веденин Ю.А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. 1998. № 1. С. 49.

²²⁰ Там же.

²²¹ Размустова Т.О. Город как историко-культурный феномен // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия: Сб. статей. М.: Институт наследия, 1995. С. 75–76.

²²² Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1991. № 1. С. 75–76.

Одухотворение города в контексте информационно-ценностного подхода согласуется, с одной стороны, с идеей И.М. Гревса о «городе как особом ключе для выяснения сущности культуры данной нации, страны или союза стран и народов»²²³. Однако истоки души города он явно видел в другом: в исторически сложившемся единстве всех трех элементов, определяющих конкретную индивидуальность. При этом познание города ассоциативно, индивидуально и подчинено коллективному бессознательному²²⁴. В то же самое время культурный ландшафт включает в себя как невидимые, так и визуальные элементы. Пейзажный ландшафт – это только одна проекция на территорию, в его телесной оболочке существует некоторое духовное наполнение, которое раскрывается по мере постижения его культурно-исторических свойств²²⁵.

Отсюда становится ясным, почему культурный ландшафт имеет *информационную компоненту* как своеобразную базу данных о местной культуре в контексте материальной и духовной. Творческое проявление человеческого духа в данной местности. Кроме того, важно отметить, что между пассионариями (Л.Н. Гумилев) и культурным наследием существует двусторонняя связь: как пассионарии видоизменяют культурный ландшафт, так и последний изменяет пассионариев. Этот подход предполагает понимание культурного ландшафта как явления, в формировании которого значительную роль играют передаваемые в виде информации от поколения к поколению духовные и интеллектуальные *ценности*, которые в свою очередь испытывают на себе влияние материальных компонентов ландшафта.

В основе разработки концепции «культурного ландшафта» представителями *информационно-аксиологического подхода* лежит «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» и «Руководящие указания ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии» (1992), согласно которым культурный ландшафт является объектом историко-культурного наследия. Следует сказать, что именно этот подход к

²²³ Гревс И.М. Развитие культуры в краеведческом исследовании / Глава из неопубликованной книги // Анциферовские чтения. М., 1989. С. 56.

²²⁴ Туровский Ю.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт наследия. 1998. С. 45.

²²⁵ Там же. С. 25.

проблемам сохранения культурных ландшафтов разрабатывается в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (работы Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туровского, М.Е. Кулешовой)²²⁶. Этот подход знаменует собой равновесие между природно-географической и культурологической парадигмами.

Здесь Д.С. Лихачёв близок к идеям В.И. Вернадского о ноосфере, в которой определяющей силой процесса формирования культурных ландшафтов становятся мысль и труд. Нельзя не согласиться с тем, что «в живом веществе создается новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете небывалая, которая нам кажется беспредельной и, возможно, в будущем выходящей за пределы планеты»²²⁷. В современных условиях идеализированный характер среды обитания человека выходит далеко за пределы его естественной ограниченности и находит свое выражение в виртуальной среде, в формировании своеобразного медиаландшафта. При этом нельзя забывать и о том, что «остатки культурного прошлого», которые оцениваются современным поколением по-разному – как прогрессивное или регрессивное наследие, или пережитки (нажитки) через культурный ландшафт, культурную среду – имеют немалое нравственное значение и оказывают большое «влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях»²²⁸.

Таким образом, *информационно-аксиологический подход* (Институт культурного и природного наследия – Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Р.Ф. Туровский) заключается в исследовании культурного ландшафта как совместного произведения человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности. В основе этого подхода, как справедливо считает Ю.А. Веденин, лежит «представление о наследии как фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобыт-

²²⁶ Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия Академии наук. Сер. геогр., № 3. 1992. С. 90–99.

²²⁷ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 165.

²²⁸ Лихачёв Д.С. Экология культуры. С. 11

ного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства»²²⁹.

Здесь явственно перед нами встают две точки зрения на сохранение культурных ценностей: одной, связанной с преемственностью общественного сознания и историческими корнями отношений к современности, и другой, которая определяется теснейшей связью культуры с окружающей средой, взаимодействием памятников культуры с последней, взаимосвязью природы и общества. Поэтому становится ясным, что условием существования культуры является «не только сохранение культурных ценностей, культурных традиций, воспитание культуры» (личности – *Н.Х.*), без чего не может существовать человек, но и сохранение благополучия нравственной, духовной жизни человека²³⁰. Эти идеи подсказывают ориентиры культурно-экологической деятельности в современных условиях в самых различных аспектах охраны культурного наследия: создание преемственных звеньев консервации наследия, пропаганды здоровых идей и просветительства; поиск происхождения тех или иных явлений культуры, культурных объектов, представляющих большую культурно-историческую ценность для современности.

Включенность в ансамбль, гармония или рассогласованность, диссонанс культурных объектов, памятников истории и культуры приводит к разным формам *интеграции/дезинтеграции историко-культурного ландшафта* и современных строений, что позволяет или не позволяет им комфортно сосуществовать и передавать атмосферу старины. Формы визуального взаимодействия памятников культуры со средой могут самые разнообразные: столкновение, сопряжение, интеграция, слияние в подобии и т. д. Протест против однообразия и безликости должен неуклонно наводить на мысль, что гармония в архитектуре – в многообразии определенного целостного ансамбля, так как «архитектурная

²²⁹ Веденин Ю.А. Формирование нового культурно-экологического подхода к сохранению наследия // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». М.: Институт наследия, 2000. С. 29.

²³⁰ «Пути, оставленные нам». Интервью с С.О. Шмидтом // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». М.: Институт наследия, 2000. С. 5–6.

среда – не пассивный фон, а действенное средство формирования личности»²³¹.

Учитывая то, что культурный ландшафт – природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, нужно иметь в виду, что он всегда находится в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности. Изучение визуальных образов городских культурных ландшафтов может рассматриваться как *комфортная среда города*, сохранение равновесия в которой достигается благодаря экологическому фактору. Различные аспекты визуального восприятия окружающей среды делят последнюю на гомогенную, агрессивную и гетерогенную, естественную и благоприятную для развития. При этом оказывается, что важнейшим фактором в данном процессе является человеческий. Соответственно, характер среды влияет на социальное самочувствие и поведение человека, и в конечном счете – потребность в красоте. На этой методологической основе формируется здоровая визуальная среда²³².

Комфортность городской среды граничит с такими характеристиками, как уют, благоустройство, внешний облик, красота, благоустроенность, эстетичный вид. Для создания эстетики проживания необходимы качественные архитектурные решения. С этой целью проводятся конкурсы на лучшие проекты. В проектных решениях предусматривается благоустройство территории, ландшафтный дизайн, озеленение, малые архитектурные формы, организация и обустройство дворовой территории, организация освещения, ограждения и т. д. Следует помнить, что индивидуальный облик жилых домов формирует лицо города. Современные градостроители должны стремиться придать своеобразие квартальной застройке и даже зданиям типовых серий.

Среди всех искусств фотографии принадлежит важнейшая консервирующая и музеефицирующая роль в осуществлении

²³¹ Щербаченко М.Л. Что может зодчий? М., 1991. С. 25.

²³² Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия [Электрон. ресурс]. URL : www.heritage.UNESCO.ru (дата обращения: 15.10.2016).

информационно-ценностного подхода к культурному наследию. Актуализация исчезающих, частично или полностью исчезнувших культурных объектов символизирует память о людях, чьи имена имеют существенное значение в истории культуры. Особую роль здесь играют порттеры в памятных коллекциях, фотолетописи, фоторепортажи и другие фотодокументы. Они являются образными свидетельствами мест, за которыми стоят события, люди и явления, имена и сообщества, определяющие качественный характер культурного ландшафта той или иной эпохи.

Литература

1. «Пути, оставленные нам». Интервью с С.О. Шмидтом // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». М.: Институт наследия, 2000. – 216 с.
2. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты как категория наследия [Электрон. ресурс]. URL: www.heritage.UNESCO.ru (дата обращения: 15.10.2016).
3. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М.* Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия Академии наук. Сер. геогр., № 3. 1992. С. 90–99.
4. *Веденин Ю.А.* Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР / Серия географическая. 1998. № 1. С. 49.
5. *Веденин Ю.А.* Формирование нового культурно-экологического подхода к сохранению наследия // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». М.: Институт наследия, 2000. – 216 с.
6. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. – 265 с.
7. *Гревс И.М.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1991, № 1. С. 75–76.
8. *Гревс И.М.* Развитие культуры в краеведческом исследовании. Глава из неопубликованной книги // Анциферовские чтения. М., 1989. – 234 с.
9. *Лихачёв Д.С.* Экология культуры // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». М.: Институт наследия, 2000. – 216 с.
10. *Размустова Т.О.* Город как историко-культурный феномен // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия: Сб. статей. М.: Институт наследия, 1995. – 189 с.
11. *Туровский Ю.Ф.* Культурные ландшафты России. М.: Институт наследия. 1998. – 234 с.
12. *Щербаченко М.Л.* Что может зодчий? М., 1991. – 104 с.

Т.Ю. Юренева,
Москва. Россия

«Память преодолевает время»:
военно-историческое наследие России
в культурном пространстве Болгарии

Аннотация: Автор статьи анализирует идеи Д.С. Лихачёва, связанные с исторической памятью народов, с полями сражений и героических битв. Автор считает, что большой интерес представляет российское военно-историческое наследие в зарубежных странах, в частности в Болгарии. В статье представлена краткая история мемориализация мест сражений русской армии против османских войск в ходе войн за освобождение Болгарии в XIX в. Представлена история создания музеев, посвящённых победе русской армии в Болгарии в ходе Русско-турецких войн.

Ключевые слова: военно-историческое наследие, историческая память, культурное наследие, музеи, поля сражений, Болгария, Россия.

T.Y. Yureneva,
Moscow. Russia

“Memory transcends time”:
Military-historical heritage of Russia
in the cultural space of Bulgaria

Abstract: The author analyzes the ideas of Dmitry Likhachev associated with the historical memory of the people related to the fields of battles and heroic battles. The author believes that the great interest of the Russian military-historical heritage in foreign countries, particularly in Bulgaria. The article presents a brief history of the memorialization of places of battles of the Russian army against the Ottoman troops during the wars for the liberation of Bulgaria in the XIX century. The history of museums dedicated to the victory of the Russian army in Bulgaria during the Russo-Turkish wars.

Key words: military-historical heritage, historical memory, cultural heritage, museums, battlefields, Bulgaria, Russia.

В обширном и многогранном творческом наследии Д.С. Лихачёва важное место занимает проблема исторической памяти как способа существования культуры. «Именно память помогает человечеству преодолевать время, она накапливает то, что называется культурой, – писал ученый. – Беспамятство – разрушительно, память – созидательна»²³³. Подобно тому, как личная память человека формирует его совесть, отношение к своим предкам и близким, с которыми его связывают общие воспоминания, «историческая память народа, – считал Д.С. Лихачёв, – формирует нравственный климат, в котором живёт народ»²³⁴.

Именно с точки зрения этого нравственного значения памяти, с позиции экологии культуры рассматривал ученый великие события в истории России, в том числе страницы ее воинской славы – Куликовскую битву и Бородинское сражение. С горечью он писал о варварских разрушениях памятников военной истории и могил легендарных воинов, о забвении мемориальных мест, в результате чего культура лишается преемственности, а человеческая личность – духовных корней и нравственной почвы²³⁵. Поэтому Д.С. Лихачёв настойчиво повторял, что «хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – наше богатство»²³⁶.

В силу ряда причин внушительный массив отечественного культурного наследия находится за пределами России и во всей своей полноте не изучен. В последние годы появилось понимание того, что эту часть наследия нужно выявлять и актуализировать, то есть повышать его социокультурную роль, включать в канву современности путем активного использования в культурно-образовательной деятельности. В этой связи немалый интерес представляет российское военно-историческое наследие в зарубежных странах, в частности в Болгарии. Наследие это связано с героическими страницами истории двух стран – войной 1877–1878 гг., которую российская историография называет Русско-

²³³ Лихачёв Д.С. Память преодолевает время // Наше наследие. 2013, № 108. С. 4.

²³⁴ Лихачёв Д.С. Преодоление времени: важные мысли и письма. Москва: Издательство АСТ, 2016. С. 102.

²³⁵ Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 332–333.

²³⁶ Лихачёв Д.С. Преодоление времени: важные мысли и письма. С. 103.

турецкой, а болгарская — Освободительной, ведь по ее итогам Болгария избавилась от пятивекового османского владычества и вновь обрела государственность, утраченную в конце XIV в.

Как известно, война закончилась победой русского оружия, но цена победы была высока: по разным источникам потери русской армии составили от 82 тыс. до 250 тыс. убитыми и ранеными²³⁷. Уже давно нет в живых участников и очевидцев военных событий, но память о них отражена в праздниках и ритуалах, заключена в музейных реликвиях, отлита в бронзе и высечена в камне. Столетний итог мемориализации этой войны – свыше 440 памятников: архитектурно-скульптурные мемориалы, надгробия на братских могилах, обелиски, каменные кресты, храмы и мавзолеи, мемориальные парки, а также мемориальные музеи²³⁸.

Изучение истории формирования этого наследия, его сохранения, интерпретации и актуализации представляет несомненный интерес для проблематики культурной памяти, поскольку позволяет рассмотреть не только отдельные сюжеты, но и вносит свой вклад в изучение более общего теоретического вопроса: как создаются социальные представления о прошлом и формируются национальные символы. Анализ этот особенно интересен в контексте болгаро-российских взаимоотношений, которые сложились совсем не так, как они виделись славянофилам, героям Плевны и защитникам Шипки: в обеих мировых войнах Болгария и Россия находились в противостоящих и воюющих друг с другом военных союзах.

Мемориализация Русско-турецкой войны началась при Временном русском управлении, которое существовало, согласно Сан-Стефанскому мирному договору, до мая 1879 г. и занималось созданием основ самостоятельного болгарского национального государства. Первые памятники в честь победы и в память павших воздвигали преимущественно русские воинские части на местах самых ожесточенных боев: в Свиштове, Старой Загоре, Шипке,

²³⁷ Потатуров В.А. Итоги и последствия Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Году России в Болгарии посвящается: 130-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии. Сб. статей. / Под ред. Потатурова В.А., Кемница В.Э. М., 2008. С. 9.

²³⁸ Райчевски Стоян. Памятники признательности за освобождение Болгарии. София: Болгарский бестселлер: Нац. музей болг. кн. и полиграфии. 2007. С. 6–7.

Плевене, в окрестностях Софии, Пловдиве и др. Они представляли собой главным образом обелиски из гранита, мрамора или известняка — четырёхстенные пирамиды с усечённым верхом, которые в России традиционно устанавливались в ознаменование крупных военных побед. Образцом памятников этого периода может служить так называемый Русский памятник в центре Софии, сооружённый в 1882 г. на средства русского народа.

Уже на первых заседаниях болгарского Учредительного собрания в начале 1879 г. рассматривался вопрос о строительстве памятников, храмов и мемориалов в знак благодарности России за освобождение Болгарии; в дальнейшем эти памятники получили собирательное название «памятники признательности». Многие из них возводились на средства, собиравшиеся по подписке болгарским народом. С 1899 г. эту работу координировал Комитет царя-освободителя Александра II, созданный по инициативе выдающегося болгарского просветителя и видного деятеля национально-освободительного движения Стояна Заимова. Самые известные среди возведённых на рубеже веков мемориальных объектов — памятник Царю-освободителю Александру II в Софии (1901–1903) и храм-памятник святого князя Александра Невского в Софии (1904–1912).

Особый интерес представляет проект создания мемориальных музеев, в реализации которого активное участие приняла Россия. Согласно решению Учредительного собрания, болгарское правительство выкупило у собственников дом, где император Александр II провел более 24 часов, а также другие постройки на прилегающей территории, чтобы в ходе музеефикации разбить вокруг мемориальных объектов прекрасные парки с экспозициями под открытым небом. Из софийских и варненских питомников для этой цели были доставлены тысячи растений — деревьев, кустарников и цветов.

По просьбе болгарской стороны Военное министерство Российской империи подарило создающимся музеям оружие, реликвии и трофеи, которые на трех пароходах были доставлены из Одессы в Варну в конце 1903 г. Отбирая материалы для будущей экспозиции, Военное министерство стремилось представить все рода войск. Несколько десятков манекенов с индивидуализированными чертами лица, вооружённые различными типами холодного и огнестрельного оружия, демонстрировали обмундирование, снаряжение и вооружение русской армии. По распоряжению

императора Николая II русские дипломаты передали болгарской стороне некоторые личные вещи Александра II: походную форму лейб-гвардии Гусарского полка, венгерку, чикчиры, фуражку, кепи и др. Сыновья великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего русской армией, великие князья Николай Николаевич (младший) и Петр Николаевич, отдали музеям пятьдесят предметов, среди которых были мундир главнокомандующего, его папаха, две сабли, походный комплект инженерных инструментов, папка и конверты для писем, походный стол и кровать, утварь из походной церкви, пять икон. Румынское Военное министерство тоже подарило музеям оригинальные материалы, в том числе личные вещи короля Кароля I, командовавшего осадной армией²³⁹.

В конце августа – начале сентября 1907 г. состоялось открытие памятника Царю-освободителю Александру II в Софии и мемориальных музеев в Плевене, Пордиме, Бяле и Горной Студене. В торжествах приняли участие болгарский царь Фердинанд I с сыновьями Борисом и Кириллом, а также большие делегации из России и Румынии, в частности сын императора Александра II великий князь Владимир Александрович с супругой Марией Павловной и сыном Андреем, генералы А.В. Каульбарс, П.В. Паренсов, Н.Г. Столетов и др.

Центром процесса мемориализации стал Плевен (русс. Плевна), за овладение которым с 8 (20) июля по 28 ноября (10 декабря) 1877 г. велись упорные бои: после трех кровопролитных штурмов началась трехмесячная блокада города русско-румынскими войсками, а после безуспешной попытки ее прорыва 43-тысячный гарнизон турецкого маршала Османа-паши вынужден был капитулировать. Дом местного жителя, где состоялась историческая встреча победителей с плененным Османом-пашой и где российский император принимал депутации болгар, выражавших ему благодарность и поздравления со взятием Плевена, был превращен в Дом-музей имени царя-освободителя Александра II. Образный строй мемориальных комнат воссоздавали личные вещи императора, при этом главным экспонатом стала форма лейб-гвардии Гусарского полка из темно-синего сукна с каракулевой оторочкой, которая была на монархе в тот достопамятный

²³⁹ Дичева Тамара. Военные формы периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в коллекции военно-исторических музеев Плевена. Плевен: Военно-исторически музеи, 2011. С. 29, 31–32.

день. Мемориальную обстановку, реконструированную с помощью подлинных предметов быта, дополняли портреты, а также фотографии времен войны, подаренные императором Николаем II и запечатлевшие будни царя-освободителя во время его пребывания в городе Бяле и в селах Горна Студена и Пордим. Залы верхнего этажа музея знакомили посетителей с вооружением и снаряжением русской армии, а экспозиция артиллерийских орудий и военных снарядов в окружающем музей парке включала мемориальные образцы²⁴⁰.

Неподалеку был воздвигнут мавзолей-часовня во имя святого Георгия Победоносца, ставший местом последнего упокоения многих тысяч русских и румынских воинов, павших в битве за Плевен. На месте кровопролитных боев разбили мемориальный парк, названный Скобелевским, – в честь генерала М.Д. Скобелева, чей талант полководца во многом предопределил исход войны. Здесь воссоздали турецкие оборонительные укрепления, взятые штурмом скобелевскими отрядами, на каменные пьедесталы и земляные насыпи установили боевые орудия, в отдельных захоронениях и братских могилах покоились останки воинов и ополченцев.

Два мемориальных музея были созданы под Плевеном – в Пордимае, где во время войны в скромных деревенских хижинах жили первые лица России и Румынии, проходили заседания военного совета с участием известных государственных деятелей и военачальников. В память о главнокомандующем русской армией один из музеефицированных объектов был превращен в Дом-музей великого князя Николая Николаевича. Память об участии в войне румынской армии Комитет царя-освободителя увековечил созданием Дома-музея имени короля Кароля I.

Важным стратегическим объектом был в военные годы город Бяла, где в одном из домов жил цесаревич Александр III, командовавший Руцукским (Восточным) отрядом, размещалась Главная квартира русской армии, затем – военный госпиталь Российского Красного креста. В ознаменование участия в войне наследника российского престола музей получил название Музей имени императора Александра III. Объектом музеефикации стал

²⁴⁰ *Стоян Диярбекирский*. Юбилейный путеводитель по священным местам-памятникам, воздвигнутым признательным болгарским народом. София, 1907. С. 38–41.

и один из домов в селе Горна Студена, где находилась Главная квартира русской армии, останавливались российский монарх и крупные государственные деятели. В честь третьего сына царя-освободителя он получил название Музей великого князя Владимира Александровича.

Говоря об идейной составляющей этого грандиозного музейного проекта, С. Заимов подчеркивал, что его реализация – «священный долг перед памятью погибших», «великая радость» и «настоящая гордость», «во-первых, для всех болгар, во-вторых, – для всех русских, и в-третьих, – для всего славянства»²⁴¹. Будучи неотъемлемой частью исторической памяти воевавших народов, Освободительной войной заняла особое место в коллективной памяти Болгарии, поскольку была важнейшей вехой ее истории. Воздвигнутые болгарским народом памятники признательности стали «местами памяти», объединяющими болгарскую нацию, что во многом обусловило бережное к ним отношение вопреки перипетиям государственной политики памяти.

Так, например, в Первую мировую войну, когда Болгария и Россия находились в противостоящих друг другу военных союзах, болгарское правительство переименовало софийский храм св. Александра Невского в храм св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. В мотивировочной части постановления Совета министров Болгарии от 19 октября 1915 г. указывалось, что «Александр Невский провозглашен и признан святым только русской церковью и имеет заслуги только перед русским государством и русским народом, тогда как <...> святые Кирилл и Мефодий признаны как восточно-православной, так и западной, римской католической церковью». В Народном собрании разгорелись острые дебаты; противники переименования убеждали: «Нельзя с легкой руки посягать на дела, которые имеют свое прошлое и свою историю», «тот, кто воюет с историей, терпит поражение», «памятник, что напротив Народного собрания, и память о царе Александре Освободителе, которая витает между нами сегодня, будут свидетельствовать вечно, что этот парламент стоит на костях и крови

²⁴¹ Цит по: *Аспарухов М.* Русско-турецкая война 1877/78 г. Плевенская эпопея 1877 г. и ее мемориализация // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее: материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы». Тула: ИПП «Гриф и К», 2002. С. 126.

200 тысяч русских сынов и не меньше сынов болгарских»²⁴². Но правительству, имевшему большинство в парламенте, 2 марта 1916 г. удалось добиться поддержки Народным собранием постановления о переименования храма. Однако 8 декабря 1921 г. новое правительство Александра Стамболийского отменило это постановление и по настоянию Болгарской православной церкви вернуло храму прежнее имя.

Вместе с тем изменившиеся ценностные ориентации правящих кругов Болгарии мало сказались на деятельности военно-исторических музеев. В разработанных в 1921 г. правилах, регламентировавших должностные обязанности работников, указывалось, что «дома-музеи и памятники служат национально-патриотическому воспитанию поколений, поэтому директор и все другие сотрудники должны предоставлять информацию и создавать возможности для осмотра». В середине 1930-х – начале 1940-х гг., когда музеи вновь оказались ведении Военного министерства, а болгаро-советские связи переживали далеко не лучшие времена, эту установку отчасти пересмотрели: сотрудникам запретили давать информацию об экспонируемых предметах, т. е. им запретили заниматься интерпретацией наследия, но при этом сами музейные экспозиции никаких изменений не претерпели. Сократилось лишь количество дней, открытых для посещения; руководителями музеев стали назначать только офицеров, а хранителями и экскурсоводами работали отставные вахмистры²⁴³.

В этой связи хотелось бы отметить такой факт. В феврале 1944 г. из-за нехватки в стране металла поступило предложение отправить часть орудий из Скобелевского парка и других военно-исторических музеев на переплавку для военных нужд. Однако комиссия, созданная для решения этой проблемы, отказалась санкционировать подобные действия и запретила посягать на реликвии Освободительной войны²⁴⁴. Более того, вынужденные считаться с общественным мнением власти даже выделили средства на строительство павильона для хранения девяти орудий,

²⁴² Цит по: *Райчевски С.* Указ. соч. С. 41–42.

²⁴³ *Недков Симеон.* История на музейното дело в България. София: Агенция ЕВРОПРЕС, 2006. С. 218, 220.

²⁴⁴ *Бошнаков Н.Г.* Военно-историческите музеи – символ на вековната българо-съветска и българо-румънска дружба. Плевен: [б.и.], 1964. С. 6.

которые экспонировались под открытым небом и могли пострадать от атмосферного воздействия²⁴⁵.

Кардинальные изменения в деятельности военно-исторических домов-музеев и репрезентации ими Русско-турецкой войны начались после упразднения монархии в сентябре 1946 г., провозглашения Болгарии народной республикой и установления властной монополии коммунистов. В Болгарии стал оформляться политический режим советского типа и создаваться советская модель общественного развития, где музей – это прежде всего политический инструмент, с помощью которого власть может транслировать нужный ей образ прошлого и воспитывать «нового советского человека».

Музейная сфера Болгарии стала объектом жесткого идеологического воздействия. В частности, в 1952 г. было принято решение переименовать дома-музеи «сообразно новым историческим представлениям» и к 80-летию Освободительной войны развернуть в них новые экспозиции, которые бы «не возвеличивали царскую династию и ее ставленников», а «на основе марксизма-ленинизма правильно» показывали «роль личности и народных масс в событиях»²⁴⁶. Из названий музеев убрали все имена, эпитеты, титулы и почетные обращения, связанные с русской и румынской царскими фамилиями и православной церковью. Дом-музей «Царь-Освободитель Александр II» переименовали в музей «Освобождение Плевена – 1877», «Дом-музей имени короля Кароля I» превратился в музей «Румынский воин 1877–1878 г.», дом-музей «Великий князь Николай Николаевич» стал музеем «Главная квартира русской армии 1877–1878 г.», часовня-мавзолей «Святой Георгий Победоносец» – Мавзолеем погибших русских и румынских воинов и др.²⁴⁷

Вместо мемориальных экспозиций в музеях появились тематические, построенные по хронологическому принципу и включавшие наряду с подлинными предметами фотокопии, схемы, диаграммы, пояснительные тексты и цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма, иллюстрирующие определенное концептуальное положение. Реликвии, связанные

²⁴⁵ Аспарухов М. Указ. соч. С. 126.

²⁴⁶ Недков С. Указ соч. С. 243–244.

²⁴⁷ См.: Пътеводител на военно-историческите музеи в Плевенски окръг. Варна: Държавно Издателство, 1960. С. 3, 7, 26, 51, 59.

с российской императорской семьей и румынским монархом, по-прежнему экспонировались, но их смысловая и образная нагрузка была размыта переименованием музеев и вспомогательными экспозиционными материалами, задававшими иной алгоритм их восприятия.

Вместе с тем возможности домов-музеев не позволяли в полной мере показать требуемую от них масштабность и эпохальность событий, а также главенствующую роль народных масс в достижениях победы. Поэтому к 100-летию юбилею Освободительной войны по решению ЦК Компартии Болгарии был создан новый музей – панорама «Плевенская эпопея – 1877», которая, сочетая историческую достоверность с художественным вымыслом, как нельзя лучше отвечала требованиям времени. Ее живописная картина с изображением батальных сцен создает иллюзию реального пространства, окружающего зрителя, и обладает огромной силой эмоционального воздействия.

Поскольку создание панорамы – проект весьма дорогостоящий и технически сложный, активное участие в его реализации приняла советская сторона. Проектные организации Ростова-на-Дону трудились над созданием инженерных сооружений, лучшие мастерицы Сурской суконной фабрики «Красный Октябрь» выткали 115-метровый льняной холст с идеально ровной поверхностью и лишь одним соединительным швом, советские предприятия поставляли в качестве сверхплановой продукции необходимое оборудование. В «стройке века» активно участвовали коллективы промышленных, строительных, военных, сельскохозяйственных и других предприятий и организаций Плевенского округа. Здание панорамы возводилось по проекту молодых болгарских архитекторов П. Цачевой и И. Петрова, а живописное полотно, изображающее третий и самый кровопролитный штурм Плевена, создал советско-болгарский творческий коллектив под руководством живописца-баталиста Н.В. Овечкина из Студии военных художников им. М.Б. Грекова²⁴⁸.

В постсоциалистической Болгарии музейная сфера стала освобождаться от идеологического диктата, и на рубеже веков в культурном пространстве страны вновь появились дом-музей

²⁴⁸ *Гурова С.* Панорама «Плевенская эпопея 1877». София: Септември, 1980.

«Царь-освободитель Александр II», дом-музей «Его Королевское Высочество Кароль I», дом-музей «Великий князь Николай Николаевич», часовня-мавзолей «Святой Георгий Победоносец». Возвращение исконных названий этим музеям свидетельствует не столько о возврате к парадигме первой половины XX столетия, сколько о новом этапе осмысления прошлого и взвешенности его современной репрезентации. Музейную версию Русско-турецкой войны теперь представляют различные по типам и экспозиционным методам учреждения; в своей совокупности они создают многогранный образ Освободительной войны и во многом – посредством российского культурного наследия.

Вместе с тем кардинальные политические и социокультурные перемены в России, Болгарии и других восточноевропейских странах в середине 1980-х — начале 1990-х гг. не могли не сказаться на деятельности плевенских музеев. Ведь в СССР и странах социалистического лагеря была хорошо налажена организация массовых потоков музейных посетителей, существовала система экскурсионных поездок, в программу которых включалось обязательное посещение объектов, имеющих военно-патриотическое значение. В самой Болгарии значительную часть посетителей военно-исторических музеев составляло подрастающее поколение; в музейных залах и в Скобелевском парке проходили торжественные приемы в пионеры, а чавдарчата (аналог советских октябрят) получали синие галстуки.

Демонтаж этой системы привел к резкому падению посещаемости музеев, о чем свидетельствуют следующие цифры. В период с 1983 г. по 1987 г. число посетителей плевенских музеев составляло около 750 тыс. в год, а в 1991 г. в музеях побывало всего 93 тыс. человек, т. е. посещаемость сократилась более чем в 8 раз. Особенно резким был спад туристического потока из России: в 1985 г. — 190 тыс., в 1990 г. — 87 тыс., в 1991 г. — 1800, а в 1993 г. — всего 800 человек²⁴⁹.

Со временем усилия военно-исторических музеев по расширению своей аудитории и новые завоевательные стратегии принесли позитивные результаты. Туристический поток существенно расширился, его структура изменилась, стало больше индиви-

²⁴⁹ *Грънчаров М.* Музейное дело в Плевене: прошлое и настоящее // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научной конференции. 1994. Бородино, 1995. С. 31–34.

дуальных посетителей, однако российский туристический потенциал в силу ряда причин пока еще не использован в полной мере. На рубеже веков посещаемость музеев достигла 145 тыс. в год. Всего же за столетний период существования плевенских военно-исторических музеев (1906–2006) в них побывало 22 388 334 человека²⁵⁰, и в настоящее время они относятся к числу наиболее посещаемых в Болгарии.

²⁵⁰ *Нанкова М., Аспарухова Г.* 100 години военноисторически музеи / справка за посещението за периода 1906–2006 г. // Сборник Военноисторически музеи. Плевен. 1. София: ИПК «Родина», 2008. С. 8–9.

Сведения об авторах

Беспалова Татьяна Викторовна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Электронная почта: tvb09@bk.ru

Ванькин Евгений Владимирович, научный сотрудник Института Русского Афона, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Электронная почта: ev.museum@mail.ru

Геворгян Лианна Погетовна, заместитель директора Государственной службы по охране исторической среды и историко-культурных музеев-заповедников министерства культуры Республики Армения. Электронная почта: glp61@mail.ru

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Электронная почта: GenovaNM@mail.ru

Горлова Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Электронная почта: ii.gorlova@gmail.com

Дончева-Панайотова Невена Ангелова, доктор филологических наук, профессор Велико-Тырновского университета им. Кирилла и Мефодия. Электронная почта: nevdoncheva@abv.bg

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: erana@mail.ru

Житенёв Сергей Юрьевич, кандидат культурологии, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: zhitenev@bk.ru

Канева Калина Христова, член Союза болгарских журналистов и Союза независимых болгарских писателей. Электронная почта: k.kaneva@mail.bg

- Костина Наталья Анатольевна**, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: kostnat72@mail.ru
- Матвеева Зоя Дмитриевна**, научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: zoya.zv@mail.ru
- Миронов Арсений Станиславович**, кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: arsenumir@ya.ru
- Пархоменко Татьяна Александровна**, доктор исторических наук, руководитель Центра культурного взаимодействия государства, религии и общества Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: parchomenko@yandex.ru
- Поляков Тарас Пантелеймонович**, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Центра изучения и проектирования музеев Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: polyakov_t@mail.ru
- Путрик Юрий Степанович**, доктор исторических наук, руководитель Центра социокультурных и туристских программ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: putrik@list.ru
- Хилько Николай Фёдорович**, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Электронная почта: fedorovich59@mail.ru
- Юренева Тамара Юрьевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра культурного взаимодействия государства, религии и общества Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Электронная почта: iureneva@mail.ru

Материалы болгарского архива
академика Д.С. Лихачёва,
который К.Х. Канева передала Институту наследия
26 октября 2016 г.

Записи бесед и интервью академика Д.С. Лихачёва,
которые он давал Калине Каневой
в Болгарии в 1970–1980-х гг.

ФАЙЛ 1

В этом моем рассказе есть одна мысль, что ученый должен подниматься над иногда очень важной, я ее не отрицаю, фактографией. И посмотреть на свою науку из каких-то заочных, понимаете, высот. Иметь в виду, скажем, 1000-летний размах русской литературы, 1300-летний размах болгарской истории. Эти юбилеи – они страшно важные, потому что они позволяют взглянуть на исторические события с колоссальной высоты.

Вот с той высоты, с которой смотрел Федоров²⁵¹, с которой смотрел Циолковский, с которой смотрит сейчас Николай Алек-

²⁵¹ Фёдоров Николай Фёдорович (1829–1903), известный русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, деятель библиотековедения, педагог-новатор. Один из родоначальников русского космизма. В его сочинениях немало страниц посвящено истории и культуре, как русской, так и мировой. Он неоднократно высказывался по вопросам изучения и сохранения культурного наследия прошлого, много сделал для развития краеведения в дореволюционной России, выступал за преодоление исторического беспамятства, розни поколений. (Примечания здесь и далее ответственного редактора настоящего издания.)

сандрович Козырев²⁵². С которой смотрит иногда на литературу и на культуру Юрий Лотман²⁵³. Вот я тоже хочу смотреть на русскую культуру и литературу с точки зрения размаха ее тысячелетней истории.

Поэтому я замыслил написать небольшую работу о Толстом²⁵⁴ как продолжателе тысячелетних традиций русской литературы. Но тысячелетние русские традиции, они на самом деле больше, чем тысячелетние, потому что они органически выходят из Болгарии и из Византии, понимаете? Так что у нас общие точки зрения. Меня поэтому очень интересует этот юбилей. Это юбилей не праздник только... В науке должны быть праздники, и в жизни должны быть праздники, когда человек отвлекается от будничных забот, и от фактографии в науке, и когда он может осмыслить огромные периоды времени.

Огромные периоды времени меня очень увлекают. Я поэтому занимаюсь древнерусской литературой, потому что это 700 лет. Поэтому меня интересует и болгарская литература, потому что это удлиняет и нашу собственную историю. Интересует поэтому и 1300-летний юбилей Болгарии. Поэтому меня интересует в какой-то мере и археология, и так далее. Вот можно взглянуть на мир. Но нужно глядеть не только на 1000 лет или 1300 лет, вот как вы сейчас смотрите, назад, но и на 1000 лет и на 1300 лет вперед. А вперед вот в каком отношении нужно смотреть.

У нас иногда существуют неправильные представления о том, что когда-нибудь все нации, так сказать, соединятся в одну

²⁵² Козырев Николай Александрович (1908–1983), известный советский астрофизик, доктор физико-математических наук, был репрессирован в 1936–1946 гг. Известен как автор учения «причинная механика» (теория времени). Основные научные работы посвящены физике звёзд, исследованию планет и Луны. Разработал теорию протяженных звёздных атмосфер и установил ряд особенностей выходящего из них излучения (1934).

²⁵³ Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), известный советский литературовед, культуролог и семиотик. В центре его научных исследований находились вопросы культуры и искусства, которые он рассматривал как «вторичные моделирующие системы». Первичной моделирующей системой при этом он считал язык. Функцией культуры и искусства является борьба с энтропией и хранение информации, а также коммуникация между людьми. Он считал, что искусство является частью культуры наряду с наукой.

²⁵⁴ Лихачёв Д.С. Слово о Толстом: К 150-летию Л.Н. Толстого // Современник: Крат. ежегодник, 1979. М., 1979. С. 275–284.

нацию. Соединятся в одну нацию по любви и по дружбе. Но не по разнообразию. Не по разнообразию культур, потому что это богатство человечества, это богатство человечества. Вы помните, что мы наш разговор начали с того, что Болгария очень разнообразна. И это счастье, это букет, вон стоит букет на столе, если бы он состоял из одних маков, он не был бы так красив, а с нарциссами он красивее, понимаете?

Поэтому мир в будущем, через 1300 лет, и Болгария через 1000 лет мне представляется такой же разнообразной, еще более разнообразной. С таким же обилием языков, потому что каждый язык это поэзия, это литературы разные. Это всё нужно знать, понимаете? Это будет в будущем цветущий сад. Но не одного растения, а многих растений, которые цветут в разное время года, которые создают разнообразие и красоту эстетическую и так далее.

Поэтому вот, заключая этот разговор, я хочу сказать, что нужно хранить и ценить наши национальные особенности. Наши национальные особенности. И не только национальные особенности, но и региональные особенности каждой нации. Диалекты наши прекрасны, природа наша, если не нивелируют ее тракторы и бульдозеры, прекрасна. Вот нужно создать экологию не только природы, но экологию человеческой культуры. Если мы сейчас озабочены тем, чтобы некоторые породы птиц, бабочек, животных не умерли, а продолжали существовать и радовать нас, то мы должны быть озабочены тем, чтобы все народы сохранили свою национальную культуру, чтобы все регионы сохранили свои диалекты, свои языки, свои особенности и так далее.

Вот мы были в Вологде. (Хочется), чтобы Вологда была в каких-то своих частях по-прежнему деревянной – там замечательные деревянные здания. Вообще дерево в зданиях – это ценить нужно. Деревянные здания болгарские, деревянные здания вологодские, деревянные здания в Кижях – это всё разнообразие, это всё то, в чем жить приятно. Потому что дерево – оно как-то обладает совместимостью с человеком. Вот вы трогаете деревянную ручку, и она встречает вас не холодом, а теплом. А камень и металл встретят вас холодом. А вы трогаете (дерево), и оно совместимо с человеческой жизнью. Поэтому, скажем, то, что в Болгарии есть много деревянных зданий, деревянных потолков, это всё нужно сохранять. Деревьев мало становится живых, и деревьев мало становится в обработке.

Это сейчас одна из задач – создание экологии человеческой культуры. Так же, как мы занялись сейчас природой, очень хорошо, только бы не поздно, надо не поздно заняться сохранением всего. Сохранить все особенности местной региональной болгарской культуры. И не забывать, что Болгария, она национальные свои особенности приняла от многих народов, она глубоко индивидуальна и вместе с тем глубоко интернациональна. Потому что в болгарской культуре есть следы византийской и греческой культуры. И не нужно некоторые разногласия, церковные и так далее, возводить в абсолюты. Тем не менее болгарская культура связана с византийской культурой, с римской культурой, с античной, с культурой фракийской и с культурой турецкой.

Должен быть патриотизм нормальный, здоровый, приемлющий все культуры. И самое опасное для человеческой культуры – это узкий национализм, который съедает самого себя, уничтожает собственную культуру. Потому что если начинается ненависть к другим народам, то в конечном счете происходит самопоедание организма, и он отъединяется от всего, и это недостойно великого народа. Болгарский народ – великий народ. Дело ведь не в численности, а дело в том, что этот народ преемник многих культур и никогда не боялся быть преемником.

То же самое и в русской культуре. Русская культура это не только славянская культура, это культура угро-финских народов, это культура скандинавская, это культура греческая, это культура болгарская.

(Праздник) Кирилла и Мефодия (должен быть) нашим общим, так сказать, если установится праздник русской культуры, так как он существует и в Болгарии, то этот праздник русской культуры можно сделать двойным, две даты, два имени существуют. Во-первых, Кирилл и Мефодий может быть, потому что вся наша письменность и язык наш. Ведь Кирилл и Мефодий это не только создатели письменности, это создатели и русского литературного языка.

Или праздник Пушкина, день рождения Пушкина. И прекрасно, это самое лучшее время в Ленинграде, самое лучшее время в нашей стране – 6 июня, когда вот природа расцветает. Но между праздником Кирилла и Мефодия и праздником Пушкина есть много общего. Потому что Пушкин по своей литературной культуре был преемником всех культур. Обратите внимание, что он пробовал разные стили, у него из Данте, у него из Гафиза

(Хафиза, скорее), у него из Фауста – из разных культур, он всё стремился лучше воплотить. И создал... И он является создателем, окончательным оформителем вернее, русской литературы, русского литературного языка. Благодаря своему такому внутреннему интернационализму, который, кстати сказать, в речи о Пушкине своей замечательно Достоевский и отметил. И это же есть у Кирилла и Мефодия.

ФАЙЛ 2 (продолжение)

Когда я приезжаю в Болгарию, у меня всегда наступает такой период подъема. Как-то очень приятно всегда бывает чувствовать, что твоя работа нужна, что она ценится. Поэтому после таких путешествий хорошо работается. А дело вот в чем. Обычно занятия древностью и древним искусством и древней литературой считается чем-то оторванным от жизни, неактуальным, ненужным, несовременным и так далее. А я вам хочу сказать, почему я считаю занятие древней литературой, древним искусством самым актуальным, самым важным, так же как вообще занятие искусством и занятие другими культурами. Вот у нас еще нет в настоящем такой науки, как культурология, так сказать, история культуры в полном смысле этого слова.

Вот почему. У меня существует такое убеждение, что человеческий мозг далеко не полностью используется. Житель какой-нибудь страны, лишенной культуры, может кончить три Оксфордских университета по своим задаткам. Потому что мозг не следует за развитием человека, а он опережает это развитие, в нем есть запас какой-то. И вот если этот творческий запас у человека не используется полностью, а потребность в его использовании у человека есть, то наступает болезнь мозга, атрофия какая-то мозга и атрофия творчества. Каждый человек – творец по своей природе. Но если он не творец, то может наступить болезнь творчества, он может начать делать мелкие хулиганские поступки, может начать делать даже крупные террористические акты. Потому что на Западе, скажем, когда человек не может как-то себя проявить, а хочет проявить себя, хочет, чтобы о нем говорили, он идет вот по такому пути, по пути всяческого хулиганства. Да какого угодно – идеологического, мелкого, уличного или крупного, террористического.

С моей точки зрения, Жан-Жак Руссо был совершенно не прав, когда считал нормальным человеком человека первобытного, первозданного, так сказать, связанного целиком с природой. Не поднявшегося над уровнем физического труда и так далее. Он абсолютно был не прав, потому что нормальный человек, здоровый человек – это человек интеллигентный, человек, обладающий огромными знаниями, – вот это здоровье. А невежество, неосведомленность – это болезни человека, которые надо лечить, лечить образованием и всяческим иным путем. Потому что иногда получалось, что начиналось обожествление, культ невежества человека как человека природы. Поэтому возникал и культ (грубости) – в XIX веке и так далее.

С этой точки зрения Руссо и некоторые его последователи – последователей было очень много, и они трансформировались, и в русской культуре XIX века, – делали, в общем-то, худое дело. Они убивали уважение к интеллигентности, сами интеллигенты убивали уважение к самим себе в XIX веке – хождением в народ и так далее. Хождения в народ были всегда нужны. Но для того, чтобы народ этот поднимать. А у нас вот в русской культуре очень часто было развито хождение в народ для того, чтобы учиться у народа. И народ в конце концов привык презирать интеллигентов. Это всё корни еще в таком неправильном руссоизме. Но последствия были для русской культуры в общем скорее отрицательные, чем положительные.

Таким образом, если мозг человека работает не в полную силу, он заболевает. И здоровый, и нормальный человек – это человек интеллигентный, образованный, развитой и творческий. И вот мне кажется, что каждый человек – творец и художник одновременно. Каждый человек. Но не всегда это осознаётся самим человеком и не всегда он себя находит в этом творчестве.

Если человек читает и понимает художественные произведения, он уже сотворец. Всякое чтение – это сотворчество с писателем. Всякое рассматривание картины, если человек понимает, если зритель понимает эту картину, – это сотворчество с художником. Всякое прослушивание музыки – это сотворчество с композитором. А если человек может сотворить, он может и творить, только надо ему найти самого себя в этом. И это необходимо для морального здоровья человека. Для морального здоровья человека необходимо, чтобы он творил.

Сейчас у людей, особенно у горожан, бывает больше свободного времени, чем раньше. И поэтому огромное значение имеет в нашем быту, в нашей жизни и будет иметь в дальнейшем эта вот какая-то вторая свободная специальность. Когда он, придя домой, становится, допустим, керамистом или столяром, или резчиком по дереву, или, может быть, писателем или поэтом, для себя и своих друзей. Это страшно важно. И мне кажется, что очень важно это для патриотизма и для такого интернационализма что ли, в одно и то же самое время. Потому что искусство – это окно в чужой мир, в мир другого человека, в мир другого народа или в мир прошлого. Искусство – это всегда окно куда-то, во что-то, познание чего-то.

И когда человек познаёт другого человека как следует, по-настоящему, он уже не может быть его врагом. Если он познаёт другую культуру, он не может ее ненавидеть. Если он познаёт прошлое, свое прошлое, он становится патриотом так же, как когда он познаёт свою страну, свое искусство, народное искусство и так далее.

Искусство всегда правильно направляет человека, (если это) настоящее искусство. То есть оно делает его и патриотом, и в известной мере и интернационалистом. Но термин «интернационалист» не всегда может быть применен, скажем, для прошлых эпох – и там ведь искусство играло такую роль, но в будущем оно будет играть еще большую роль.

Поэтому человек не только должен быть творцом, он должен изучать историю искусства, историю литературы, музыку, понимаете? Вот всё это очень важно для его морального здоровья, ибо, я повторяю, любое искусство – это окно в чужой мир.

С этой точки зрения мне кажется, что очень важно это подержание и развитие народных ремесел, ремесла просто. Вот мне удалось, я в Этер²⁵⁵ был, мне понравилось, я хотел еще раз посмотреть село, где процветают народные ремесла. Почему? Это не только музейное значение, сохранение каких-то (технических) приемов. Это имеет значение для техники, потому что всякая новая техника, она часто является возвращением к старому или со всяким новым станком происходит... Ну, какое-то забывание каких-то старых технических достижений.

²⁵⁵ Этер, тематический парк и музей под открытым небом в Болгарии, в котором воспроизведена в деталях жизнь болгарской деревни XIX в. Интерактивный музей был открыт в 1964 г.

Скажем, мы говорили так, что вот теперь эти приемники существуют, как они называются? Транзисторы. А что ламповые приемники, которые были раньше, в них были замечательные свойства, которые в транзисторных приемниках забыты, угасли, поэтому очень важно иметь музей, скажем, техники старой, музей старого искусства, приемы старого искусства. Их можно применять в современном искусстве.

Вот по поводу болгарского искусства хочу сказать. Такие вот вещи, например. В церкви, построенной Кольо Фичето²⁵⁶, в Тырново, есть колонна, которая крутится. Помните, рукой можно ее тронуть и она повернется? А если сделать в современном зале таких колонн десять, граненых? И каждая грань колонны окрашена в свой цвет. За одну минуту хозяин может пройти, рукой провести по колоннам и переменить цвет комнаты. Ведь это же замечательное произведение Кольо Фичето было. Вертящиеся колонны. Не только можно изменить цвет комнаты таким образом, но, допустим, можно каждую грань колонны сделать своей по форме. И таким образом интерьер зала, комнаты будет каждый раз меняться. Колонна с одной стороны будет какой-нибудь грушевидной, гитарообразной формы, с резьбой. С другой стороны она будет абсолютно гладкой. С третьей стороны можно применить какой-нибудь хрусталь, металл в этой колонне. И если она заглублена немного в стену, то это очень просто сделать совершенно другую обстановку. Скажем, обстановку для спальни, обстановку для столовой, обстановку для торжественного приема гостей. Можно хоть в золото одеть комнату. Только если применить этот прием Кольо Фичето замечательный.

Поэтому надо изучать эти приемы все, это очень важно. Или вот еще одна вещь, которая очень меня интересует. В старых болгарских зданиях этажи не зависимы друг от друга. Стоит дом вдоль улицы, второй этаж выступает и может быть немножко скошен. Третий этаж еще может выступать. Этажи как бы собраны, наставлены друг на друга.

Почему это важно? Ведь когда вы смотрите в окна своего соседа это не очень интересный вид. Но если вдоль улицы вы

²⁵⁶ *Фичев Никола Иванов* (1800–1881), известный болгарский архитектор, строитель и скульптор. Известен как Уста Коло Фичето (тур. яз. «уста» – учитель). Он построил множество православных храмов и гражданских построек в Болгарии.

будете смотреть, вы будете видеть движение транспорта, людей и так далее. А может, так в конце открывается вид на море. А может быть там вид на Витушу²⁵⁷ замечательный какой-нибудь. И вы можете этот прием староболгарский независимости этажей друг от друга применить в современной архитектуре. Ведь это будет и национальное болгарское достижение. И вместе с тем современное.

Если старая техника позволяла так этаж над этажом ставить, то почему современная техника этого не может позволить? Вот если в комнату не попадает солнце, поверните этаж, и солнце будет в нее входить. Ведь это прием болгарской архитектуры, который нужно осознать.

Поэтому занятие народным искусством, занятие старым искусством, занятие старой литературой обогащает человека и с точки зрения просто творческой, и с точки зрения идей. Мы многое забываем из того, что было полезного, важного, интересного и национального. Потому что если все страны станут похожи друг на друга, будет уныло до невозможности. Очень важно, чтобы каждая страна, каждый город, каждое село сохраняли свою физиономию, сохраняли всё то лучшее, что есть, и развивали, скажем, в новых строениях вот этот прием поворачивания.

Другая вещь, на которую наши техники, инженеры не обращают внимания. Как интересно было бы, например, изобрести электрическую печку, в которой можно было бы обжигать керамику. Ну, допустим, не дома – это может быть опасно для пожара. На дворе чтобы стояла какая-то электрическая печь удобная, портативная, в которой две-три глиняных вещицы можно было бы обжечь.

Сколько было бы интересного занятия, сколько бы свободного времени было истрачено не на пустяки, а было бы творческим. Старые ткацкие станки, которые в Этере есть. Ведь не все же ткани нужно делать обязательно на заводах, а может быть, хозяйка захочет вышивкой опять заняться, как когда-то занималась болгарская хозяйка раньше. Ведь вышивание, плетение кружев, ткачество – ведь это же и было творческим началом,

²⁵⁷ Речь идёт о реке Вит, которая протекает на севере Болгарии, правый приток Дуная. Протекает по территории Ловечской и Плевенской областей. На реке расположен город Тетевен, на правом притоке Тученица – город Плевен.

которое делало болгарскую женщину морально здоровой, так сказать, хозяйкой и так далее.

И те же занятия должны быть и для мужчин. Вот, скажем, обжигание этой керамики или резьба по дереву. Сейчас ни у нас, ни у вас не найти инструментов для резьбы по дереву в магазине. Не знаю, может быть, у вас можно. Но это не так просто, только в магазине для художников. А это должен быть магазин не для художников, а для очень многих людей. И тогда многие моральные проблемы просто отпали бы в нашей жизни.

Вот почему занятие народным искусством, фольклором, древней литературой, где есть очень много достижений (необходимо). Вот, скажем, эти стихи о Византии, которые он сейчас печатает²⁵⁸. Ведь это не только современная поэзия, это в какой-то мере и след, и использование опыта старой византийской поэзии. Поэтому современность и прошлое, далекое прошлое, вовсе не так далеко стоят друг от друга, как нам кажется. Они очень близки. И эти встречи с культурами других народов, с культурами прошлого своего народа, с народными культурами...

Вообще культуре и искусству принадлежит в будущем колоссальная роль в жизни, моральная роль. Искусство и воспринимаемое, и творимое делают и творца, и воспринимающего морально высоким человеком. Это, мне кажется, самое важное, почему сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме, которым я руковожу, я считаю самым современным. Вот это основное, что я хотел сказать о своем отношении к собственным занятиям.

Если бы я не занимался древнерусской литературой или древнеболгарской литературой, я бы еще, пожалуй, занимался народным искусством. Потому что в народном искусстве и в народной литературе, то есть в фольклоре, есть замечательные совершенно достижения. У болгар баллады, народные баллады. А у нас – лирическая песня. Былины все знают, а лирическую песню, протяжную лирическую песню русскую знают очень мало. Она совершенно потрясающая и с музыкальной точки зрения, и с точки зрения лирической, с точки зрения искусства слова и так далее. Причитания, заговоры даже.

²⁵⁸ Калина Канева не помнит, о ком говорил Д.С. Лихачёв.

Тут была передача о Николае Николаевиче Асееве²⁵⁹, поэте, который дружил с Маяковским. Я там говорил о том, что очень многое в его поэзии идет от народного заговора, от силы слова, которая заложена в народных заговорах. Мы сейчас увлекаемся народной медициной растительной, травами (фитотерапией). Но заговоры – это ведь тоже психотерапия, народная психотерапия. Когда человека убеждают в том, что он здоров. Он действительно получает психические силы для борьбы с болезнью.

Вот в чем, кажется мне, смысл занятия прошлым и в чем, мне кажется, сила вообще искусства. Потому что этическое и эстетическое – они неразрывно связаны между собой. Этика и эстетика.

Дело в том, что искусство делает человека социальным. Искусство социально в своей основе. Не только потому, что оно зависит от социума, от общества, но и потому, что оно делает общество морально более здоровым.

<...>

Я не языковед. Но скажу. Вот у нас есть национальности в Советской республике очень малочисленные. Которые не хотят учиться на своем языке, потому что если они будут кончать школу не русскую, а, допустим, нанайскую, то математическая терминология, всё то, что они изучат на своем языке, потом будет им мешать поступить в вуз. При поступлении в высшее учебное заведение, на более высоком уровне культуры им это будет мешать. И вопрос этот очень трудный. Потому что, с одной стороны, хотелось бы сохранить этот нанайский язык, а с другой стороны – мы не можем превращать народ в такую резервацию, из которой он не может выйти, когда он не может никуда поехать, если он не знает хорошо русского языка, когда он не может поступить в вуз и так далее. Поэтому вопрос о том, какие языки будут в будущем существовать и нужно ли развивать какие-то новые языки, это вопрос необычайной сложности. Нет никакого сомнения.

Понимаете, что получится... Будет ли это обогащение? Вообще, чем больше наций, чем больше культур, чем больше индивидуальностей, тем, казалось бы, лучше. Но все-таки каждый народ развивается на основе своего прошлого, развитие культуры не есть передвижение в пространстве, а есть накопление какое-то. И если у народа есть большое накопление, то он всегда будет великим.

²⁵⁹ Асеев Николай Николаевич (1889–1963), известный русский и советский поэт, сценарист, деятель русского футуризма.

Скажем так, русская литература XVIII и XIX веков всегда будет таким сокровищем для русского народа, которое будет сопровождать его и в XX, XXI, XXII веках. Но если народ не имеет этой литературы, только что ее создал, искусственно создал, будет ли эта народная культура, национальная культура так же богата и будут ли люди этой культуры так же богаты, как народы, соседние с ними, которые обладают многовековыми культурными, языковыми традициями? И не встанет вот этот «нанайский» вопрос здесь? Можно создать искусственный язык, но потом-то ведь надо детям поступать в вуз, надо знакомиться с литературой. Все равно надо с другими литературами знакомиться.

Вот очень любопытная вещь, мне рассказывали, в Ирландии происходит. Когда-то ирландцы в Южной Ирландии боролись за свою независимость с необычайным упорством. За свой ирландский язык, за всё. Сейчас они детей своих стремятся обучать в английских школах, на английском языке. Потому что они чувствуют, что ирландский язык не дает такого выхода в культуру, как остальные языки. Все-таки они посылают своих детей учиться в университеты, где преподавание ведется на английском языке. И сейчас у них другая проблема – они возвращаются к английскому языку.

И вот в мире идет какое-то такое сейчас движение. Вдруг появился, помимо шотландского национализма, в Англии еще уэльский национализм. Нужно ли это? Баскский. Я не знаю. Может быть, баскская культура, я недостаточно хорошо ее знаю, может быть, она достаточно богата, хотя бы в фольклорном отношении, и действительно самостоятельна и отличается от испанской культуры – тогда надо это сохранять.

Но если культура нового народа вся связана с другой страной, то почему ее нужно отрывать? Зачем нужно обрезать от прошлого? Ведь это то, о чем я говорил. Почему изучение прошлого так актуально, так современно – потому что это сокровищница, которая позволяет человеку легче двигаться вперед. А если создавать новые языки искусственным путем, административным даже путем, это значит отрезать их от своего прошлого, отрезать их от какой-то страны, с которой они фактически были связаны много веков. Нужно ли это?

Вот в чем дело. Это не терминология. Церковнославянский язык это основа русского языка, а не терминология. Это не термин. Церковнославянизмы, скажем, у Пушкина имеют огромное

значение и звучали в сотнях работ. О церковнославянском языке говорится у Лескова, у Достоевского, у очень многих.

И если мы отменим этот термин, мы тоже оборвем свою пуповину с тем, что вошло в нашу культуру. Церковнославянский язык он действительно староболгарский по своему происхождению. Но уже создалось слово, уже создался термин, этот термин вошел в поэзию, вошел в литературу, в научную литературу. И отменять этот термин у нас невозможно.

Скажем так, вот для Пушкина очень характерны эти церковнославянизмы. И как церковнославянизмы они могут изучаться. Но допустим, мы дадим аспиранту работу написать, диссертацию на тему «Староболгаризмы у Пушкина». Будет это правильно или нет? Нет. Речь идет о некоторых словах, староболгарских по своему происхождению, вошедших в церковный обиход и употребляющихся в литературе с высоким значением. Скажем, берег и брег. На берегу пустынных волн он стоял или вышел он на брег Невы. Это разница оттенков в эмоциональности, и это не вопрос о староболгаризме у Пушкина, это вопрос о церковнославянизме у Пушкина.

Я думаю, что те Тырновские конференции, которые уже устраиваются, третья конференция (состоялась). Четвертая должна быть, мне кажется, посвящена вопросам о связях Болгарии эпохи Тырновской школы с другими славянскими странами. Вот это очень важно. Потому что действительно так называемое второе югославянское влияние в России, в Сербии, в Румынии, у восточных славян, то есть у русских, белорусов, украинцев и в Румынии, оно было необыкновенно богатым, необыкновенно длительным. Хотя сама Тырновская школа существовала в Болгарии очень недолго в свое время. Но влияние этой школы, оно продолжается и в XVI веке, и во второй половине XVII века, в стиле барокко, и даже в какой-то мере вот в духовной жизни России XIX и XX веков, особенно церковной, – церковные проповеди и так далее строились иногда по образцам, связанным с этим старым южнославянским влиянием.

Ну, а след в языке – он неистребим, он и сейчас существует. Мы можем обнаружить в языке многие явления, которые возникли в XIV–XV веках в Тырновской литературе. Особенно сложные слова, с началом «благо-» и так далее. «Благодеяние» и так далее. Это все слова, пришедшие к нам в XIV веке. Они связаны с греческим языком, несомненно, но через болгарское посредство, а иногда через болгарское изобретение, а иногда через русское

изобретение XIV века, но в стиле и духе Тырновской литературной школы, она существует и очень обогащает наш язык.

Так что влияние это колоссально, и изучать его нужно не на трех симпозиумах, не на четырех, а я думаю еще много и много. И в вашей газете можно результаты эти как-то освещать. Потому что они имеют общенародный интерес, они должны вызывать интерес у читателя.

ФАЙЛ 3 (продолжение)

В «Антенне», потом в «Отечественном фронте», потом в журнале «Славяне» и в целом ряде еще болгарских журналов. Там перепечатка главным образом некоторых глав из моей книжки «Развитие русской литературы X–XVII веков». Так эти темы я продолжаю, и сейчас меня очень интересует второе южнославянское влияние в России. Сейчас написал работы, в ближайшие недели буду читать доклад (на заседании) в секторе древнерусской литературы, который подготовил для Тырновского конгресса по Тырновской литературной школе.

Смысл этого доклада заключается в следующем. Он называется немножко странно – «Преодоление слова в стиле плетения словес». А смысл заключается в том, что обычно исследователи русские, потом в Англии и в Федеративной Республике Германия занимаются этим плетением словес, в Югославии занимаются этим плетением словес, и все они изображают это плетение словес как некоторые формалистическое начало, орнаментальное начало. Как будто бы это отрыв от содержания. На самом деле, вот как я доказываю, и мне кажется, что мне удалось это доказать, что приемы плетения словес являются отнюдь не формалистическими трюками, это не словесная акробатика. А она вся как-то умножает, обогащает значение текста.

Моя работа, она чуточку больше одного печатного листа, посвящена конкретным примерам – как обогащается текст с помощью этого плетения словес. Это в каком-то смысле преодоление слова, преодоление обычного его значения и сообщения слову значения еще сверхобычного.

Это явление, которое после Тырновской литературной школы очень прочно укоренилось в литературе и, в частности,

в русской литературе, оно не только получило дальнейшее развитие в XV веке, особенно у Епифания Премудрого и в целом ряде других произведений... Я всё это показываю только на одном произведении XV века – на «Житии Сергия Радонежского». Это произведение совершенно изумительное в этом плане, продолжающее вот эту болгарскую Тырновскую школу.

Но оно продолжается и в XVI, и в XVII веке и получает какое-то своеобразное развитие в так называемой орнаментальной прозе начала XX века. Этим я займусь в дальнейшем – орнаментальная проза XX века. Это я имею в виду Ремизова²⁶⁰, Андрея Белого²⁶¹ и так далее. Где проза сближается со стихом, с поэзией. Где принципиальная противоположность прозы и стиха, и поэзии стирается. Вот это началось уже в XIV веке, в этой Тырновской литературной школе. Так что это очень интересное явление. Вот я сейчас занят тем, что показываю, как это всё на русской почве развилось.

Я должен сказать, что, когда я в первый раз в 1958 году приехал в Болгарию, мне показалось, что там недостаточно ценят патриарха Евтимия. Был у вас такой период. <...> Они были какими-то еретическими устремлениями масс. И плетение словес, оно в значительной мере связано с этими исихастскими движениями, недаром же Евтимий был одновременно и исихастом? и создателем новой литературной школы. Там совершенно особое отношение к слову. Почему и молчаливость было развито. Это как Тютчев проповедовал молчаливость, будучи одним из самых великих русских поэтов.

Особое отношение к слову, особые поиски в слове особых глубин. Вот это то, с чем я хочу приехать в Тырново, это будет 20 числа. Я там просил мне дать немножко больше времени для доклада, чем полагается. Там, кажется, регламент 20 минут или 30, мне не успеть это достаточно ярко показать. А вообще я мечтаю попасть в Болгарию. Был в прошлом году. Я был с 1958 года много раз, но каждый раз, когда приезжаешь, возвращаешься из Болгарии с новым запасом сил для работы.

²⁶⁰ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), русский писатель, драматург, один из наиболее ярких стилистов в русской литературе.

²⁶¹ Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934), известный русский и советский писатель, поэт, критик, мемуарист. Он был одним из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

К.Х. Канева: А находки какие находите у нас интересные? Материалы?

Да. Я последний раз, когда был на симпозиуме, так я не мог заниматься в рукописном отделении. А так находки болгарские – это в наших рукописных хранилищах, так судьба сложилась, что в советских хранилищах больше болгарских материалов, чем в Болгарии, и это накладывает на советских ученых очень большой долг разрабатывать.

У нас здесь работа началась по описанию болгарских рукописей и болгарских произведений. Дело в том, что рукопись может быть русская, а там болгарское произведение. Рукопись может быть болгарская, а там русское произведение, что тоже очень интересно. Смешанные рукописи, смешанные, прошедшие через редактуру болгарскую, сербско-молдаво-влахийскую, украинскую и так далее.

Там смешанные рукописи, очень их много, в этом во всем нужно разбираться. Описывать эти рукописи должен человек лингвистически грамотный. Вот мне очень хочется, чтобы после тех чудных болгар, которые к нам приезжали и занимались в публичной библиотеке описаниями этих рукописей, у нас в Пушкинском Доме и в библиотеке Академии наук, к нам приехала Светлина Николова – я вчера получил от нее письмо, что она в Голландии. Мне ужасно досадно. Что ей там, в Голландии делать? Она очень рабочий человек, она необыкновенно работающий ученый.

К.Х. Канева: Что она там делает?

Читает лекции по молдавской литературе. Пока человек молод, ему нужно исследовательской работой заниматься, а лекции читать к старости из своего опыта. Приехала бы она к нам. Нужно что-то сделать, чтобы... Очень трудно здесь в Ленинграде хлопотать, чтобы Светлину Николову пригласили для описания рукописей. Я несколько раз писал в иностранный отдел, что-то у меня не получается. И она согласна приехать сюда на полгода или на год и продолжить описание болгарских рукописей в нашем собрании. Нужно хлопотать.

В Софии должен быть создан центр болгарского рукописного наследия. Это значит должны быть собраны все описания научных всех болгарских рукописей, рассеянных по всему миру, и вслед за этим должна быть создана фильмотека, то есть

хранилище микрофильмов всех болгарских рукописей всего мира. Это большая национальная задача для Болгарии, как мне кажется. Но начать нужно с описания болгарских рукописей. Мы будем к этому всячески стремиться. И очень-очень ждем Светлину Николову. Вот именно ее, у нее все данные для того, чтобы она занялась этими описаниями – и трудолюбивая, и всё...

ФАЙЛ 4
(продолжение)

К.Х. Канева: Дмитрий Сергеевич, я долго думала, какой достойный подарок Вам преподнести, и это будет выставка в библиотеке имени Кирилла и Мефодия совместно с союзом болгарских журналистов «История одной книги» и ее продолжение – о «Симметрии времени», о письмах и наших встречах и публикациях моих разговоров с вами. Много фотографий собралось и получается очень прилично. Я вспомнила, что вы очень хвалили выставки одной картины, музеи одной книги. Поэтому в других местах будут такие выставки более общие. Поэтому вот все приветствовали вот эту идею. Двадцать восьмого будет открытие в 16 часов. Можно ли сейчас записать несколько слов вашего, так сказать, приветствия? Потому что это прозвучит на открытии выставки.

Д.С. Лихачёв: Хорошо. Я, прежде всего, рад, что выставка посвящена книге, которая впервые вышла на болгарском языке. Это не перевод с русского на болгарский, а это болгарская книга, которая переводилась на языки очень многих стран. Она вышла и в Японии, и в Германии, и в Италии и так далее.

К.Х. Канева: Дмитрий Сергеевич, извините, пожалуйста, слово идет о «Симметрии времени». Не только о письмах. А письма – это ее продолжение.

Д.С. Лихачёв: «Симметрия времени» замечательна тем, что она написана двумя людьми. Один человек русский, другой человек болгарский. И это тоже очень приятно. Это книга, которая отвечает, как мне кажется, духу двух народов. Это рукопожатие книжное.

К.Х. Канева: Спасибо. Может быть, какое-то приветствие вашим почитателям? Чтобы прозвучал ваш голос.

Д.С. Лихачёв: Я бы хотел, чтобы Болгария снова заняла то первенствующее место, которое она занимала в славянском мире в Средние века, в самом начале своего образования. И чтобы болгарский язык был первым из славянских языков не только по времени возникновения, но и по необыкновенной своей красоте и торжественности. Другого второго такого славянского языка нет. Есть языки богатые славянские, разнообразные и так далее. Но такого торжественного, такого красивого, такого, я бы сказал, баховского, это Бах среди композиторов, если сравнивать другие языки с композиторами.

К.Х. Канева: Вы прекрасно сказали. Только сейчас, Дмитрий Сергеевич, во главе со всеми политиками все говорят «Европа, Европа», как будто мы никогда и не были в этой Европе.

Д.С. Лихачёв: Да, это ужасно. Это какое-то непонимание, самодовольство какое-то. Непонимание того, что культура вообще-то едина. А культура южная и северная разграничена совершенно напрасно. Потому что Италия – это южная страна, и это теснейшим образом связано с Азией, больше чем с Европой даже, если считать вот период до VI века, скажем. Поэтому разграничение на Европу и на Азию целиком искусственное, ложное и не приносящее пользы для общеобразовательного дела.

К.Х. Канева: А вот сейчас в конце нашего века положение славян оказалось очень особенным – и войны, и разобщения, и вот теории западников, теории славянофилов, они как будто тоже как крайности, они ни к чему не ведут. Какой должен быть путь для того, чтобы выжило славянство, славянская культура в следующем веке?

Д.С. Лихачёв: Путь должен быть только один – через культуру. Некоторые говорят – через силу, военную силу другие говорят – через политику умелую якобы и хитрую. А я считаю, что только путем увеличения культуры, сознания того, что культура объединяет людей. Культура – это единственное, что никогда не разъединяло людей, она только объединяла, и в будущем она будет только объединять людей. Поэтому заботиться нужно прежде всего о культуре. А вместе с культурой придет богатство, придет хорошая умная экономика, придет социальная политика правильная. Только через культуру. Всё то, чем больно сейчас наше общество, общечеловеческое. Ведь у нас болезнь у всех одна, одинаковая, та, которую принес нам XX век, – болезнь бесчеловечности, болезнь жестокости.

Вот всё это будет как бы излечено школой, образованием, как излечивается болезнь хорошими больницами. И эту больницу мы должны сделать абсолютно чистой, стерильной, и культуру мы должны сделать абсолютно (нравственной), ни в коем случае не примешивая в нее карьерные соображения или какие-нибудь другие. Культура сама себя удовлетворяет и удовлетворяет тех, кто ею занимается, полностью. Ради культуры стоит жить, так же как ради своего народа, ради своего языка, ради своей науки, ради своего искусства.

К.Х. Канева: Спасибо, дорогой Дмитрий Сергеевич. Ну, вот вы прожили длинную жизнь в этом нашем веке особом. И вы всегда говорили, что юбилеи тем и хороши, что дают возможность осмыслить и подвести итоги. Вы могли бы поделиться с нашими читателями вашими итогами?

Д.С. Лихачёв: Вы знаете, что все-таки мы очень слабо сейчас учитываем итоги прошедшего столетия. Очевидно, что нужно, чтобы еще прошло какое-то время, чтобы мы наконец поняли, насколько преступно отделяться от культуры, от морали, от нравственности, от мысли как таковой. Нас спасет дух товарищества. Я не говорю «дух дружбы» – это избитое уже слово, или дух любви, единения и так далее. Нет, есть особое чувство товарищества. Оно развивается в детстве, в отрочестве, оно продолжается всю жизнь, и оно делает крепким наше общечеловеческое единство. Дух товарищества должен победить сейчас.

К.Х. Канева: Дмитрий Сергеевич, а вот ваши личные для себя итоги вашей личной жизни? Что вот вы считаете, что было, ну что ли, самым важным, у чего можно было бы учиться нам всем, молодым?

Д.С. Лихачёв: Я скажу таким образом. Что мной довольно много сделано для того, чтобы спасти памятники, отдельные культурные ценности, библиотеки, театры, учебные заведения и так далее. Но это всё не так меня удовлетворяет, как то, что мне удалось сделать отдельным людям. Вот нужно думать о мелком добре, и оно станет тогда крупным. И не то, что о мелком добре, а в том плане того, что чему мы не придаем в начале никакого значения, то, что является добром, и это добро должно восторжествовать во всех наших поступках.

К.Х. Канева: И вот вы как-то говорили о личностных задачах. А сейчас кругом и вокруг да около все личностные задачи

всякие осуществляют. В каком секторе ни возьмешь, каждый уже стал как-то... Заботиться о себе. Делают какую-то коммерцию, делают какую-то выгодную для себя... И культуру сделать так, чтобы она приносила немедленную прибыль, и всё. Закрывать театры, потому что они нерентабельны.

Д.С. Лихачёв: Да, это ужасно. Люди, нации, государства существуют ради культуры. Если они не будут существовать ради культуры, они вообще не нужны. И обязанность государства – поддерживать библиотеки, театры и всё то, что повышает нравственность человечества и дает ему эстетическое удовлетворение.

К.Х. Канева: Дмитрий Сергеевич, десять лет назад был русский писатель ваш известный у нас, и он сказал, что оставил у соседей два мешка, чтобы забирать его почту. И сказал, что русские люди, потеряв Бога, стали видеть в лице писателей духовников своих. По-моему, сейчас произошел и у нас тоже большой отлив, авторитет писателей совершенно уже не тот. Как бы вы прокомментировали? И ваш прогноз на будущее о писательстве.

Д.С. Лихачёв: Я думаю, отлив – он законен в какой-то мере, потому что он какое-то время был запрещен, а запрещенный плод сладок. Что сейчас людям хочется посмотреть мир. Дадим им этот отдых, эту возможность. Пусть они посмотрят другие страны, это послужит им на пользу, а не на вред. Но они должны вернуться к себе, они должны собрать, как вернувшись с поля, из леса, богатый урожай. Если они будут приезжать на родину, возвращаться с пустыми руками – вот это плохо.

К.Х. Канева: Вот я о писателях. Десять лет назад у вас был какой-то бум, страшный бум, авторитет писательский был очень высок, особенно тех писателей, которые были инакомыслящими. А вот сейчас уже не печатают и по телевидению не увидишь этих людей.

Д.С. Лихачёв: Нет, это не страшно. Дело в том, что, чтобы написать хорошую вещь, нужно много времени. И ведь «Война и мир», скажем, была написана не в 1812 году, а спустя полвека. Поэтому все те страшные события, которые наши страны пережили, они требуют своего осмысления десятилетиями. Ведь это гораздо более сложная история, чем войны Наполеона. И Гитлер, и Муссолини, и все остальные дьяволы

нашей жизни, они гораздо более сложны, чем Наполеон или какие-то герои мгновения, герои недолгого времени.

К.Х. Канева: И последнее, Дмитрий Сергеевич. Вы в начале перестройки предложили покаяться, произнести вот такое покаяние. По-моему, не очень послушались. Сейчас на днях услышали новую форму президентскую – согласия и примирения. Вот об этом если бы вы могли потолковать. Не пришло ли время для синтеза?

Д.С. Лихачёв: Видите ли, то, что он призывает к примирению – это хорошо, но к примирению нельзя призвать, к примирению надо прийти. А приход к примирению может совершиться только через покаяние. Человек, когда попросит прощения, вот тогда он и мирится. Если он не просит прощения у своего друга, которому он наделал много вреда, то это не примирение, а это такая временная уступчивость другому и больше ничего. Поэтому примирение должно быть, но вход в него открыт только через покаяние. Покаяние в тех мерзостях, которые многие из нас совершили.

К.Х. Канева: Дмитрий Сергеевич, поскольку в последние года стихия разрушения так разбушевалась, не пришло ли уже время для успокоения и для синтеза – собирать камни?

Д.С. Лихачёв: Да, это давно оно пришло. Оно давно пришло, но оно очень трудное. И собирание этих камней – это не однообразное дело, это разные камни, разные способы их собирать, разные способы их хранить, разные способы восстанавливать культуру. Мы не должны обязательно стремиться восстановить старую культуру, во всем следовать старине. Мы должны стремиться построить новую культуру, но с использованием всего того хорошего опыта, который был у нас в XX веке, когда и Болгария, и Россия боролись за свободу своих народов. Болгария за государственную независимость, Россия – за свободу своих крестьян боролась. И вот этот опыт должен быть использован.

К.Х. Канева: Спасибо, Дмитрий Сергеевич. Я вас больше не буду мучить вопросами. Но если вы еще хотите что-то сказать.

Д.С. Лихачёв: Вы очень хорошо предугадываете мои мысли. Вот что я хочу сказать. Очевидно, много лет работы между нами помогает нашему общению. Дух товарищества, который между нами существуют.

К.Х. Канева: Да, Дмитрий Сергеевич. И вот я хочу поделиться, два дня назад когда мы говорили, я настолько была уставшей, что даже думала не приходить в редакцию, а после нашего разговора я выбежала на улицу легкая, как перышко. Я подумала – вы не только учитель, вы и лечитель, зарядили энергией. Огромное вам спасибо, Дмитрий Сергеевич. От всей души желаю вам много радости и здоровья по больше.

Д.С. Лихачёв: Спасибо. Вашим дочкам тоже всего самого лучшего.

К.Х. Канева: Спасибо. И мои коллеги вам кланяются, все-все-все.

ФАЙЛ 5 (продолжение)

Для России проблема Ренессанса чрезвычайно важна. Именно потому, что не было свободного развития Ренессанса и ренессансные явления все время прорывались в разные эпохи. И обратите внимание, что Пушкин как много внимания в своих произведениях уделяет именно ренессансным темам и самой эпохе Ренессанса. И «Каменный гость», и так далее.

Для Польши, например, очень характерен романтизм. Для России XIX века характерен реализм. Но так как романтизм в России так же точно был в какой-то мере замедлен, неярко выражен, то реализм русский приобрел романтические черты.

И обратите внимание, что Гоголь... Гоголь реалист, но сколько в нем романтизма. Лермонтов – он же на четверть романтик. Достоевский – он тоже романтик. И, наконец, даже в наше время реализм, вторжение романтизма все время происходит. Потому что не было в чистом виде романтизма в России. Это очень любопытное и, казалось бы, парадоксальное явление, что тот этап, который пропускается в литературе, оказывается в этой литературе наиболее действенным.

Определение эстетических формаций, выделение особых категорий, а вы почувствовали, наверное, что я сторонник историй литературы, построенных на чисто литературных принципах, то есть на принципах эстетических формаций, а не сторонник простых энциклопедий, сообщений, сведений в историческом таком разрезе. Так вот, определение эстетических формаций, их выделение как особых категорий требует их соотношений прежде всего с историей, с историей искусств, с философией и так далее.

То есть литература в такого рода историях теряет свою замкнутость. Ее нельзя сосредоточить в каких-то отдельных произведениях. И это очень важно и очень хорошо, это очень помогает изучению.

Причем для каждой эстетической формации особенно характерен тот или иной вид искусства. Но это мысль не новая, это ясно совершенно. Скажем, реализм больше всего сказывается в литературе и в живописи. Но, скажем, в балете – реалистический балет трудно себе вообразить, и если попытки реалистического балета делаются, то они по большей части неудачны. Для балета гораздо характернее романтизм или классицизм.

Для романтизма очень характерно садово-парковое искусство, которое в это время расцветает изумительно. Литература, поэзия. И интересно, что когда поэзия в какой-то мере отстывает от реализма, а реализм в поэзии очень труден, очень труден, реализм все-таки требует больше прозаических жанров, чем поэтических. Поэтому, когда появляется в России символизм, акмеизм и так далее, тогда происходит соединение литературы с балетом, и балет был первым толчком к образованию символического искусства. На это никто не обращал внимание, но вы обратите внимание.

Блок пишет свои драмы вначале как балетные либретто. Можно обратить внимание на то, что «Стихи о прекрасной даме» у Блока появляются после того, как прошумел, прогремел балет «Белая дама», поставленный Петипа в Мариинском театре. Так что балетное искусство сказывается не только на поэзии Блока. У Ахматовой – посмотрите, сколько там маскарадов, переодеваний. Скажем, в поэме «Без героя» и в ряде других тем. Там просто куски заимствований из балета. И балет оказывает влияние на театральное искусство, ведь Мейерхольд начинал как балетный режиссер и постановщик.

Так что вот какое-то ведущее искусство всегда появляется в той или иной эстетической формации. Ну, об этом можно было бы говорить очень много, я просто хочу на это обратить внимание.

Для построения истории литературы чрезвычайную важность представляют не просто эстетические формации и даже не сами эстетические формации в их классической форме, сколько переходы от одной эстетической формации к другой. Вот на грани, скажем, классицизма и рококо, на грани ренессанса и барокко развиваются наиболее гениальные и лучшие произведения.

Это интересная вещь. Скажем, к какой эстетической формации мы отнесем Шекспира? Шекспир находится на грани ренессанса и барокко, и то, и другое в нем. И это делает его положение особенно сложным. Понимаете, в искусстве появляется контрапункт. Контрапункт стилей определенных, который для настоящего творца и настоящего гения особенно важен.

Поэтому для России, скажем, контрапункт романтизма и реализма был чрезвычайно важен. Вот у Гоголя. Гоголь – он и романтик, и реалист. Реалист, может быть, главное. Но то, что он был романтиком, это страшно важно. Этот необычайный диапазон и создал его творческую индивидуальность.

Вообще все великие явления появляются на грани двух эпох, на стыках эпох. Это вы можете заметить в науках: открытия появляются на грани двух наук, химии и физики, математики и физики и так далее. Это уже в естественных науках замечено давно.

Но в эстетическом плане, в произведениях художественных на это обращено меньше внимания. И всегда идут нелепые споры о том, Лермонтов романтик или реалист, Гоголь – романтик или реалист? А на их самом деле весь их творческий потенциал создается как в электрических батареях – плюс и минус, на грани романтизма и реализма.

И не только на грани эстетических формаций. Крайне важно также, в литературе особенно и в любом виде искусств, соединение искусства и неискусства. Искусство рождается только там, где есть и неискусство. На грани с неискусством. То есть вся древнерусская литература, образование жанров многочисленных, особенно многочисленных в XVII веке – там их колоссальное количество. Они все образуются на грани деловой письменности и художественной письменности.

Это очень важная вещь при построении истории литературы. Потому что отбор художественных произведений обычно ведет к обеднению литературы, к обеднению истории литературы, процесса. Мы начинаем не понимать, что же совершается, что происходит. И такое обеднение... Вот мы в истории древней литературы всячески стремимся преодолеть, включая туда и эпистолярные жанры, и деловые жанры, и различные пародии на деловые жанры – это всё вот та грань, где образуются очень яркие произведения, как, скажем, «Повесть о Горе-Злочастии» – это гениальное совершенно произведение неизвестного автора, очень национальное, образовавшееся на грани письменности

и фольклора, а между тем историки литературы очень часто спорят, фольклор это или письменность.

Да, это и то, и другое, это образовалось на грани. Причем то, что это все-таки не чистый фольклор, доказывается тем, что в «Повести о Горе-Злочастии» есть и лирическая песнь, есть и следы былины, есть и следы сказки. Фольклор никогда не смешивает жанры, а здесь это смешение жанров есть. Таким образом, при построении истории литературы очень важно выделить эстетические формации и выделить промежуточные явления между эстетическими формациями. И затем выделить и обращать внимание на те жанры, которые кажутся не художественными, но из которых все время выделяются художественные стихи.

Скажем, для русского реализма XIX века чрезвычайно важно эпистолярное наследие писателей. Потому что, скажем, проза Лескова... Что такое проза Лескова? Ведь там у него определения жанровые всегда совершенно неожиданные. «Рассказ на могиле» какой-нибудь или какой-то судебный случай, рассказ в поезде, стихи в устной речи – очень сказывалось в его произведениях, встреч в гостиницах. Почти прустовская вещь – это «Полуночники» его, где подслушанные разговоры только передаются. У него есть такие произведения, где почти нет от автора слов. Есть только разговоры, и из этих разговоров выясняются, в конце концов, личности разговаривающих, ситуация, которая привела к этим разговорам, и так далее.

Значит, разговоры у Лескова важны. Для него же важны письма, документы – он имитирует документы иногда. Значит, форма документов для него важна. Лесков был необычайно плодovit в создании новых жанров произведений. Именно потому, что он все время обращался к деловой прозе.

С этой точки зрения мне кажется ошибочным, что в истории русской литературы не включаются историки. Историки ведь ставили себе целью, особенно в XVIII – начале XIX века, рассказать русскую историю художественно. Это делал и Татищев, внося туда вымышленные разговоры, это делал Карамзин. Нам сейчас очень хотелось бы издать «Историю государства российского» Карамзина в литературных памятниках, но это встречает вечные возражения, приходится бороться. «Да это история, это не литературный памятник». Да это именно литературный памятник. «История» Соловьева, замечательного стилиста, – это художественный памятник. «История» Ключевского – это художествен-

ный памятник, который все время отражается. То у Ремизова, то еще у кого-нибудь.

Постоянные отражения в художественной литературе идут. Между тем включить Ключевского и Соловьева в историю русской литературы не удастся до сих пор. Я думаю, что это ошибка. Нужно их включать, как включают англичане. Англичане включают Карлайла²⁶², Маколея²⁶³. Французы включают. В истории русской литературы этого нет. Это необходимо. Я думаю, что в истории болгарской литературы само собой разумеется, что историки будут включены.

Таким образом, значит, в истории литературы не должно быть четких границ между литературой и не литературой. Потому что в этих пограничных областях и идет творчество нового, и это очень важно.

История литературы всё больше и больше за последнее время приближается к истории культуры народа. Кажется, что это явление, которое ведет к размыванию границ истории литературы. Нет, это явление очень важное. Потому что история литературы – это действительно часть истории культуры, и она должна быть такой. Потому что многое в литературе мы можем заметить только через другие искусства. Мы бы не обратили внимания на важность некоторых вещей в истории литературы, если бы соседние искусства не подсказывали нам необходимость обратить внимание на них.

Допустим, современная литература имеет огромное значение в кино. И я думаю, что в области кинематографии появление литературных сценариев – это вот и есть одно из проявлений появления нового важного жанра. Литературные сценарии для кинематографии читаются сейчас огромным количеством народа, и они дают такой выход для словесного творчества, который не весь даже умещается в кинематографе. Он очень важен.

²⁶² Карлайл Томас (1795–1881), британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор многотомных сочинений «Французская революция» (1837), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), «История жизни Фридриха II Прусского» (1858–1865) и других.

²⁶³ Маколей Томас Бабингтон (1800–1859), британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи. На протяжении последнего десятилетия своей жизни он работал над пятитомной «Историей Англии» – капитальным научным трудом.

Но, к сожалению, история культуры у нас совсем почти не разрабатывается, разрабатывается очень мало в теоретическом плане. Пишется история культуры, но не разрабатывается, не исследуется.

Выходила история культуры Древней Руси, там главным редактором был Николай Николаевич Воронин²⁶⁴. Это как собрание ряда глав. Глава «Литература», глава «Монетная система», глава «Торговые пути», глава «Торговля», глава, посвященная архитектуре. И ни один из авторов не оглядывается на то, что пишет сосед. Получается такое совершенно механическое соединение различных глав по различным вопросам, которые неизвестно почему находятя под одним переплетом. Можно такую историю культуры расплести и выйдет краткая история литературы, краткая история монетной системы, краткая история архитектуры и так далее.

Это полезно, конечно, такое соединение под одним переплетом. Но, как и вот эти истории литературы, которые строятся на основе сообщения сведений, и Московский университет, издающий историю русской культуры, которая очень хорошая, но, к сожалению, они дойдут до XIX века и остановятся, потому что так построить историю XIX века уже будет невозможно. Можно строить так средневековую историю, можно даже XVIII век, но дальше уже идти так невозможно. Потому что нелепость самого построения этим способом истории культуры, становится совершенно ясна. И здесь нужен термин «культурная формация», который бы включал в себя эстетическую формацию, но и культурную формацию.

Потому что культурная формация включает в себя науку. Она может не подчиняться определенному стилю, а может быть, и подчиняется определенному художественному стилю. Современная наука подчиняется определенному художественному стилю. И можно было бы написать работы об эстетике современной науки. Так же, как об эстетике науки Ренессанса, барокко – это всё разные вещи в эстетическом плане. Но истории литературы постоянно необходим контакт, главным образом с искусстве-

²⁶⁴ Воронин Николай Николаевич (1904–1976), советский историк и археолог, один из крупнейших специалистов по древнерусской архитектуре. Автор фундаментальных работ по древнерусской культуре, зодчеству, живописи, пластике, градостроительству, летописанию.

дами. И нужно считаться с тем, что кое в чем из-за отсутствия настоящих контактов искусствоведы обогнали литературоведов в эстетическом анализе, а кое в чем и отстали от литературоведов.

Скажем, для искусствоведов очень важным подспорьем в их работе является соединение искусствоведения с реставрационной практикой. Понимаете, это та материальная почва, от которой не уйдешь, в которой не обманешь. А обмануть в искусствоведении очень просто. Дело в том, что в искусствоведении, несмотря на важную реставрационную практику, масса импрессионизма, который в литературоведении уже отжил. У нас уже никто сейчас не станет писать, как блестяще писали в свое время. Это пройденный этап. <...> Но искусствоведы, несмотря на существование реставрационной практики, которая их сдерживает, как узда искусствоведов, существует все-таки манера фразеологического решения некоторых вопросов.

Но у одного искусствоведа совсем недавно я прочел такую фразу, что лицо Христа на иконе необычайно мудро, но (без мыслей). По-видимому, искусствовед в это вкладывал что-то очень значительное. Но получилась пустая фраза, и таких пустых фраз очень много в искусствоведении и, к счастью, мало в литературоведении. Но литературоведение тоже если страдает не импрессионизмом, то страдает ораторским пафосом, ораторским способом решения некоторых вопросов. Вот такой ораторский пафос, когда дело идет о великом писателе, ораторское восхваление – это не лучше, чем импрессионизм искусствоведов.

Вместе с тем у литературоведов есть своя реальная почва. Это текстология, изучение текста, изучение творческого процесса писателя, изучение биографических данных – это всё очень важно, это всё прикрепляет литературоведов к земле. Таким образом, и искусствоведы в своей области, и литературоведы в своей области стремятся взмыть в облака, но почва их удерживает, земное тяготение, и этому земному тяготению мы должны быть благодарны, потому что иначе наука исчезнет из наших областей. Но удерживаемся мы этим земным тяготением, и искусствоведы, и литературоведы, по-разному. А хорошо бы, чтобы этот обмен опытом был.

Кооперация искусствоведов и литературоведов крайне важна. Это было осознано еще до Второй мировой войны. Когда Институт русской литературы стал делать историю русской литературы. В 1938 году я принял участие, я уже тогда начал работать в Институте русской литературы, и тогда по древней части, по

трем томам древнерусской литературы был приглашен искусствовед Николай Николаевич Воронин. Он писал все главы по искусству. И это очень хорошо. Но эти главы по искусству оказались не увязаны с литературными фактами. Так же, как были исторические (главы), и они тоже были необходимы, но были неувязки. Вот весь дальнейший процесс совершенствования истории литературы шел по линии большей и большей увязки истории литературы с историей искусств и историей, органической увязки, а не механических соединений.

Между тем, скажем, особенно для древнейшего периода вот этот монументальный исторический стиль, о котором я писал применительно к древнерусской литературе, ведь мысль на это была подсказана мне главным образом материалом искусств. Материал искусств оказался применительным и для литературы. Там был и историзм, и средневековый историзм мощный очень, и вот этот монументальный исторический стиль, который сказался и в русском летописании, и во всем общем периоде нашего литературного развития.

Вот перечислю истории литератур, которые выходили или вышли в нашем институте и о которых я упомянул в самом начале нашей беседы. Это, во-первых, десятитомная история русской литературы, которая начала выпускаться – первый том в 1939 году, подготовка к нему шла еще в 1937 году и закончилась, по-моему, в 1947 году, последний том вышел в 1948 году. Она выходила, очень помешала война. Это самая крупная история литератур, но с попыткой преодоления исторической энциклопедичности, с попыткой внести туда периодизацию уже литературную. Какие здесь были трудности? Трудности, прежде всего, с периодизацией, потому что подчинялись целиком истории. Но выходы, которые делались из этого исторического плена, они были не очень удачными. Затем – трудности с феодальной раздробленностью. Но в политической жизни феодальная раздробленность Руси в XI–XII–XIII веках проявила себя чрезвычайно сильно, и историю литературы стали строить по принципам этих феодальных княжеств отдельных. Литература Новгородская, литература Ростово-Суздальская, литература Киевская, Черниговская. Вы помните, как там построены эти главы.

Между тем это всё выдумки. Потому что литература, она как раз объединяет всю русскую территорию единством языка, единственной идеей. И летописи, где бы они ни велись, они всегда

велись как единые русские летописи. И разделение по областному принципу, которое нами было введено, еще до революции, у Сперанского это было, оно оказалось ложным. И оно затормозило понимание литературного процесса. Ведь и сейчас литература не развивается отдельно в Булгаре или отдельно в Софии, отдельно в Иркутске, Москве, Вологде и Ленинграде. Она единая, литература. И если бы мы писали так современную литературу, мы бы разъединили Распутина с Беловым, со всеми другими деревенскими писателями. А между тем они представляют собой единую очень мощную группу.

Поэтому деление по принципу феодальной раздробленности, оно оказалось неудачным, и нельзя было поэтому выявить этот общий нравственный, государственно-нравственный (смысл) литературы. В (XIII) веке (она) заняла место государства, нравственное. При падении авторитета княжеской власти функции объединения, функции этические взяла на себя литература. Вот это оказалось незамеченным. Трудности оказались с историческими введениями и так далее.

На основе 10-томной истории был построен учебник по истории русской литературы, с древнего периода по XVIII век. Под редакцией Десницкого²⁶⁵. Это библиографическая редкость. Там также мы решили давать искусствоведческие главы, все эти главы писал я, старался писать ближе к литературе, но это было очень трудно, и я тогда не был достаточно опытным человеком, чтобы с этим справиться. Но недостатки 10-томной истории литературы в этих двух маленьких томах, учебнике Десницкого, они в какой-то мере были преодолены.

Затем в 1950-х годах началась работа над трехтомником под редакцией Дмитрия Дмитриевича Благого²⁶⁶. Но там искусство было совершенно исключено, потому что его нельзя написать

²⁶⁵ Десницкий Василий Алексеевич (1878–1958), революционер, социал-демократ, затем «красный профессор», литературовед и педагог. Автор ряда книг и статей по истории русской и зарубежной литературы и литературоведению.

²⁶⁶ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), известный русский и советский литературовед, пушкинист, историк литературы. Доктор филологических наук (1938), профессор Московского государственного педагогического института (с 1931), профессор ИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского (с 1936), декан филологического факультета МГУ (1950–1952), член-корреспондент АН СССР (1953), академик АПН СССР (1968).

для XIX века, и нам пришлось отказаться для древней литературы. А между тем было бы хорошо, если бы XIX век, реализм был бы сопоставлен с реализмом в живописи и с реализмом в других областях. Это было бы очень удачно, но не оказалось это сделать возможным из-за отсутствия специалистов. И чтобы придать единство всему трехтомнику, мы отказались и от древней части.

Сейчас делается пятитомник. Но принципы почти те же, что в трехтомнике Дмитрия Дмитриевича Благого. Этот пятитомник больше и больше размерами.

Недавно, в прошлом году, у нас вышел учебник истории русской литературы X–XVII веков, где мы стремились создать историю литературы общепонятную, то есть такую, в которой бы материал излагался таким образом, чтобы даже не знакомый с памятником человек почувствовал бы процесс изменения стиля, вот эти эстетические формации. Сейчас мы будем писать второе издание, хотя прошел только один год. И в этом втором издании чувствуем необходимость уже в некоторых переработках. Вообще издание истории литературы – это тоже есть школа осмысления, подведения итогов и выяснения белых пятен. Занятие очень полезное. Ну, и было написано развитие русской литературы X–XVII веков. В 1975 году вышла книжка. Но я рассчитывал взять только спорные проблемы, и я не писал книгу для тех, кто не знает самих памятников. Поэтому книга не может служить таким интересным чтением. И рядом с книгой о русской литературе я писал и собирал из разных статей другую книгу, которая, мне казалось, подходила бы для широкого читателя. Это «Великое наследие». Это для чтения и людьми, которые ничего не знают о русской литературе. Выбраны некоторые произведения, и о них рассказано в хронологическом порядке с тем, чтобы дать представление о периодах, об этих эстетических формациях. Но не знаю, насколько это вышло интересно. Сейчас вышло второе издание этой книжки.

Очень интересный опыт, который мы делаем сейчас по древнерусской литературе, – это издание <...> о литературе Древней Руси. Вышло три тома, приблизительно по 40 листов каждый. И это рассчитано на широкую публику и построено совершенно необычно. Это как бы хрестоматия по древней русской литературе. Но хрестоматия это (отрывки), а здесь памятники целиком. И (нет) вступительных статей. Читая подряд эти тома, их было всего 12, читатель будет иметь представление о памятниках древ-

нерусских, о которых он обычно не знает, не читает, и поэтому вся история литературы бессмысленна, если он не знает памятников.

Если история литературы XIX века строится для людей, которые читали Пушкина, Лермонтова и Достоевского, Толстого и так далее, то история древней литературы ведь строится в основном для людей, которые не читали памятников древнерусской литературы. А здесь они прочтут, причем мы делаем таким образом: с левой стороны древнерусский текст, подлинный, выверенный по рукописям, с правой стороны – перевод. Поэтому тут может быть и обучение древнему языку. Человек начинает читать с перевода, а потом думает: а как же по-древнерусски это звучит? И удивляется, насколько лучше. Такой своеобразной истории русской литературы, древнерусской литературы, кончая XVII веком, я думаю, что если нам разрешат, мы захватим и петровскую эпоху чрезвычайно интересную. Таких томов мы предполагаем сделать двенадцать. Пока сакральное число двенадцать, а может быть, будет и тринадцать. Я думаю, вот заканчивая мой опыт работы над этими литературными, над моими соображениями по истории литературы... Да, я не упомянул Всемирную историю литературы, которая делается Институтом мировой литературы совместно с нашим и в которой я участвую, и целый ряд еще других историй литературы, но это не важно.

Так вот, я думаю все-таки, что очень важно строить историю литературы таким образом, чтобы она была бы интересной. Чтобы ее интересно было читать. Как сказал Пушкин, все жанры хороши, кроме скучного. Но чтобы была интересная лекция, интересное выступление, интересная история литературы, она должна быть построена на одной мысли, одним человеком.

Никакой самый хороший коллектив художников не напишет «Сикстинскую мадонну». Не напишет коллектив. Хотя под руководством гениального Рубенса мастерская его выполняла превосходные картины. Но все-таки картины, которые он писал один от начала и до конца, всегда лучше. Так же точно, как и романы Александра Дюма тоже писались коллективами, и они считаются коллективными, но все-таки это не первого класса литература.

Следовательно, идеально, чтобы история литературы была написана одним человеком. Или чтобы периоды были написаны одним человеком. Это очень важно. Обычно в академических учреждениях работа распределяется следующим образом. Вот надо написать какую-то коллективную работу. И говорят так:

а этой темой занимался такой-то, вот и напишет, такой-то темой занимался другой, вот он ее и напишет. Достоевским занимаются такие-то и такие-то люди, а значит, они должны написать главу о Достоевском. Этот подход совершенно неправильный. Он ведет к застою самих ученых, которые повторяют самих себя. Так сказать, плагиатируют свои собственные работы. Потом, это делает неинтересным чтение, потому что узнаёшь всё те же самые мысли. И самое главное – это застой для науки.

Вот почему обычный способ «о Пушкине пишет пушкинист, а о Достоевском пишет специалист по Достоевскому» – это не всегда правильно. Было бы интереснее, если бы пушкинист написал о Лермонтове, а специалист по Лермонтову написал о Пушкине. Это и творчески было бы интереснее, и интереснее для читателя и привело бы к каким-то новым мыслям, новым подходам.

Я думаю, что когда даже об искусстве пишет неспециалист или специалист в другой области искусства, но в своей области методологически четкий, получается очень интересно. Томашевский Борис Викторович²⁶⁷ был математик, а как он писал о стихе! Именно потому, что он был математиком. Если бы он был филологом, он бы продолжал линию ту, которая уже была, и, может быть, не был бы таким новатором в своей области, как то, что он пришел из точных наук. Точно так же, как и текстология Томашевского, – чувствуется здесь дисциплина ума, методологическая четкость, выработанная на других науках. Но в своей области, в области, в которой он начинал работать, – в области литературоведения он был свободен от традиций, понимаете? Традиция хороша, но и свобода от традиции для талантливого художника должна быть. А историк литературы должен быть художником.

Хорошая история литературы – это как громадный исторический роман. И я бы назвал историю литературы хорошую – это эпопея. Вот это то, что нам нужно. Есть все основания создать эпопею болгарской литературы. Это именно тот литературный жанр,

²⁶⁷ Томашевский Борис Викторович (1890–1957), советский литературовед, теоретик стиха и текстолог, исследователь творчества А.С. Пушкина, переводчик, писатель, член Союза советских писателей, заведующий Рукописным отделом и Сектором пушкиноведения Пушкинского Дома. Окончил Льежский университет (1912) с дипломом инженера-электрика. Слушал лекции в Сорбонне. По возвращении в Россию выступил в 1915 г. с первыми публикациями по инженерным вопросам, однако позднее, начиная с 1921 г., стал профессиональным литературоведом.

который должен (вскрыть трагедийность) развития болгарской культуры и литературы, монументальность болгарской литературы и решение ею основных нравственных исторических проблем. Историзм, патриотизм. Не национализм, который я ненавижу, патриотизм.

Это всё соответствует духу эпопеи. И мне лично хотелось тоже создать произведение, которое я бы назвал эпопеей русской литературы. Взятая именно в таком плане русская литература может оказаться необычайно интересной. Спасибо вам за внимание.

Научное издание

**Экология культуры –
учение о сохранении культурного наследия
и вечных ценностей культуры:
к 110-летию со дня рождения
академика Д.С. Лихачёва**

Ответственный редактор *С.Ю. Житенёв*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Художник *М.Ю. Маяков*
Корректор *Н.В. Соболева*
Оригинал-макет *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 24.07.2017
Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 10,2
Тираж 500 экз.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: heritage@mtu-net.ru, cdn-nasledie@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Костромской дом печати»
156000, Костромская обл., г. Кострома, ул. Мясницкая, д. 43А.